

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ЯНВАРЬ
2004**

**ТЕВЕС
5764**

N 1 (141)

НЕ СВОРАЧИВАТЬ С ПУТИ, ЗАПОВЕДАННОГО Г-СПОДОМ!

Когда в конце восьмидесятых годов я впервые приехал в Москву, меня, привыкшего к западным стандартам, больше всего поразили две вещи – пустые полки магазинов и бесконечные очереди. Я поделился своим изумлением со знакомыми евреями: Один из них тут же рассказал мне довольно забавный анекдот. «В магазин завезли мясо. Выстроилась огромная очередь. Вышел директор: "Товарищи, мяса на всех не хватит, поэтому пусть евреи уходят, продавать буду только русским". Евреи ушли, а магазин все не открывается. Через час снова выходит директор и объявляет: "Мяса мало, поэтому пусть иногородние едут домой, достанется только тем, у кого московская прописка". Иногородние отправились восвояси, а магазин все закрыт. Проходит еще час, появляется директор: "Мяса так и так на всех не хватит, отпускать станем лишь по партбилетам". Что делать – ушли и беспартийные. Через час директор опять вышел и говорит: "Теперь, когда остались только свои, скажу честно – мяса нет и не привозили". В толпе сначала воцарилась тишина, а потом прозвучал чей-то обиженный голос: "Вот, евреям всегда поблажки – они уже три часа дома сидят, а мы здесь на холоде в очереди маемся..."»

Новости из Западной Европы вновь возвращают нас к проблеме антисемитизма. Из Франции, из Германии, из других стран, считающих себя цивилизованными, просвещенными, ежедневно приходят сообщения об осквернении синагог и еврейских кладбищ, об избиении евреев, осмелившихся выйти на улицу в кипе. Снова, в который уже раз, евреям приходится мучительно размышлять над вопросом – почему их ненавидят? Почему именно их? И не приближается ли где-нибудь нечто подобное 1933 году в гитлеровской Германии?

Ксенофобия, то есть неприязнь к представителям других народов, испокон века распространена в мире и, как правило, может быть объяснена историческими причинами – памятью о прошлых войнах, о былых обидах. Причем ксенофобия обыкновенно взаимна и рано или поздно исчезает. А вот антисемитизм – явление непреходящее; антисемитов можно найти практически в любой стране, среди представителей любой нации. С ненавистью к евреям мы сталкиваемся едва ли не на всем протяжении нашей истории.

Даже живя в стране, где антисемитизм, предположим, не носит массового характера и где власти достаточно жестко препятствуют его распространению, нельзя игнорировать это явление и не думать о нем. Не только потому, что страдают наши братья в других странах. Но самый факт существования вечного и «универсального» антисемитизма оказывает на нас дурное влияние. Одни ожесточаются против окружающих и считают, что весь мир состоит из врагов. Другие, наоборот, озлобляются на самих себя: раз, мол, ненависть к евреям всеобъемлюща, значит, быть евреем плохо. Третьи замыкаются в себе, живут в постоянном страхе, четвертые полагают, будто все их беды, неприятности есть следствие «антисемитских происков» и ищут антисемитизм там, где им даже и не пахнет...

Иными словами, нам плохо от самого факта существования антисемитизма. И будет плохо до тех пор, пока мы сами не ответим себе на вопрос: почему он существует?

В последнее время некоторые «либеральные» интеллектуалы и СМИ на Западе утверждают, что антисемитизм – следствие неприязни к Израилю, который, по их мнению, угнетает «бедных арабов». Однако это умозаключение, если немного подумать, лишено элементарной логики. Если кто-то стремится протестовать против Израиля, то, значит для этого надо напасть на еврея, живущего во Франции! Зачем? Чтобы евреи уехали из Франции в Израиль и тот стал еще сильнее?!

Кстати: в той же Франции еще сравнительно недавно антисемиты выдвигали прямо противоположную идею: дескать, евреи все левые и защищают приезжающих жить во Францию арабов. Да и в других странах антисемиты обвиняют наших соплеменников во взаимоисключающих вещах: все евреи капиталисты и одновременно – социалисты; евреи «сделали русскую революцию», и они же – «международная плутократия»...

С точки зрения современной психологии, если человек что-то ненавидит «слишком яростно», безрассудно, иррационально, – значит он ненавидит что-то в самом себе или в своей жизни. У антисемитов это часто лежит на поверхности. Вспомните печально известную речь правителя Малайзии Махатхира

Мухаммеда на последней сессии ОИК. Мухаммед обвинил евреев в том, что они «захватили власть и правят миром по доверенности», а затем призвал мусульман «учиться у евреев». Получилась классическая «оговорка по Фрейду»: политик невольно признался, что его цель – захватить власть над миром. А раз это у него не получается, он ищет и находит виноватого – того, на кого можно свалить собственные неудачи. И он не первый. Но история учит: делающий ставку на антисемитизм обречен. Его ждет крах.

Однако неудовлетворенное честолюбие, зависть, корысть и другие скверные свойства антисемитов есть лишь частичный ответ на вопрос о причинах антисемитизма. Чтобы понять всё, надо задуматься, кто такие мы сами, какова наша роль в этом мире.

Мы, евреи, – избранный народ. Так написано в Торе, так сказал Г-сподь. Это не значит, что мы лучше других. Это значит, что

Б-г избрал нас для выполнения определенной миссии. Мы должны быть «нер лаамим» – свечой для других народов. Иными словами, усердно и правильно выполняя волю Г-спода, мы даем пример другим народам. Пример того, как следует жить на земле.

При даровании Торы Б-г четко определил, какого именно поведения Он требует от нас. Законы, обуславливающие наше бытие, зафиксированы в Десяти заповедях. При этом евреи должны не просто чтить эти законы, а делать все, чтобы их приняли в душу и другие народы. Проще говоря, Г-сподь хотел, чтобы мы влияли на окружающий мир, на людей в мире, даже на государственных и общественных деятелей, приобщая их к тем ценностям, которые Он даровал иудеям.

Благодаря Торе мы возвысились духовно, мы поднялись на иной, более высокий уровень морали. Это проявляется, в частности, в нашей глубокой приверженности семейным, общинным нравственным основам. Мало найдется в мире столь же сплоченных людских сообществ, как еврейская семья, еврейская община. Когда их видит человек «со стороны», видит и понимает, что наша жизнь есть выполнение воли

Б-га, он часто тоже хочет следовать Б-жьим законам, и мы обязаны помочь ему в этом.

Но есть другие люди; им ненавистно все, что идет об Б-га. Они бы еще могли как-то примириться с плохими поступками худших наших единоверцев, но те евреи, что, живя в согласии с Б-гом, стараются насаждать любовь вокруг себя, вызывают у них инстинктивную враждебность. Еврей, выполняющий заповеди, зажигает свечу, чтобы рассеялся мрак и всем стало светло. Но этим людям свет слепит глаза, а человек со свечой внушает злобу. Недаром антисемит ненавидит не только еврея, но любого, кто духовно выше, чем он, кто ближе него к

Б-гу. Ненавидит интеллигенцию, ненавидит всех, чья жизнь наполнена высоким смыслом.

Так было, так есть. Такова главная причина антисемитизма, бытующего на протяжении всей истории. Но и в прошлом это не заставило нас свернуть с пути, по которому заповедал идти Г-сподь. Не заставит и теперь. Мы верим и знаем, что человек, живущий в соответствии с Его волей, с Его установлениями, удостоится от Него высшей награды.

Āšāš ūē dāššēl Dīnē Ādē Ēāšō

ЯНВАРСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Менахем-Мендл Шнеерсон

Çà áóéâîé Çàéîíà

Î ñòè «Î íó:áí èé îòöíà»

Daááé [Éáááà à-Î íñé] ááíðèé: «Éáéíé íòöüáíéæáí áíáðáòü:áéíááé, ÷òíáü íí áúé íðááééüü úí? Ýòíòò íòöüáíéæáí áúòüáí ñáááòòíí á, èòí ááí èçáðáé, è íðéíáñòè áí óíí:èòáí èá á íáüáñòáá...»

Î íó:áí èý îòöíà 2:1

Î í (ðááááí Ááí èéýé) íáü:íí ááíðèé: «Èñí íéíýé Ááí áíèþ, èáé ñáááòááí íòþ, òíááá Î í ñáááò èñí íéí èòü òáíþ áíèþ, èáé Ñáíþ».

Î íó:áí èý îòöíà 2:4

Это – высказывание рабби Иеуды а-Носи. Вдумаемся однако: а не противоречит ли оно самому духу «Поучений отцов» да и сущности иудаизма?

Как растолковано нашими мудрецами, в основе иудаизма лежит вера в то, что Тора является «чертежом» Б-га, по которому был создан мир. Так, в Брейшис Раба (1:2) сказано:

«Ñòðý ááíðáá, áððèðáéòíð ááéñòááò íá íí íðíéçáíéú, íí ñááðýáòñý ñ íéáíáí è è ÷áððáæáí è, óòí:íýý, ááá áúááò çáèà, à ááá – áááðè á íáá ðáé è Á-á òáíðý í èðíçááí èá ñááðýéñý ñòíðíé».

Но мы при этом отметим: Б-г не закончил возведение «дворца мироздания» за шесть дней Творения. Всомогущий всего лишь позаботился о том, чтобы у человека – Его «соразботника в Творении» – были все стройматериалы, из которых именно сам соразботник в конце концов и должен выстроить этот «дворец мироздания». Причем, возвести этот дворец в соответствии с данными человеку «планами и чертежами», сказано в Талмуде (Шабос, 119б) и в Брейшис Раба (11:7).

На горе Синай архитектор – Б-г вручил план и чертежи подрядчику – человеку. И Он при этом сообщил Свои представления о реальности – Тору – тем, кому Он поручил их реализацию в реальности Творения.

Сразу непонятно: как же тогда рабби Иеуда может утверждать, что «правильность пути» определяется тем, что это – путь «во славу тому, кто его избрал»? Как непонятно также и другое благоприобретаемое качество человеком, идущим по этому пути, – пути, «приносящем ему почитание в обществе»?

Представьте строителя, который в своей работе руководствуется вовсе не задачей, поставленной перед ним архитектором, а исходит из состояния подручных материалов. И вот такой строитель позволяет себе возроптать в адрес архитектора:

«Здесь на чертеже – квадратная балка, а у меня под рукой – только балки круглые. Не подправить ли нам чертеж?»

Но разве не так же поступает подчас и человек, в своих отношениях с миром руководствующийся, прежде всего, требованиями своей природы или требованиями общества? Зачем тогда и

пытаться изменить мир, – это ведь требует тяжких усилий?! Достаточно всего-то приспособить нашу мораль к условиям этого мира, и тогда все будет так просто, не так ли?!

Но ведь для еврея «путь, который должен выбрать человек», предопределен именно Б-жественным Откровением на горе Синай. А вовсе даже не тем, что удобно для человека, и не тем, что считается подходящим с точки зрения морали, царящей в данном обществе. Быть «соратником Б-га в творении» означает, среди прочего, и то, что человеку, претендующему на эту роль, приходится порой идти как против общепринятых мнений, так и против собственной своей природы.

Вероятно, именно поэтому «Поучения отцов», талмудический трактат, суммирующий еврейскую философию морали, открывается словами: «Моше получил Тору на Синае». Для евреев мораль – это не порождение субъективного мышления человека, а Б-жественное откровение.

Тут, однако, возникает вопрос: а как же тогда понимать высказывание, которым открывается вторая глава «Поучений отцов»?

Пределы закона

Ключом к пониманию служит само место, которое «Поучения отцов» занимают в Талмуде. Как мы знаем, 63 трактата Талмуда описывают законы Торы во всей их полноте. И в 62 трактатах говорится о том, что должно и чего не должно делать. Трактаты наставляют, как следует молиться и как изучать Тору, как есть и как заключать браки, как соблюдать Субботу, погребать мертвых, как наказывать преступников, вести дела и т.п. Однако же из всех 63 трактатов единственным исключением является трактат «Поучения отцов», в котором обсуждается не закон (дин), но «пределы закона» (лифним мишурас а-дин).

В Талмуде (Бава Кама, 30а) сказано:

«וְיִתֵּן, עֹלַם הַיּוֹם אֶת הַיּוֹם וְאֶת הַיּוֹם אֶת הַיּוֹם (אֶת הַיּוֹם אֶת הַיּוֹם אֶת הַיּוֹם), אֵינְךָ עֹלַם הַיּוֹם "לִפְנֵי אֵינְךָ לִפְנֵי אֵינְךָ"».

Что означает формула: «действовать в пределах закона»? Оказывается, в самом простом приближении это означает: выйти за минимальные требования закона. Если, например, закон о благотворительности – цдоке – велит отдавать на дела милосердия десятую часть всех доходов, то «благочестивый человек» будет отдавать больше. Такой человек будет строже соблюдать кашрус, он позаботится о том, чтобы его пара тфилин была более высокого качества, посвятит изучению Торы больше времени, чем требует от него закон, и т.п.

На глубинном уровне хасид – тот, кто в прямом смысле слова «пребывает в пределах закона». В частности, он стремится к тому, чтобы не только его поведение, но и его внутреннее «я» были совершенны. А значит, чтобы и его сознание, и склад его личности отвечали самым высоким требованиям.

При этом, именно «буква» закона прежде всего определяет поведение человека, а не его внутренне «я». Так, например, нет такого закона, который обязывал бы нас быть щедрыми: закон говорит лишь о том, что мы должны делиться своим достоянием с теми, кто нуждается. Также Тора вовсе и не требует, чтобы один вид свинины был нам отвратителен: однако мы просто всегда должны беспрекословно и неукоснительно воздерживаться от употребления свинины в пищу...

Но тот, кто действительно проникся истинным духом «Поучений отцов», уже отнюдь не довольствуется тем, чтобы только исполнять предписания Торы. Он стремится

к тому, чтобы сама его личность – его поведение, желания, чувства и облик – действительно соответствовали Б-жественному чертежу, намеченному для нас Создателем.

Это вовсе не значит, что сама Тора не подталкивает человека к тому, чтобы он изменил свою личность. Есть несколько заповедей, вызывающих к сердцу человека. Среди них такие: люби Бга, испытывай страх Б-жий, следуй Его путями («Ибо Он милостив – будь милостлив...»), люби ближнего, как себя самого. Тем не менее, сами предписания, сформулированные в этих заповедях, заключаются в одном наставлении – делать то, что будет способствовать развитию названных чувств: размышлять над формулами, побуждающими любить Б-га и ходить в страхе Б-жем, развивать в душе потребность творить добро, стараясь относиться к другим людям с сочувствием и милосердием, и т.д.

Однако Тора нигде не говорит, что человек должен трансформировать свою волю. И поэтому тот, кто пребывает в постоянной борьбе, пытаясь всецело уйти от своеволия, тем самым полностью исполняет «букву закона».

Neíàé èàé m'áúòèá

Конечно же, этот подход возможен лишь в том случае, если человеком достигнута более высокая стадия соучастия в творении. Такой человек стремится к тому, чтобы действительно исполнить предписания Торы – в этом его первейшая цель. Ибо на неудачу обречены попытки того, кто желает изменить свою личность без первоначального обуздания всех своих проявлений рамками строгой дисциплины. Его попытки столь же тщетны, как попытки управлять невзнузданной лошадью или получить энергию от турбины, опущенной в воды реки, где нет плотины.

Прежде чем добиваться изменения «внутренней сущности» человека, сперва нужно обуздать и подчинить себе «животное» начало, присущее каждому из нас. Только после этого можно заниматься внутренним самоочищением.

Поэтому и само заключение нашего союза со Всемогущим, открывшее для нас возможность стать соработниками Б-га, включало обе эти стадии. Когда мы впервые стояли у подножия горы Синай, и нам было сказано, что Б-г возжелал дать нам Тору, – тогда, как повествует Шмойс (19:8):

«Iòáàòèé ááúí áðíá áí áíòá è ñéáçèé: “Áúá ÷òí ñéáçé Á-á ñáéááí !”».

А спустя еще несколько дней, после того как мы оказались в должной мере подготовленными, мы подтвердили заключение союза. Ибо тогда, как записано в той же книге Торы – Шмойс (24:7), было сказано нами:

«Áúá ÷òí ááíðèé Á-á ñáéááí è áúáí ñéáçèé Áúá ñéáçé!»

Именно в этом отношении – суть нашего подхода к Торе. Мы потому и соработники Б-гу, что безоговорочно говорим: «сделаем!». Только тогда мы и можем вместить в душу все благое, что уже проникло в наше поведение и в наши поступки. Только тогда мы и можем надеяться, что нам удастся изменить душу и ее побуждения, дабы мы уже впредь не только действовали в соответствии с Б-жественной волей, но и желали того сами всеми фибрами души.

Áòíðáÿ áéááí

Первая глава «Поучений отцов» начинается словами:

«I íòá ííéó:èé Óíðóíá Neíàé».

Не «обрел», не «избрал» и не «постиг», но – «получил». Следовательно – проникновение в Тору начинается с безоговорочного принятия того плана, что был начертан Создателем для земного творения.

Однако, как известно, вторая глава «Поучений отцов» начинается с утверждения, что существует и иное, куда более глубокое постижение той цели, что поставлена Б-гом перед творением. А именно: сам человек выбирает надлежащий путь.

Исполнение заповедей Торы оборачивается не только подчинением Б-жественной воле, оно гармонично соответствует природе человека. Проникнемся же словами рабби Гамлиэла, сына рабби Иеуды а-Носи, приведенными в «Поучениях отцов» чуть ниже рассматриваемого стиха:

«Eim iei ye Aa aep, eae maano ai i qb».

И даже более того: нам не подобает ограничиваться лишь трансформацией собственного «я». Мы должны стремиться к тому, чтобы изменить наше окружение. Поистине так, – ибо тогда общество, как оно есть, сможет принять Б-жественный идеал. И когда «правильный путь» Торы обернется «во славу тому, кто избрал его» и «во славу всего человечества», – лишь тогда совместный проект Б-га и человека будет завершен.

Aicadao ni de au o e i

Кроме вопроса о том, что первично – внешнее ли исполнение заповедей или их абсолютное внутреннее принятие, – мы должны остановиться на различии между «оболочкой» закона и «внутренне присущими» ему элементами.

Каждый из нас в той или иной мере способен контролировать собственное поведение. Судя по сему, следует вывод: если Б-г требует от нас этого, то именно Он и наделил нас всем тем, что необходимо для достижения цели.

Правда, порой обстоятельства могут оказаться и вовсе неподконтрольными человеку. Однако, как он поведет себя в этих обстоятельствах, всецело в его власти, и его поведение зависит исключительно от его собственного выбора.

С другой стороны, способность по своей воле изменить склад своей личности дана отнюдь не каждому. Вот почему нельзя потребовать от каждого человека расшибаться в лепешку, чтобы производить над собою опыты для достижения изменения собственной личности.

Иными словами, в наших силах осознанно действовать в соответствии с Б-жественной волей. При этом, однако, совершенно ясен вывод: изменить нашу волю так, чтобы она всецело совпала с волей Всемогущего, – это уже за пределами, по крайней мере наших исключительно «естественных», человеческих способностей.

И, вместе с тем, хасид – именно тот из нас, кто решительно отказывается навсегда примириться с природной данностью. Он всегда желает большего! Большого, чем всего только простая реализация заложенного в нем от природы. И неизмеримо большего, чем простого «возврата» Б-гу «ожидаемой прибыли» от Его «инвестиций» в жизнь каждого из нас.

Поэтому-то именно хасид настойчиво и неустанно прилагает все свои усилия, чтобы трансформировать к лучшему собственное внутреннее «я». Он столь же искренне надеется и на то, что Всемогущий непременно ниспошлет ему чудодейственные духовные ресурсы. Такие, которые способны сделать возможным достижение хасидом и совершенного поведения, и – вследствие этого – состояния внутреннего совершенства.

В пояснение этой, достаточно непростой темы воспользуемся главой 14 из книги Тания, где сказано рабби Шнеуром-Залманом из Ляд следующее:

«I de au e a aano ai o i a a i e no ai i a e o n y a o i d i e i a o o d i e. I de o e a n a y e i o a d a i a i e p e i q e a e i a e e a i n i i a a e a i i a e a i a a o i a a e m u o u a a o u i i i a i i a a A e i a a i i i de o e o n a y a o i e d a i a a o u y A i n a i o i a i q d a c i u o e y u i a e e e e A a, o i a a i i d i a k e a i e a m e q»

איציאאד "ידיאבעאאי עא נאדב". ע' אי אנוא מ' אמי יועי י לאאד נעו-עוויי, ו-וי לילי עו אא נאיעא, ע יי אנויעויעווי י דעיווי מ'אע י אי ע' נ' -אנועואע אסע עאעילא-יעאוי י דאאאי עא (ואעעא).

Таким вот образом рабби Шнеур-Залман объясняет важность и смысл призыва, обращенного к душе еврея еще до его рождения: прежде чем душа сойдет в физическое тело, «будь праведником и не будь грешником» (Нида, 30б).

Почему же здесь две формулы – «будь праведником» и «не будь грешником»? Но ведь и у той миссии, которой наделена душа в этой нашей земной жизни, тоже два разных аспекта!

Действительно, повеление «не будь грешником» – это обязательное требование, которое вполне может быть исполнено каждым. Право же, можно не грешить мыслью, словом и действием, – а о большем в Б-жественных заповедях и не сказано!

Но душа ровно так же устремлена к тому, чтобы «быть праведной». Значит, столь же ясно и другое – душа стремится изменить к добру и личность человека, и его внутреннюю сущность.

В сущности, именно здесь и сокрыто искомое нами объяснение слов рабби Гамлиэля:

«Em'ieiyé Aa aiep, eae maano ai i op, oi aa I i m' laad em'ieieou o aip aiep, eae Naip».

Так объясняется сокрытый смысл этих слов рабби, которые – на первый взгляд! – кажутся противоречащими всему, о чем говорилось выше. Ведь если мы призваны сделать Его волю своей, тогда почему во второй части этой формулы говорится о том, что в ответ Б-г делает это для нас?

Однако, подумав, мы признаем, что сами сделать это просто не в состоянии. Мы можем стремиться к этому как к идеалу. И можем приложить серьезнейшие усилия, чтобы достичь этой цели. Но – тщетно, потому что истинно совершенное внутреннее «я» – дар от Б-га.

A i'oi i a «Em'ieiyé Aa aiep, eae maano ai i op».

I q, a oea oi aa Ami iauée - a ioano ia o aie ueeey! - «m' laad em'ieieou o aip aiep, eae Naip».

I noe cai i aiae

I i aieai ea, nuyai e i:-euapuaai aayiea

Aladi maano i i maepaae ai cai i aiae, eae eae ea, oae e o dui ua, i'oi i o:-oi on ia ci aau, neieiee i de:-e o aau i q eae aip e i ea

I io: ai ey i o oia 2:1

На первый взгляд, смысл этого поучения будто бы достаточно прост: не взвешивай заповеди Б-га и не суди о них. Но однако же стоит только вдуматься, каким образом это сказано, – и мы увидим, что формулировка отнюдь не столь проста! Скорее напротив, – она исполнена не только противоречивости, но даже и двойственности.

Сначала спросим себя: а есть ли какая-то разница между разнообразными заповедями или нет?

Казалось бы, интересующее нас поучение утверждает, будто бы никакой разницы нет. Но тут же возникает новый вопрос: почему тогда в «Почтениях отцов» говорится о заповедях «легких» и «трудных»? Причем, в оригинале использованы слова кало и хамуро – буквально «легкий» и «суровый»?!

Но ведь здесь повторена та же классификация заповедей, с которой мы встречаемся в Талмуде, в комментариях и в кодексах законов Торы.

Мало того – ведь и сама Тора также проводит различие между заповедями! Например, одним из указаний на «трудность» – собственно говоря «суровость» – заповеди является наказание. Это – неотвратимое наказание, предусмотренное за какое-либо серьезное нарушение заповеди: кара смертью, корес («отсечение души»), бичевание, денежный штраф, принесение грехоочистительных жертв в Храме и т.д.

При этом следует отметить, что земной суд нечасто приговаривал к таким наказаниям. Тора специально оговаривает процедуру судопроизводства, которая редко может быть реализована на практике. В частности, для такого суда необходимы два свидетеля, предупреждавшие грешника непосредственно перед нарушением заповеди, говоривших ему о ждущей его каре и видевшие, как именно было совершено преступление.

Итак, по всей видимости, главная функция предусмотренных Законом наказаний – дать исчерпывающее и ясное представление об иерархической ценности заповедей.

Так мы знаем, что соблюдение Субботы (а нарушение этой заповеди считается фундаментальным преступлением) «важнее» обрезания, ведь отказ еврея от обрезания чреват «всего лишь» «отсечением души». Естественно, блюсти заповедь о Субботе куда «важнее» соблюдения иной, еще «меньшей» заповеди. Например, важнее заповеди о необходимости делать перила на кровле, нарушение которой карается бичеванием.

Эти различия имеют и прямое практическое приложение. В частности, «тяжесть» той или иной заповеди часто позволяет ответить на вопросы, возникающие при истолковании тех же законов Торы.

Понятно поэтому, что когда в интересующем нас стихе из «Поучений отцов» говорится о «трудных» и «легких» заповедях, это вовсе не означает, что какая-то из них «больше» или «меньше» другой. Во все нет, ибо речь идет лишь о статусе соответствующей заповеди в системе Торы.

И особо обратим внимание, что тут же недвусмысленно сказано: мы должны одинаково ревностно исполнять все заповеди, ибо мы не знаем, «сколько причитается за каждую из них»!

Á èàèàíé çàì íàáàè – àíà íñò àèüí úá

Мудрецы утверждают: все Б-жественные заповеди сущностно едины. Именно поэтому в Талмуде (Сукко, 25а) сформулировано следующее правило:

«Óò, èòí á íàñòíýùèé í ïí áíò çàíýò èíííèíáíèáì çàìíàáàè, ïàíáíááí íò èíííèíáíèý èí úò çàìíàáàè».

Так, например, если в праздник Суккос человек ухаживает за больным, то человек этот совершенно свободен от прямой необходимости совершать трапезу только под сенью сукки. То есть если он уже занят исполнением одной заповеди, то и не должен, – во имя исполнения какой-либо иной заповеди, даже и на одну минуту, – отрываться от того, во что он уже погружен...

Весьма существенно, что названное правило касается любой пары заповедей, даже если одна из них кажется «великой», а другая – «малой». Следует четко осознать и вникнуть в главное обстоятельство: все заповеди есть лишь различное выражение единой сущности.

Учитывая это, еще раз задумаемся в слова поучения:

«Óú í á çí áàèüí ñèíèüèí í ðè-èò áàòíý çà èàè áòþ èç çàìíàáàè».

По всей видимости, – слова эти совсем и не означают, как это может показаться на первый взгляд, что ко всем заповедям надо относиться одинаково трепетно как если бы они были равно важны. Ибо – мы не можем постичь их истинной иерархии друг относительно друга. Смысл этого поучения следующий: ценность заповедей по отношению друг к другу изначально неизвестна, что касается стоящей за ними сути, их значение одинаково важно.

«...אַתָּה אִי לְאִי אִתְּךָ צַוִּיתָאֵלֶיךָ דְּמַעֲוֵי אָדָמָי, וְאִי אֲנִי יוֹי הַדָּבָר אֲשֶׁר דָּאַרְתָּ לְךָ עַל הָאָדָמָה לִּי, הֵאֲנִי עִמְּךָ וְאִי הֵאֲנִי לְךָ אֲשֶׁר אָנֹכִי צַוִּיתָאֵלֶיךָ».

Ибо если значение заповедей в том, что они связывают человека с Творцом, то и совершенно не важно, сколь земным и рутинным будет действие, предписанное той или иной заповедью, если эта заповедь дана от Б-га.

И, вместе с тем, Б-г сделал гораздо больше! Он не только открыл каналы, которые связывают нас с Ним, но и сделал путь, по которому мы восходим к Нему, «путем непорочным» – путем жизни, на котором странник обретает совершенство. Его слово не только доносит до нас волю Всесильного. Мало того, это – «верное слово», в котором одна беспримесная истина – слово, очищающее тех, кто ему следует.

Из сказанного очевидно, что заповеди обретают еще одно измерение. Когда мы отдаем средства на благотворительность, цдоку, мы тем самым не только исполняем заповеданное нам Б-гом, но именно готовностью жертвовать на цдоку мы еще и развиваем в себе внимание к нуждам других. И – что чрезвычайно важно! – мы еще и учимся правильно относиться к тем материальным ресурсам, что были даны нам.

Соблюдая Субботу, мы соотносим наши жизни с семидневным циклом Творения. Почитая Шабос, мы не только выполняем волю Б-га, но еще и вводим в наше сознание и в нашу жизнь представление, например, об истоках собственных творческих способностей. Мы получаем также представление и о том, на что наши творческие способности должны быть направлены.

Все вышесказанное применимо ко всем заповедям. Так, в частности, Тора учит нас сочувствию ко всем тварям Б-жым. Именно в ней, в Торе, и даны законы шхиты, регулирующие мгновенный и безболезненный забой животных. Заповеди Торы, касающиеся брачных отношений и человеческой сексуальности, помогают нам достичь чистоты в семейной жизни. Соблюдая законы о кошерности пищи, мы храним моральное и духовное здоровье...

Во имя очищения

Каждая заповедь в дополнение к тому, что она служит выражением Б-жественной воли, имеет еще и особую функцию, способствующую очищению человека. Исполнение заповедей способствует очищению не только моральному, но и социальному, и психологическому. Заповеди охватывают абсолютно все аспекты нашей жизни.

При всем этом, Тора включает в себя и хуким – заповеди, смысл которых непостижим разумом. Тем не менее, и они оказывают глубокое воздействие на исполняющего эти заповеди. Даже несмотря на то, что человек не может понять, каков смысл предписанных ему подобными заповедями действий. На самом деле, то, что мы понимаем и воспринимаем применительно к любой заповеди, – всего лишь малая часть ее воздействия на нас.

Учитывая все это, мы значительно глубже поймем приведенное выше высказывание рабби Шнеура-Залмана:

«...אַתָּה אִי לְאִי אִתְּךָ צַוִּיתָאֵלֶיךָ דְּמַעֲוֵי אָדָמָי...»

Слова эти – отнюдь не только о том, что мы радостно исполняли бы заповедь, и вовсе не понимая, в чем состоит ее благо для нас. Ведь многие заповеди для нас не намного более понятны, чем эта самая «заповедь о рубке леса»!

Рабби Шнеур-Залман говорит вот о чем. Даже если заповедь и не оказывает на нас никакого воздействия (даже неосознанного), даже если она и очищает нашу душу не больше этой – кажущейся надуманной! – «заповеди о рубке леса», то и тогда мы находим радость, исполнения ее. Радость в том, что связано с самым глубоким и сущностным аспектом заповеди, то есть в возможности исполнить волю Б-га.

Вот на этом уровне непременно проявится разница между заповедями. Безусловно, разница эта должна проявиться! Речь идет об изначальной разнице: между такой заповедью, которая служит совершенствованию важнейших сторон человеческой личности, и заповедью, которая затрагивает менее существенные аспекты нашего бытия.

Будет всегда существовать и субъективная разница между заповедями: ведь каждый из нас по своему отзывается Торе. Ибо одни заповеди оказывают очень глубокое воздействие на конкретного человека, другие – меньше. Это связано со складом именно его личности, с именно ему данными талантами.

В той мере, в которой заповеди очищают и развивают наш опыт, они отражают разнообразие и неоднородность этого опыта.

Таким образом, «Поучения отцов» весьма убедительно напоминают нам, что никогда не следует упускать из виду глубинный смысл заповедей. Когда мы исполняем заповеди, мы стремимся не только сами сделаться лучше, но еще и улучшить мир. И тогда мы воспринимаем заповеди как нечто, в большей или меньшей мере влияющее на нашу жизнь.

Однако мы должны помнить и о том, что все заповеди есть выражение единой глубинной истины.

К заповедям нам следует относиться всегда с трепетной осторожностью. Ибо истинное воздаяние, связанное с исполнением заповедей, нам неизвестно.

Неизвестно! – потому, что это лежит уже за пределами нашего знания и опыта.

Áîëãé, íî éîðîèéé îòüáîñðèæáíèÿ

Íî (ðááááí Ááí èéÿ) íáú:-íî áááðèé: «Èì íèíÿé Áá áîèð, èàé ñááòááí íð...»

Í î-áí èÿ îòüá 2:4

В Талмуде (Эрувин, 53б) есть следующий рассказ:

«Рабби Иешуа сын Ханании сказал: “Однажды ребенок превзошел меня <мудростью>. В странствиях своих как-то встретил я отрока на развилке дорог. Я спросил его: “Который из этих двух путей ведет в город?”, и тот ответил: “Эта дорога – короткая, но долгая, а та – долгая, но короткая”.

Я избрал “короткую, но долгую” дорогу. Вскоре я почти достиг города – и тут выяснилось, что дальнейший путь преграждают сады. Тогда я вернулся назад и пожурил отрока: “Сын мой, разве не ты сказал, что это – короткий путь!”

На что ребенок ответил: “А разве я не сказал, что при этом он долгод!”».

В жизни мы тоже сталкиваемся с выбором, двигаться ли нам «коротким, но долгим» путем или все-таки следует предпочесть путь «протяженный, но короткий».

В своей книге Тания рабби Шнеур-Залман из Ляд сформулировал основы хасидского подхода к жизни. Этой «библии хасидизма Хабад» предпосланы следующие слова автора:

«В основу [этой книги] положен стих Дворим (30:14): “Очень близко к тебе слово это: в устах твоих оно и в сердце твоём, чтобы исполнять его” – она написана, чтобы объяснить, с помощью Б-га, сколь, в самом деле, чрезвычайно близко это слово, – объяснить длинно и кратко».

Тора и ее заповеди являются своеобразным чертежом Создателя, который Он положил в основу Творения. Тем самым Тора дает нам понять, какой хотел видеть нашу жизнь Б-г и какова цель, которая задана Им всему Творению.

Однако зададимся следующими вопросами. Эта Всевышним предначертанная жизнь, подразумевающая, что выполняются все заповеди Торы, во всей их полноте, разве такая жизнь осуществима в реальности? Может ли обычный человек каждое свое слово, дело и помышление соотносить с Торой и ее установлениями? Не требуется ли от нас невозможного?

Ответ на эти вопросы мы найдем в самой Торе, в завершающей ее книге Дворим (30:11-14):

«Ибо заповедь эта, которую я заповедую тебе сегодня, не загадочна она для тебя и не далека она. Не на небесах она... и не за морем она... Но очень близко к тебе слово это: в устах твоих оно и в сердце твоём, чтобы исполнять его».

Отношения с жизнью, что описаны в Торе, – это вовсе не абстрактный идеал, не некая отдаленная цель, к которой можно только стремиться. Нет, – они достижимы.

Каким же образом можно достичь таких отношений?

В той же своей книге Тания рабби Шнеур-Залман развивает идеи, в дальнейшем определившие всё в движении Хабад. В частности, он настаивает на целостном подходе к жизни, при котором разум играет определяющую и центральную роль.

Во-первых, человек, стремящийся к этой цели, должен изучать и постигать те истины, что лежат в основе основ всего сущего. И он должен неустанно, упорно размышлять над названными истинами. Об этом должен он задавать вопросы и без устали настойчиво искать на них ответы.

Среди этих вопросов, например, такие: что есть трансцендентная, всеобъемлющая и довлеющая всему реальность Б-га? Что есть корень и суть души человеческой и изначально присущей ей связи с Создателем? Каково жизненное предназначение человека? Какие ресурсы даны ему, чтобы он это предназначение исполнил?

Пусть все эти представления и принадлежат сфере абстрактного мышления, работающего с очень тонкими определениями. И все же каждый должен прилагать усилия, «усилия души своей и усилия плоти своей», к тому, чтобы это постигнуть. А постигнув – соотнести с этим свою жизнь.

Следующая ступень связана с тем, чтобы это знание и соотнесение с ним своих действий обрели эмоциональное наполнение.

Создавая человека, – пишет рабби Шнеур-Залман в своей книге Тания, – Б-г вложил в него изначально превосходство разума над сердцем и рассудка над чувством. Поэтому само постижение и принятие соответствующих идей приводит к тому, что в сердце пробуждаются соответствующие эмоции. Из них определяющие и наиглавнейшие – любовь к Б-гу и страх Б-жий.

Любовь к Б-гу есть неутолимое желание «прибиться» к Б-гу и соединиться с Его сущностью. А страх Б-жий есть абсолютное неприятие всего, что идет вразрез с волей Б-га, воздвигая преграды между Ним и грешником.

И наконец, когда человек должным образом направит свой ум и преобразит свое сердце, тогда соблюдение им Торы станет данностью. И тогда исполнения заповедей человек возжелает всеми фибрами души, понимая, что заповеди – это мост между ним и Создателем. Ибо исполнение заповедей для человека, в сущности – единственное средство достичь контакта с Творцом.

Для взошедшего на эту ступень малейшее неповиновение воле Б-га, – пусть это даже сопряжено с величайшими материальными выгодами! – отвратительно, в буквальном смысле слова. Ведь грех, неповиновение Б-гу действительно разрушают связь человека с Б-гом, и потому отторгаются нашим истинным «я».

Но все же есть и такие люди, кто на это возразит: нужно ли тратить жизнь на то, чтобы добиться описанных выше состояний ума и сердца? Чего ради стремиться к пониманию и чувственному проживанию абстракций? Почему нельзя просто открыть книгу и прочитать все, что нужно, а потом просто следовать полученным инструкциям?

Рассуждения таких людей примерно следующие. Дескать «я – простой еврей, и достижение столь высоких духовных состояний как “постижение Бжественного”, “любовь к Б-гу” и “страх Б-жий”, – задача для меня непосильная. Все это выше моего понимания. Я знаю истину, знаю, чего Б-г от меня хочет: ведь в Торе прямо сказано, что в этой жизни делать, а что – не делать. Да, во мне от природы и впрямь преобладает материальная составляющая, я – эгоцентрик. Мне также присуща врожденная склонность ко злу, как и саморазрушительные порывы. Что ж, я буду их сдерживать. Моя вера, решимость и сила воли как-нибудь с этим справятся...»

Это – короткий, но длинный путь. В реальной жизни почти всегда прямая, соединяющая две точки, оказывается далеко не самым легким и быстрым путем к тому месту, куда мы стремимся. «Прямой подход» почти всегда заводит нас в тупик. Как в притче рабби Иешуа: первая выбранная им дорога, казалось бы, вела прямо к городу, помните? И однако почему-то именно эти дороги никогда не доводят до нужного места!

Дело в том, что это – путь, на котором нас постоянно ждет непрекращающаяся борьба. Он оказывается той самой сценой, на которой и разыгрывается непрекращающаяся битва. Это – битва между эгоистичными побуждениями животной части человека и его души, стремящейся достичь Б-га. Правда, человек наделен свободой выбора. И, соответственно наделен необходимой твердостью и духовной силой, достаточной, чтобы достойно встретить этот вызов. Но – храни от этого Б-г! – существует и возможность, что человек однажды не выдержит борьбы и сдастся греху. И вовсе не важно, сколько раз он будет одерживать победу! Ибо ясно: завтра его все равно ждут новое испытание. На этом «коротком, но долгом пути» нас ждет битва за битвой, но на этой войне невозможно одержать решительную победу.

С другой стороны, «длинный, но короткий» путь – извилист. И поэтому понятно, что он изматывает, он всегда требует постоянной сосредоточенности. Одним словом, он долог, как сама жизнь. На нем множество подъемов и спусков, порой даже приходится возвращаться назад. Поэтому ясно, что этот путь так же неизбежно сопряжен со множеством переживаний. Движение по этому пути требует поистине предельного напряжения наших сил, мобилизации буквально всех интеллектуальных и эмоциональных способностей.

Но несмотря на все перечисленное, а, скорее всего, благодаря ему, этот путь ведет – медленно и постепенно – именно туда, куда мы стремимся! И когда в человеке пробуждается, наконец, жажда Б-га, когда в нем просыпаются жажда блага и отвращение ко злу, – тогда война выиграна. Такой человек преображается в личность. И вот тогда у него, преображенного, все мысли, поступки и деяния естественным образом соответствуют его внутренней сущности и цели жизни.

Заметим, что истинно хасидский подход к жизни вовсе не отрицает «короткого, но долгого пути»! Более того, вовсе не следует откладывать благие поступки и противостояние злу до того момента, когда мы минуем последний поворот этого «долгого, но короткого» пути. Контроль за собственным поведением должен быть на первом месте у каждого из нас. Ибо ясно одно: безнадежно пытаться преобразить нашу животную природу, одновременно давая ей свободу проявлений в повседневной жизни.

Соблюдение Торы – данность независимо от избранного каждым пути развития. Только на этом основании можно создать личность, способную к самоочищению. В отличие от путника из притчи, который движется в физическом пространстве, где нельзя сразу идти по двум дорогам, наше духовное путешествие требует, чтобы мы продвигались обоими путями, причем – одновременно.

В духовном путешествии выбор на перекрестке не таков, как в сказках: «идти направо или налево?» Вовсе нет! – ибо это касается лишь приоритетов движения.

Вопрос – куда именно мы направим основные усилия?

Çàðæàéí

Í á mæè áéèæíáá, ííèà íáííáúáàè íá áá í áíòá

Í íó:áí èÿ íòóíá 2:5

Рабби Исроэл Баал-Шем-Тов, или Бешт – основатель хасидского движения, учил:

«Áéèæí èé – ÿòí èèøú çàðæàéí òááÿ íáí íá. Áíèè òáíé èèè ÷èíò, òí íáðáç, èíòíðúé òú áéèèøú íáðáá máíé, íá áúáò èí áòú èçÿííá Í í áíèè òú m íòðèøú íá áéèæíáá è áéèèøú á íáí íáííòáðèè, òí íáðáá òíáíþ íðáííòáò òáíá æá máííðáúííá íáííáðóáííòáí: òááá ÿáéáí, ÷òí èí áí íí á òáíá íáí íí íóæááòíÿ á èíí ðáæáí èé».

Í òðáæáí èá íòðáæáí èé

Похоже, что нам для истолкования этих слов нет никакой нужды обращаться к достижениям современного психоанализа, потому что пояснение сказанного мы найдем в трудах самого же Баал-Шем-Това. И найдем эти пояснения именно там, где он формулирует принцип «Б-жественного Провидения, касающегося каждого отдельного человека» (ашгоха протис).

Итак, в мире ничто не случайно, настойчиво подчеркивает Бешт. И это действительно так потому, что каждое событие в нашей жизни предопределено заранее. Более того, за каждым событием скрыта цель, к которой ведут каждого из нас.

Буквально всё, происходящее с нами в этой жизни, неразрывно связано с той миссией, которая возложена на нас Б-гом. В жизни человека ничто не происходит «просто так». И вот почему: абсолютно каждое событие или ситуация, выпавшие на его долю, сущностно ему необходимы. Мало того, они должны встроиться именно в его жизненный опыт и при этом оказаться тесно увязанными с его жизненной задачей.

Из этого следует, что если Провидение дает конкретному человеку увидеть недостатки своего ближнего, то в этом прозрении есть позитивная цель – этому прозревшему человеку раскрывают глаза на его же собственные несовершенства.

Í òðáæáí èÿ íáèí: èíèè ù

Можно и дальше использовать аналогию с зеркалом. Например, следующим образом.

Зеркало есть не что иное, как стекло, покрытое тонким слоем серебряной амальгамы, отражающее всё сущее: любой субъект, предмет и их изображение. И когда наше видение другого человека не замутнено собственным эгоизмом, тогда мы и видим сквозь внешние недостатки внутреннюю сущность.

Или, говоря иначе, мы видим сквозь прозрачное стекло. И вот тогда-то мы и можем воспринимать суть другого человека.

Правомерно, однако, найти ответ на такой вопрос: действительно, воспринимать-то мы можем, но каким образом это следует делать? Наилучшим ответом будет такой: нам необходимо воспринимать суть другого человека, прозревая в первую очередь то благое, что есть с рождения в каждом из нас.

Но если стекло покрыто «амальгамой», то как нам следует воспринимать другого человека? Ведь неизбежно изменяется сам характер восприятия.

Слой эгоизма, любви к себе встает преградой между нами и миром. Продолжая проводить аналогии, подчеркнем самое существенное. А именно: стекло, покрытое амальгамой, не пропускает наш взгляд дальше. Не из-за этого ли свойства мы обречены в другом, в ближнем, созерцать лишь собственное отражение?!

В глазах очевидца

Пожалуй, именно это свойство и есть единственный способ, чтобы человек осознал свои как явные, так и скрытые недостатки. А затем уже попытался их исправить.

«Любовь же покрывает все грехи» – так еще более двух с половиной тысяч лет назад говорил в одной из притч своей книги мудрейший из живущих на свете царь Соломон.

Истинная правда! Однако появляется другой вопрос – а какая любовь сравнится с любовью человека к самому себе?

Что ж, на этот вопрос возразить и в самом деле трудно: именно эта, подчас безмерная самовлюбленность человека и делает его слепым. Притом, нередко самовлюбленность способна ослепить человека до такой степени, что он уже просто не в состоянии ни размышлять, ни сравнивать, ни делать верные выводы, а потому и не видит собственных недостатков.

Но зачастую дурные поступки и нехорошие черты личности, которые человек столь охотно прощает себе, их не замечая, в полной мере он видит у других людей. И тут уже он безоглядно и совершенно искренне готов ужасаться, насколько низко пал его ближний.

Людской опыт доказывает, что один из самых действенных способов открыть человеку глаза на таящееся в нем дурное, это показать ему недостатки ближнего. А потом уже объяснить ему, что и в нем в том или ином виде также присутствует этот порок.

Если человек, обнаружив этот порок у самого себя, по-настоящему хочет исправиться, то он заглянет в глубину своего сердца, ища ответ на вопрос: что же хотел Всемогущий, дав ему узреть то, что он видел? Право же, только тогда любовь к себе не будет больше заставить его истину! Ибо как не понять: в ближнем отталкивающе ясно ему предстало то, что сам он носит в себе.

Однако вполне резонно ответить на вопрос, какова задача человека в этой жизни. Ясно, что она вовсе не сводится к саморазвитию и самосовершенствованию хотя бы потому, что есть еще и ответственность за ближних.

Почему же тогда явленное определенному человеку несовершенство ближнего он должен воспринимать как сообщение, адресованное лично себе – о своих собственных пороках?

Может статься, что именно Б-жественное Провидение и подталкивало его к тому, чтобы он наставил ближнего на путь истинный, сурово, но справедливо описав тому его состояние?

Á-æáñòááí í î á Ĩ ðíæááí è á èáññáòññ' èáæáíã

Сначала уточним, что такое «Бжественное Провидение, касающееся каждого отдельного человека»? Речь идет не только о том, что всякое событие преследует определенную цель. Одновременно речь идет и о том, что эти же самые качества, безусловно, столь же присущи и каждому аспекту данного события.

Предварительно следует заметить: одно и то же событие для нескольких наблюдателей может означать нечто совершенно разное. Поэтому понятно, что и интерпретация происходящего зависит от того, что эти наблюдатели знают об участниках ситуации и о причинах ее возникновения.

Провидение здесь обычно действует, «п

оказывая» каждому как раз то, что важнее всего именно для него. Поэтому, если вы стали свидетелем какой-то ситуации, то исходите из универсального подхода: всё в этой ситуации – и в причинах ее возникновения, и в том, как она повлияла на вас, – имеет особое отношение к вашей жизни.

Тот же самый подход, естественно, применим и к ситуациям, когда человек становится свидетелем какого-то неподобающего поступка или поведения своего ближнего.

Надо подчеркнуть, что в подобной ситуации можно выделить два момента. Во-первых: человек знает о факте какого-то неподобающего деяния своего ближнего. Во-вторых: человек полагает, что этот ближний виновен, что ответственность за проступок лежит целиком на нем и вообще, тот совершенно уже уничтожен в глазах «приличных людей».

Заметим, что первое далеко не всегда влечет за собой второе. Человек может осознавать, что ближний оступился, но это знание часто неразрывно соединено не только с сердечным сочувствием к несчастному, не только с острым сопереживанием за него, но даже с решимостью и готовностью немедленно броситься его защищать и оправдывать.

Всемогущий Б-г ниспосылает нам осознание недостатков наших ближних во имя одного: мы можем как-то им помочь! И в этих ситуациях следует задумываться только о том, что у тех, кто рядом с нами, не все хорошо, и, возможно, вполне в наших силах хоть чем-то сделать им лучше!

Не надо со своей стороны прибавлять неприязненное к ним отношение. И уж тем более обвинять их и принижать, – пусть даже они пали и весьма низко. Подобное отношение, безусловно, способно помешать нам проникнуться к несчастным терпимостью и любовью.

И поэтому, если человек считает, что ближний его деградировал, то он должен задуматься о том, что этот аспект его опыта активизировался «не просто так». Отнюдь нет: это само Провидение дает человеку, как в зеркале, увидеть собственные недостатки.

Что увидели сыновья Ноаха

Эта мысль выражена в первой книге Торы (Брейшис, 9:20-23) в рассказе об опьянении Ноаха и о реакции на случившееся каждого из трех его сыновей.

«È ìòàè Í íàò çàì èààèùòàì, è íàíàèè àèííàààíèè. È àííèè ìí àéíà, è ìíùííàè, è íàí àæèè ìáíí ìííòàè èàòòà ìáíáà.»

È èàèàè Òàì ... íàáòòò ìòòà ìáíáà è ìííàíèè àáàí àðàòùíí ìàíèì ìáðàèè. Òíàà Òàì è Èàòàò àííèè íààèáà, è ìíèíàèèè àí íàà íà íéà:è ìáíè, è ìíòèè çàáíì, è ìíèðíèè íàáòòò ìòòà ìáíáà, èèòàì è íàçàà, è íà àèààè ìíè íàáòòò ìòòà ìáíáà.»

Вдумаемся, что означают слова: «и не видели они наготы отца своего»? Разве не было дважды сказано, что они отвернулись «лицами назад»?

Но Тора жестко подчеркивает: различные реакции сыновей Ноаха на опьянение и обнажение отца, как в зеркале, отразили их собственное духовное состояние.

Действительно, весьма недостойная черта личности Хама – непочтительность – отразилась в том, как он увидел отцовский проступок. Когда же Шем и Йефет узнали о состоянии отца, то их реакция определялась лишь тем, что они должны сделать сами для того, чтобы исправить ситуацию.

Именно так: ведь они не только постарались не увидеть отца в недостойном виде, но и не впустили в сознание саму мысль о его вине!

Они проявили к своему отцу Ноаху поистине высшую степень сыновней почтительности: просто – не увидели наготы своего отца.

Á-āáíýçíáí úé íîōîā

Dāāāē Ōēi íí, ííí Íàòáíēāēý, Á-āáíýçíáí úé ÷āēíāāē.

Í íó-āíēý íòōîā 2:9

Ēāēíē íòōū íāēáíēāá í ðāāēēūū úē āēý ÷āēíāāē?

...Dāāāē Ōēi íí ñēāçāē: í ðāāāēāāōū ááōōúāā

Í íó-āíēý íòōîā 2:11

Во второй главе трактата «Поучения отцов» среди иных высказываний содержится также характеристика, данная рабби Йохананом бен Закаем своим пяти лучшим ученикам. В нескольких словах рабби Йоханан описывает их главные качества, после чего проводит своеобразное «тестирование» их взглядов на жизнь, задав вопрос: «Какой путь наиболее правильный для человека?»

Рабби Шимон, о котором учитель говорит, что он «б-гобязненный человек», отвечает, что важнее всего для каждого человека в жизни – это «предвидеть будущее» (буквально: «знать, что будет рождено [из этого]»).

Эта формула чрезвычайно органична для рабби Шимона, подчеркивавшего, что грешник живет ради данного мгновения, тогда как праведник предвидит результаты своих поступков. Сиюминутное удовольствие от совершения греха никогда не соблазнит того, кто боится его глубинных последствий, которые со временем обязательно скажутся.

Эту проблему затронул и царь Соломон в своей книге Коэлес (2:14), когда сказал: «Глаза мудреца – в его голове, а глупый ходит во тьме». На первый взгляд, кажется, будто бы в этом противопоставлении что-то не так. Да ведь действительно: и у мудреца, и у глупца глаза не могут быть где-то еще, кроме как в его голове!

Раши дает следующее пояснение этому стиху. Во-первых, Раши напоминает: на иврите использованное здесь слово «берошо», переводимое на другие языки как «на голове [человека]», имеет несколько иной смысл – «во главе угла». Строители, начиная возводить дом, сперва заводят углы. И во-вторых, мудрец – это именно тот, кто – что бы он ни делал, по словам Раши в его комментарии на Коэлес (2:14), – «смотрит на начало деяния, чтобы понять, к чему приведет оно».

Ñāē÷āñēēē íîçāēá

Данный стих нуждается в дальнейшем пояснении. Если мудр тот, кто просто-напросто осознает, что, в конечном итоге, добро будет вознаграждено, а зло наказано, тогда пусть ответит – почему царь Соломон говорит: «Глаза мудреца – в его голове»? То есть мудрый сосредоточен на начале действия. Действительно, безусловно куда логичнее было бы сказать: «Глаза мудреца [смотрят] что из этого выйдет в конце»?

Но кардинально отличие человека «мудрого» от глупца, «Б-гобязненного» (собственно, «боящегося греха») и провидящего «к чему приведет [деяние]», – от того, кто «ходит во тьме». И различие их состоит вовсе не в том, что мышление в «долгосрочной перспективе» предпочтительнее «краткосрочного, сиюминутного» мышления.

Точно так же страх наказания вовсе недостаточен даже для того, чтобы удержать нас от совершения несправедливых поступков. Не так ли? Тот, кому хочется совершить грех, и только страх наказания удерживает его от прегрешения! – уверит себя в том, что или хороший адвокат, или раскаяние непременно отведут от него суровое наказание. Вряд ли боится греха и тот, кто полагает, будто бы нежелательные последствия состоят в том, что – так или иначе, – но с абсолютной неизбежностью грешника ждет неотвратимое воздаяние, определенное земным судом или Небесами. И действительно: такого человека уж точно не назовешь «Б-гобязненным». Он боится в самом деле лишь последствий греха, а вовсе не самого греха как такового.

С другой стороны, те, кто боится греха, понимают, что любой их несправедливый поступок тотчас – и это уже неизбежно! – оказывает нежелательное влияние на человека, его совершившего. Человек же, истинно воздерживающийся от совершения греха, понимает, что грех враждебен не только самой внутренней сущности человека, но и не менее грех враждебен жизненному назначению человека. Такой, истинно воздержавшийся от греха верующий, глубоко понимает суть: даже если он загладит свой проступок, исправит ущерб, нанесенный его «я» самим фактом прегрешения, если даже опыт соприкосновения со злом заставит его сильнее стремиться ко благу и подстегнет на пути самосовершенствования, – все равно в момент прегрешения он теряет связь с тем сущностным благом, которое есть сердцевина его души. Истинное же значение его прегрешения раскрывается непосредственно здесь и сейчас. Пожалуй, именно это и повергает его в трепет.

Áúòéá èàé ðí æäáí èá

Èàéíé íòóü í àéáíéáá í ðááèéüü úé äëý ÷ àéíááéá?

...Ðáááè Øèì íí ñéàçäè: í ðáááèäáòüü áóüóüáá

Í íó-áí èý íòóíá 2:13

Í èðíçäáí èá - òáíðáí èá í áí ðáðúáí íá

Краеугольный камень учения рабби Исроэля Баал-Шем-Това – понятие «Непрерывного творения».

Согласно этой доктрине сотворение Б-гом мироздания, воспринимающееся как событие, имевшее место однажды в прошлом, на самом деле является непрерывным. В каждый момент времени мир рождается заново из совершенно абсолютного ничто, вновь и вновь вызываемый Б-гом из небытия. Каждое мгновение Б-г Всемогущий дает жизнь и существование всему, что есть в этом мире.

И приведенное высказывание рабби Шимона о предвидении будущего имеет и второй, глубинный смысл. Ибо его слова буквально можно прочесть и иначе. А именно: ***«çíàòüü ÷òí áóüáò ðí æäáí í»***.

Áéóáéí í úé ñ ùñè òáíðáí èý

Тем самым рабби Шимон направляет рассуждения примерно так. Созерцайте, как каждое мгновение мир рождается из абсолютного небытия. Не следует воспринимать мироздание как нечто, существующее само по себе, ибо по сути своей мир есть – ничто.

А посему и все величественное здание мироздания, еще существовавшее мгновение назад, – более уже не существует. И должно быть вновь вызвано Создателем к бытию.

Единственное же, что действительно обладает реальностью, – так это Б-жественная воля к творению...

Из этого взгляда на бытие мира вытекает множество следствий. Часто убежденность в «реальности» этого мира мешает человеку в исполнении того, что хочет от него Б-г. Так, в частности, бывает: некоторые не могут найти иных «реальных» способов заработать на жизнь, кроме как работать и в Субботу. Или еще: иные люди думают, что нельзя «реально» повлиять на ближнего и т.д.

Но тот, кто видит, что мир каждое мгновение рождается вновь, вызванный из небытия Б-жественной творящей волей, тот осознает, что такое понятие «реальности» несовместимо с представлением о Б-жественном Промысле. И тогда утверждение о том, что Б-жественная воля сильнее «реальности», попросту лишено смысла. Ибо: реальность – ничто. Более того, она – реальность – есть лишь постольку, поскольку Б-г желает ее сотворить в каждый мельчайший момент времени.

Владимиру Путину очень велико. На наш взгляд, голоса, отданные за Путина, – это голоса за стабильность, то есть за изменения эволюционного, а не революционного характера.

Надеемся, кредит доверия не станет слишком большим соблазном для отдельных лиц и структур в руководстве, чтобы использовать власть именно для революционных изменений. Надеемся также, что в ближайшие четыре года Россия продолжит политику поэтапных реформ, начатую при Думе прошлого созыва.

Председатель КЕРООР Зиновий Коган отметил:

– Во-первых, эти выборы, как никакие другие, дают нам представление о самих себе. Во-вторых, можно отметить, что российские евреи всегда и во всем играют большую роль. Например, известный галерист и политтехнолог Марат Гельман – один из авторов проекта "Родина". Это говорит о том, насколько широк диапазон интересов евреев. Я поздравляю нас, евреев, с тем, что нет такого проекта, где евреи не участвовали бы.

И последнее – демократам, которым я всегда симпатизировал и даже считал себя одним из них, выборы послужили горьким уроком. Жизнь сурова, каждая ошибка политика – это взрыв мины. Не возвращены сгоревшие сбережения людей, накопленные при советской власти, многое из того, что произошло, забываемо и не прощаемо обществом. Нам нужен, конечно, союз демократов, но, может быть, уже с другими лидерами.

О позиции Всемирного конгресса русскоязычных евреев (ВКРЕ) сообщил исполнительный директор этой организации Валерий Энгель:

– Судя по всему, мы получили законодательную власть, еще более зависимую от власти исполнительной. Что это означает для евреев? Я думаю, ничего страшного не произошло и не будет происходить до тех пор, пока во главе единственно реальной в нашей стране исполнительной власти стоит президент Путин, который лояльно относится к еврейской общине.

К сожалению, общественное сознание в России движется туда, куда движется высшая исполнительная власть страны. Сейчас она движется в правильном направлении.

Блоку "Родина" многие приписывают национал-социалистические взгляды и высказывания – я с этим не согласен. У этого блока скорее социалистическая ориентация. Я встречался несколько раз с его лидером Дмитрием Рогозиным. Ничего антисемитского в его взглядах я не заметил, более того, мы как-то обсуждали вопрос о сотрудничестве между ВКРЕ и комитетом Госдумы по международным делам, который он возглавляет.

Тот факт, что правые партии не попали в Думу, говорит о том, что вектор общественного сознания сдвинулся к центру. Для евреев я, однако, не вижу ничего тревожного в таком положении вещей.

Н. Овчин

יְאֹדְנִי אֶעֱזֹרְאֵךְ נִיטְוֹדוֹאִי עֶֶֶאֱנֹוֹאִי

*Ἀγαπᾷ τοὺς Ἀποδαοαίητες τὰς ἀνδρᾶς Ἀγαπᾷ ἂ ἐπίοα ἰεὸς ἁδὺ ἀποδαοεῖν ἢ
δαοαίητι ἀδρᾶς Ὀεῖεῖ ἰ-ἄεῖ ἀίητι Ἀεῖνᾶῖα ἁδᾶτι ἐ ἰδαῖνᾶῖα δᾶεῖ ἀδαεῖητε ἰαῖεῖτῦ Ρῶεῖ
Ὀαεῖν ἀίητι.*

Это, несомненно, знаковое событие в общественно-политической жизни старинного города в устье Волги. Такая оценка вполне уместна, особенно принимая во внимание тот прискорбный факт, что в течение семидесяти лет в этом городе не было раввина.

Губернатор поздравил раввина Гольденберга с прибытием в Астрахань, пожелал успехов в работе и процветания еврейской общине. Он также отметил, что Астрахань и особенно ее область – многонациональный край, в котором тем не менее представители разных конфессий всегда находили общий язык. Губернатор счел необходимым заверить своих собеседников в том, что и представители местной исполнительной власти также готовы сотрудничать с общиной.

В ходе встречи обсуждался вопрос о давно уже всем известном факте – плачевном состоянии городского еврейского кладбища. Чрезвычайно удручает одно: хотя члены молодежного клуба еврейской общины на общественных началах своими руками регулярно восстанавливают памятники на кладбище, однако без постоянной охраны оно совершенно незащищено перед вандалами-разрушителями.

Губернатор, в свою очередь, признал, что ответственность за охрану кладбища полностью лежит на муниципальных властях, и пообещал дать на этот счет соответствующее распоряжение исполнительным структурам.

В ходе беседы обсуждался и не менее насущный вопрос – о передаче общине здания для детского сада и школы. В городе имелись два здания, которые в свое время принадлежали общине, но в советские времена оба они были экспропрированы. Теперь на месте одного из них строится жилой дом, а во втором находится школа бокса.

– Мы прекрасно понимаем, что вернуть их невозможно, и поэтому хотели бы получить взамен здание в центре города равноценной площади, – заявил губернатору Гужвину раввин Гольденберг.

Губернатор, не откладывая дела в долгий ящик, предложил направить соответствующие официальные письма в областную администрацию. Мало того, господин Гужвин заверил еврейских представителей в том, что вопрос о здании для школы можно решить уже к началу нового учебного года.

В конце встречи губернатор поблагодарил раввина и председателя общины за активное участие в культурной и межконфессиональной жизни области. От имени местных властей губернатор Гужвин выразил землякам-евреям готовность к дальнейшему сотрудничеству.

Ἀ. Ἰ ἁδαεῖν ἀί

РАВВИН ПОДАРИЛ ГУБЕРНАТОРУ ХАНУКИЮ

*אָסאַדאָויד ני רעאַזענע ראַעאַנדע אַעעויד יאַמראַ אַנדאַווערף אַ זאַאַווי דאַאַעריי
ני רעאַזענע אַאַע ייַאַאַעריי.*

Во встрече, которая прошла в начале ноября в здании городской администрации, приняли участие также председатель еврейской общины города Зиновий Агранат и председатель попечительского совета Александр Бахрах.

В ходе беседы с губернатором Масловым раввин Мондшайн выразил надежду на помощь городской администрации в строительстве нового здания синагоги, которая станет общинным центром для евреев города.

Во время этой – почти получасовой – встречи были обсуждены также и вопросы, связанные с возрождением известного во всем мире религиозного и культурно-исторического объекта, признанного достопримечательностью и давно уже внесенного в реестр «Памятников мировой культуры», – старинного местечка Любавичи.

Губернатор подчеркнул, что культурные и религиозные ценности еврейского народа представляют значительный пласт в общей культуре российского государства. Вместе с тем привлечение инвестиций для подъема экономики, переход к конкретным делам по ликвидации бедности на Смоленщине – главные приоритеты в работе администрации. В связи с этим Виктор Маслов отметил:

– Еврейская община в Смоленске, организовывая благотворительные программы для прихожан синагоги, помогает бороться с бедностью в целом и привносит положительные мотивы в жизнь всех горожан независимо от их национальности.

На этой встрече главы администрации с представителями еврейской общественности смоленщины было достигнуто полное взаимопонимание по обсуждаемым вопросам.

Раввин Леви Мондшайн пригласил главу администрации на праздник Хануки и вручил ему серебряную менору и альбом, повествующий о деятельности еврейской общины в Смоленске.

AAI

MAZL TOV!

Новоуральская еврейская община поздравляет с днем рождения **Богданова Александра Алексеевича, Журницкую Эсфирь Яковлевну, Кайдинову Изабеллу Нисовну.**

Желаем здоровья, счастья, успехов. Живите до 120 лет!

Еврейская община города Касимова и Касимовского района поздравляет председателя общины

Липковера Михаила Иосифовича с юбилеем!

От всей души желаем хорошего здоровья, долгих лет жизни, большого счастья. Пусть удача сопутствует вам во всех начинаниях и добрых делах!

Волгоградская еврейская религиозная община и лично раввин Залман Йоффе поздравляют не только старейшего члена еврейской общины Волгограда, но и старейшего жителя города **Арона Шмулевича Блейха со 100-летием!**

Будьте здоровы! Пусть ваши дети, внуки и правнуки продолжают любить вас и гордиться вами!

אִיִּדְגָּאָ אָדוֹרִיב! אַרְעֵה אַיִן דִּיִּזְעֵרֵא יִיִצְדָּאָעֵרֵי דִּיאִיִּוֹ, אֵעֵרֵעֵרֵי עֵ אָדוֹרִיב אֵ דִּיאִדְעֵא «יֵ אָעֵ דִּיאִ!» , מִיִּיאִיִּעֵרֵא יֵאֵ יֵוֹ יֵי אֵ דִּיאִאֵעֵרֵ:103055, יֵ יֵעֵאֵ, 2-עֵ אֵיֵ אֵיאֵאֵאֵאֵ יֵאֵ, 5אֵ

דָּאָעֵרֵי 231 27 77, דָּאָעֵרֵי 231 30 20

ՓԱՅՒՆ, ԱԵՆՆԵ!

Այսօրվա շաբաթը արժանանում է 23 հիշատակալիկի՝ Դավիթ Կոչարյանի և Բենյամին Բենյամինի «Եստի ասի» և Մոնթեմանի «Եստի ասի» ստեղծագործությունների հիմնով «Եստի ասի» և «Եստի ասի» երգերի մրցույթի հաղթողներին:

Действительно, порадовали бийских слушателей замечательные артистки, которые исполнили популярные израильские песни и традиционные еврейские композиции. Особенно понравилось публике «Одесское поурри», ну а при исполнении «Хава нагилы» артисткам слушатели уже и «помогали» – им подпевал весь зал.

В ходе этого замечательного вечера был проведен еще и небольшой конкурс, победителем которого стал девятилетний Захар Исупов, больше всех остальных знавший о кашрусе. В подарок он получил аудиокассету и плакат с памятной надписью артистов дуэта.

Է. Երանյան:

Նի Կոչարյանի և Բենյամին Բենյամինի «Եստի ասի» երգերի մրցույթի հաղթողներին:

Раввин Шнеур Шнеерсон с супругой приехали в ровненскую общину, которая насчитывает две тысячи евреев.

Во время празднования Хануки раввин Шнеерсон огласил программу развития еврейской общины.

Прибытие в город раввина на постоянную работу стало возможно благодаря финансовой помощи фонда известной семьи филантропов Рор и благотворительного фонда «Ор Авнер».

ԱԵՆՆԵՆԻ ՕՆՈՒՍՈՒՄՆԵՐՈՒՄԻ ԱՎՆԵՐԻ ԵՐԿՐԱՆՈՒՄԻ ԱԵՆՆԵՆԵՐԻ ԴՐՈՒՄԸ:

Вокруг здания еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер» в Екатеринбурге произвели благоустройство территории.

Однако только этими, безусловно, нужными работами здесь не ограничились. Возведен долгожданный современный спорткомплекс, где учащиеся могут заниматься игровыми видами спорта – волейболом, баскетболом и футболом на специально оборудованных площадках.

Позаботились и о болельщиках. Специально для них здесь оборудованы трибуны, оснащенные всем необходимым для зрителей: удобными скамьями, перилами.

Построили здесь и новые детские игровые площадки для воспитанников детского сада, с яркими верандами и качелями. Территория обнесена новым красивым ограждением, а вокруг здания проложена асфальтированная дорога. Закончена установка нового освещения здания.

Մ. Օսեյան:

ÀÑÒÛ ÐÀÁÂËÌ Â ÈÐËÓÒÑËÁ!

Раввином Иркутска недавно назначен Аарон Вагнер, прежде работавший около десяти лет в Донецке в должности помощника раввина.

Старинный город Иркутск – ныне один из крупнейших экономических центров Восточной Сибири. В этом городе проживает более 500 тысяч жителей, и на сегодня из них около двух тысяч – евреи.

С 1882 года в городе существует синагога. Она была построена по проекту иркутского архитектора Кудельского. Само здание синагоги имеет Т-образную форму, оно и поныне поражает не только своими размерами, но также еще и интересной пластикой фасадов. Постройку завершает большой могоендовид – шестиконечная звезда, находящаяся на крыше здания.

В Иркутске действует религиозная община, входящая в Федерацию еврейских общин России, и теперь всех иркутян-иудеев следует поздравить с назначением раввина. А самому уважаемому раввину Аарону Вагнеру – пожелать успехов в его столь необходимой и благородной деятельности на благо иркутян. Мазл тов!

Y. Ôèèì àí

РАВВИН-ВИНОДЕЛ ИЗ БАКУ: «Будем конкурировать с импортом из Израиля!»

Àéííááééá - íáíí èç ñòáðéóèè çáíÿòèé á Àçáðááééáéáíá, íí íé á ííñéáííéá áíáí, íé òáí áíééá á ñááíèééé íáðéíá ááðéé íá èíáéé áíçí íáéíííðé èç ñòááéééáíòóí á ðáííóáéééá áéíí á ñíòááíòááéé ñçáéííáí è èáððáíá. Ôáííáííé è ÿòí ñòáéíí áíçí íáéíí.

Природные условия, климат и другие благоприятные факторы способствуют произрастанию в Азербайджане редких сортов винограда. Именно это и послужило развитию столь доходной отрасли пищевой промышленности.

Ведь все зависит не только от сорта винограда, но также – в немалой мере – и от времени его сбора. Для приготовления виноградного вина следует использовать только спелый, набравший полную силу сока и сахаров виноград.

...Дождавшись подходящего момента для сбора урожая, раввин Меир Брук привез в Баку полтонны винограда из деревни Ивановка, которая располагается в двустах километрах от столицы Азербайджана. Опытные виноделы Исроэл и Асаф Маатуф, Йосеф и Моше Меламед, Хаим Фаизаев, а также коллеги-раввины – сам Меир Брук и Яков Гусятинский – тут же принялись за работу. Ведь вино считается кошерным только когда его приготовил еврей, соблюдающий Субботу.

...Виноград никогда не моют под струей воды. Тем самым сохраняются колонии тех дрожжей, которые живут прямо на ягоде. Все кисти винограда наши виноделы сложили в специальные чаны, где и давили их руками, чтобы все ягоды были сплюснены и пустили сок. Ребята делали это весело, распевая еврейские песни.

С того момента, как они начали давить виноград, и начался таинственный процесс брожения сока – именно вот таким образом и превращающегося в молодое вино. Затем в течение суток вино должно оставаться наедине с собой, после чего в него добавляются все недостающие ингредиенты. Вино оставляют для полной готовности в помещении, где поддерживается постоянная температура. Именно так и поступили наши виноделы. И все у них удалось как надо...

– Первая партия кошерного вина готова! – радостно провозгласил довольный раввин.

Теперь еврейские виноделы из Баку рассчитывают расширить производство – по их словам, «чтобы конкурировать даже с импортом из Израиля». *À. Ôòðáíí*

В свою очередь, и соплеменники – члены еврейской общины города Сквиры – поздравили юбиляра и исполнили композицию из еврейских песен. И конечно, было огромное количество теплых слов и необыкновенно много цветов. Празднование завершилось поздним вечером ужином в кругу ближайших родных и друзей почетного гражданина в еврейской школе «Ор Авнер».

«Дай Б-г нашему дорогому юбиляру оставаться таким же энергичным и жизнерадостным до 120 лет!» «От всей души желаем ему активности в общественной деятельности и надеемся увидеть ее новые плоды!» Вот такие и похожего содержания тосты и здравицы звучали в честь господина Бермана весь тот незабываемый вечер.

Здоровья Вам, дорогой Харитон Абрамович, на долгие годы! – присоединяются ко всем этим добрым пожеланиям корреспонденты и сотрудники редакции журнала «Лехаим».

Г. Айзикович

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

И аїтот ааїноаїїа а Ааїаа і аїоаа даїїауоїї ії пїаааї є аїї аї і іїаоо ааааа і а аїае Еоаїе.

Ааїаао І оаоо Оаеаї аоаї аеаао а І аеїїа Ії – ааїноаїїуе а даїїаеаеа, аа є іа аїае Еоаїе, еої еаїоааеаао і аїтот.

С Муратом мы встретились в офисе правления еврейской религиозной общины Майкопа, куда он частенько заходит уже более двух лет. Интерес к еврейству объясняет просто: жена – еврейка.

– Но в общину-то еврейскую ведь я ее привел, а не она меня, – улыбается Мурат. – Увидел в газете объявление об организации еврейской общины, прочитал – и мы пошли на сбор будущих ее членов вместе с женой. И там с удивлением увидел много хороших знакомых. С тех пор наша семья старается уже не пропускать и встречи Шабоса, и еврейские праздники.

Мурат говорит, однако, что лично он все-таки не отдает предпочтение какой-то одной религии. Считает, «что-то наверху есть, и это – единое для всех». Уверяет при этом также, что празднование Шабоса стало для него поистине откровением.

– В эти дни ощущается особая святость, мы заряжаемся энергией на всю следующую неделю. Я – адыгеец и мог бы, конечно, вечер каждой пятницы проводить в кругу своих соотечественников – мусульман. Но меня тянет сюда.

Неожиданно – да притом именно на одном из Шабосов! – и возникла у Мурата Тхакумашева, инженера-механика по образованию, идея: а не попытаться ли самому изготовить менору? Однако все же сначала решил он сделать ханукальный подсвечник, тем более что уже приближалась Ханука. О своей задумке, однако же, тогда Мурат никому не сказал – вероятно, потому, что просто захотел сделать сюрприз друзьям...

Председатель майкопской еврейской общины Яков Френкель теперь вспоминает о том, что, когда Мурат принес подсвечники, все были просто потрясены. Это стало для всей общины настоящим праздничным ханукальным подарком.

Настало, в конце концов, время и для того, чтобы начать изготовление меноры. Однако прежде чем приступить к этому еще совсем незнакомому для него делу, Мурат, вооружившись лупой, листал книги, альбомы – рассматривал фотографии и рисунки в еврейской литературе, которую, по его просьбе, охотно приносили ему друзья и родные. Одним словом, понемногу «овладевал теоретическими знаниями», учился и примеривался. К работе уже вскоре ему пришлось привлечь своих старых знакомых – фрезеровщика и токаря. А уже непосредственно самой сваркой и расточкой металла занимался сам.

– От скуки стал мастер на все руки – прямо по старой присказке, — шутит теперь Мурат.

А между тем его меноры уже перешагнули ныне границы майкопской общины и стали популярны среди евреев столицы целого края – Краснодара. Сначала менору заказало краснодарское отделение «Хеседа», потом с той же просьбой к Мурату обратились из краснодарского еврейского музыкального ансамбля «Эзра»...

Оба заказанных светильника Мурат сделал бесплатно, к тому же он и вообще-то совершенно искренне считает, что «за семисвечник брать деньги нельзя». Менора для ансамбля «Эзра», над изготовлением которой он так старался, стала подлинным произведением искусства: Мурат сделал ее специально для сцены – внушительных размеров, чтобы из зрительного зала хорошо всем видно было.

Мастер рассказывает теперь с улыбкой, что только на изготовление ее макета ушло у него тогда аж... несколько недель:

– По тогдашней своей неопытности пришлось перебрать множество вариантов. В итоге решил сделать ту мою первую менору в форме шестиконечной звезды. Повозиться основательно пришлось и с самими подсвечниками, – добивался чтобы они выглядели естественно. А значит, старался сделать

подсвечники таким образом, чтобы они «вписывались» в общую композицию и были бы в художественном единстве со стержнем, на котором держится вся конструкция.

Не дает покоя Мурату Тхакумашеву рисунок меноры на карте Израиля, висящей в офисе общины.

– Посмотрите, какая тонкая работа, – застывает перед картой мастер, приглашая внимательнее взглянуться в красочную иллюстрацию. – А ведь это не простое литье. Ковка – это, пожалуй, самый сложный из всех разнообразных технологических процессов, применяемых в работе с металлом.

На возражение окружающих о том, что ведь это – всего лишь рисунок, Мурат отвечает, что «менору для карты Государства Израиль художник уж наверняка срисовывал с реального предмета»...

И, немного помедлив, и добавляет:

– Что смог сделать один мастер, сможет повторить и другой. Если, конечно, он действительно мастер, а не подмастерье.

Н. Египетский

Ħ ÒĒĎĬ Ā ÒÑĔ ĒĒ Ā ÒÀĖĒĀĬ ÒĀ ĀĀĎĀĒÑĒĒĒ ĒĒÖĀĒĒ?

Çāāđōēēñŷ ēĭfēōđñ ĭā ñōđĥēōāēūñōāĭ Őāĭ òđā āāđāēfēĭā āĭñēōāĭēŷ ā Őāēēāĭ òā Ħĭ āōāāō đāñĭēāāōūñŷ āĭāĭĭ ēçĭđāñđēāēĭūō ĭ āñō āçāēfēĭē ñōĭēēōū.

Āĭĭđĭñēēōūā òĭĭ, ēĭāāā Őāĭ òđ đāñĭ āōĭāō ĭāĭē āāāđē.

Őāĭ, ĭĭēā ÷ōĭ ĭēēōĭ ĭōāāōēōūĭā ĭāĭĭ ĭā ĭēāō.

...А началось все три года назад. Тогда в Ташкент прибыли директор фонда «Ор Авнер» раввин Довид Мондшайн и представитель президента Всемирного конгресса бухарских евреев, известного мецената Леви Леваева, Шлоймо Пелес. Они внимательно выслушали доводы главного раввина Узбекистана Довида Гуревича.

Раввин поведал гостям следующее: перед тридцатитысячной еврейской общиной Узбекистана остро стоит задача непрерывного еврейского воспитания. А поэтому важно, образно говоря, взять ребенка за руку, отвести в детский сад, а вывести уже из школы полноценным евреем, знающим Тору, иврит и традиции своего народа. Для этого, убеждал гостей раввин, и необходимо построить здесь достойный Центр еврейского воспитания.

Гости с ним во всем согласились и пообещали со своей стороны всяческую поддержку.

– Сегодня еврейская школа, детсад, культурные центры разбросаны по всему городу, – рассказал нашему корреспонденту раввин Гуревич. – Мы арендуем помещения для проведения мероприятий, а также автобусы, все время от кого-нибудь зависим, что-то просим. Негде провести хупу – свадьбу с соблюдением традиций еврейского народа, отметить праздник. Центр необходим не только как средоточие еврейского воспитания, но и как дом для всех евреев, куда каждый сможет прийти и где ему действительно будут рады.

...После той памятной встречи с высокими московскими гостями раввин Довид Гуревич за сто тысяч долларов выкупил на бирже два двухэтажных дома – и стройка закипела. С финансами отчасти помогла известная своей филантропической деятельностью американская семья благотворителей Рор. И однако, все же большую часть средств раввин Гуревич нашел сам.

– В разгар строительства, – пояснил нашему корреспонденту директор строительной фирмы Валерий Моисеев, – на объекте зачастую трудились до ста строителей различных специальностей. Режим работы – весь световой день, но нередко и на ночь включали прожекторы. Когда разобрались с одним из зданий, стало ясно: его надо бы не модернизировать, а поскорее сносить – так выйдет куда дешевле. Только под фундамент ушло 300 кубометров бетона и 44 тонны арматуры. Зато теперь будущая постройка будет уже вполне отвечать категории «А», принятой в Узбекистане. Это означает, что простоит она не меньше ста лет и выдержит землетрясение до десяти баллов.

...Идем с раввином Гуревичем по пустынной стройплощадке, которую круглосуточно охраняют – иначе, ясное дело, все дотла растащат, как повелось повсюду «в странах бывшего СССР» любители дармовщинки.

– Вот здесь, – показывает раввин, – будет детский сад на три группы, а вот тут разместятся лица с учебными аудиториями, лабораторией, компьютерным классом, спортзалом, кабинетом иврита и традиций. Далее – общежитие для иногородних студентов, зал торжеств, музей, офис представительства Всемирного Любавичского движения, кружки по интересам. Тут вот – кухня, где будет готовиться кошерная еда на всю городскую общину. Центр займет площадь в 4200 квадратных метров. Такого здания нет ни у одной национальной общины республики Узбекистан.

...Стройка, однако, замерла год назад, когда иссякли деньги. Раввин Гуревич вовсе и не скрывает, что очень рассчитывает на финансовую помощь Леви Леваева и фонда «Ор Авнер», поскольку не

в состоянии возвести Центр своими силами. Оно и понятно, ведь его долги уже приближаются к ста тысячам долларов.

Финансовые проблемы растут как снежный ком. В два раза подскочили цены на кирпич, цемент, арматуру, на треть выросли выплаты процентов за акцизы на стройматериалы...

Но все-таки главная проблема даже и не в этом. Если стройка эта не возобновится в самое ближайшее время, тогда вновь будет необходимо настойчиво добиваться у властей разрешения на ее продолжение. А это грозит большими сложностями.

Не исключено, что придется вообще в конце концов похоронить идею создания еврейского лицея. Дело в том, что в Узбекистане в школе теперь будут учиться только девять лет, а потом – кто куда. Для еврейских детей это означает конец образования в национальном духе. Им всем тогда придется переходить в обычные государственные лицеи, где – вполне понятное дело! – уже ни о каком еврействе нечего будет даже и думать.

Уважаемый множеством людей раввин Довид Гуревич пробился на прием к министру народного образования республики – профессору Рисбаю Джураеву. И у министра настойчивый раввин добился-таки, что еврейской общине разрешили открыть лицей с гуманитарным уклоном. Здесь, в будущем лицее, станут готовить не только переводчиков, преподавателей иврита и национальных традиций, но также и других специалистов.

Власти – а вопрос решался в аппарате президента, – поставили только одно-единственное условие. Зато какое – под лицей должно быть построено специальное здание! Вот только одна заковыка: где же на него взять денег?!

Недавно раввин Гуревич вновь был у того же министра. Теперь раввину уже пришлось оправдываться: почему же это до сих пор долгожданный лицей не вступил в строй?! И уже с трудом было получено разрешение на то, чтобы в еврейской школе-гимназии был открыт 10-й класс.

Одним словом, очевидно, что если Центр не будет сдан к началу следующего учебного года, тогда с мечтой о лицее придется и вовсе расстаться.

...Впрочем, все же надежда еще окончательно не умерла. Дважды побывавший в Ташкенте директор инженерно-строительного отдела Федерации еврейских общин СНГ Яков Каспи потребовал провести конкурс на завершение строительства «под ключ». Благодаря этому и пришла на днях радостная весть: буквально недавно все уже в этом направлении сделано!

По словам Валерия Моисеева, руководителя фирмы, выигравшей конкурс, «если работать упорно, можно успеть в срок». И тогда, действительно, вовсе не исключено, что уже 1 сентября 2004 года первые из будущих лицеистов в столице Узбекистана наконец-то сядут за парты.

А. Аиди ай

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ

В общественном музее истории и культуры евреев Узбекистана в Ташкенте недавно приняли сотую группу посетителей – учащихся ташкентской еврейской школы-гимназии № 321.

Группу этих необычных посетителей провела по залам и познакомила с экспозицией создатель музея и его бессменный руководитель, кандидат исторических наук Галина Дресвянская.

– Недавно мы отметили первую годовщину нашего музея, – рассказала нашему корреспонденту директор. – Обязательно следует отметить, что наш музей появился благодаря представительству Всемирного Любавичского движения и Центру еврейского воспитания. Самое активное участие в создании экспозиции принял главный раввин Узбекистана Довид Гуревич, который также еще и передал в дар музею ряд ценнейших экспонатов.

...Девочки-гимназистки с пытливым интересом рассматривали Вавилонский Талмуд, изданный в Бердичеве в 1896 году. А потом застыли у экспоната, расположившегося рядом: это – также переданная музею раввином Гуревичем старинная картина «Моше разбивает скрижали», выполненная в оригинальной технике финифти.

В отличие от других музеев здесь все можно потрогать своими руками, мало того – даже и примерить! Гимназистки в джинсах, как я убедился, с удовольствием надевают головные уборы своих бабушек и прабабушек, накидывают на плечи золотошвейные халаты из Бухары, некоторые даже пробуют поиграть на дойре.

Экскурсия продолжается. Внимание привлекает уникальная карта древних еврейских поселений в Средней Азии.

– Евреи появились в нашем регионе еще в первых веках новой эры, – охотно комментирует Галина Дресвянская. – Со временем их основным промыслом стала покраска шелковых тканей из Китая и перепродажа их в Европу. При монгольском хане-завоевателе Тамерлане, «Железном Хромце», евреи были в массовом порядке отправлены жить в Бухару. Понятно, что именно отсюда и пошло их название – бухарские евреи. Оторванные от главных традиционных центров иудаизма, они тем не менее сохранили основные обычаи и традиции своего народа. А кроме этого – бухарские евреи еще и оставили заметный след в развитии местных, среднеазиатских ремесел, искусства, литературы, музыки.

...На стене два старых фотопортрета – подарок члена координационного совета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Риммы Головиной. На снимках – ее прабабушка и прадедушка, типичные члены большой еврейской общины Ташкента конца девятнадцатого столетия.

Особенно пристально девушки-экскурсантки рассматривали подлинный брачный договор (ктубу) позапрошлого века. Этот редкостный подарок музею сделал другой раввин – Довид Колтун.

Заставила призадуматься молодых сегодняшних гимназисток о не столь давнем ужасающем прошлом картина ташкентского художника Савелия Розенблюма «Нехама», написанная на тему Холокоста.

...Надо также отметить, что небольшой музей этот постоянно пополняется все новыми дарами-экспонатами. Члены общины нередко передают из своих семейных архивов и коллекций интересные фотографии, письма, дипломы, предметы старины.

Один из стендов занимает коллекция документов об известной в Средней Азии династии фотографов-евреев Пенсонов. Экспозицию их работ по праву открывает портрет «Туркестанская мадонна», удостоенный золотой медали на Всемирной выставке в Париже в начале 30-х годов минувшего столетия. А рядом, за стеклом, экспонируются черная капота (длиннопольный кафтан) раввина XIX века, футляр для свитка Торы, рог-шофар.

Галина Дресвянская – тонкий знаток еврейского быта Средней Азии. Благодаря ее стараниям общественный музей за короткое время по праву стал вполне профессиональным. За минувший год его посетили не только ташкентцы, а и многие гости чуть ли не со всего света. В частности, – экскурсанты из Израиля, Канады, Германии, США, Кореи, Австралии, Испании, Голландии...

Но самое главное – этот сравнительно небольшой музей уже успел стать бесценным «учебником» для местной еврейской молодежи, которая приобщается к истории и традициям своего народа.

– Музей в Ташкенте – действительно единственный в своем роде на всю Среднюю Азию, – подчеркнул в интервью раввин Довид Гуревич. – Он служит консолидации, возвращению евреев к своим корням после долгих лет воинствующего атеизма и забвения национальных традиций. Когда мы закончим строительство в Ташкенте нового общинного центра, этот наш музей – как важный очаг культуры! – безусловно, получит самое светлое и просторное помещение.

А. Азди ай

ÒÀÉÍÀ ÁÂÐÄÉÑÊËÉ ÁÓËÂÛ

В биробиджанской еврейской общине «Фрейд» прошла презентация художественно-познавательного альбома «От алеф до тав. Тайна еврейской буквы».

Созданный местным художником-графиком Розой Строковой, составителем текстов Еленой Беляевой и дизайнером Викторией Белеховой, альбом иллюстрирует алфавит языка иврит.

В частности, в этом издании разъясняется числовое значение каждой буквы, дается смысловое описание и символическое значение знаков алфавита, а также приводится несколько вариантов их начертания.

Один из авторов издания, график Роза Строкова на презентации рассказала нашему корреспонденту, что работа над альбомом хоть и была очень кропотливой, однако же доставила и ей, и ее коллегам огромное удовольствие. Художнице пришлось серьезно изучить историю еврейского народа, развитие письменности и некоторые религиозные тексты. Именно тогда ей и пришла оригинальная идея: стилизовать страницы альбома под скрижали, полученные Моше на горе Синай.

Поистине как беспрецедентное событие расценено то, что этот альбом выпущен на средства правительства Еврейской автономной области, хотя издан он весьма ограниченным тиражом – всего лишь в тысячу экземпляров. Ничего подобного, однако, за всю историю автономии сделано не было, поскольку на изучение иврита в советское время было наложено табу.

Издание подобного альбома ярко доказывает разительные перемены в отношении к евреям со стороны официальных властей. А приурочено это событие – появление альбома о буквах Народа Книги – именно к празднованию семидесятилетия со дня образования Еврейской автономной области. *Á Áíðéíá*

ÎÁÂÄËÄ ÄËËÇÀËËË ×ÁÍ ÎÕ ÎÎÄÎÑÒËÁ

В Костромском еврейском благотворительном центре «Хасдей Цион», которым руководит Галина Скаржинская, состоялась передача наборов одежды, предназначенной воспитанникам колонии для несовершеннолетних.

В этой колонии отбывают наказание подростки из Ивановской и Костромской областей, а также из Карелии.

Администрация Костромы и руководство колонии обратились с просьбой к еврейской общине об оказании помощи. И евреи в этой просьбе не отказали.

...Акция по передаче вещей заключенным-подросткам будет проходить под патронажем администрации Костромской области. Еврейская община безвозмездно передала 57 предметов одежды.

Как известно, в колонию чаще всего попадают дети из неблагополучных семей и сироты. Кому не понятно, что у таких социально не защищенных людей после их освобождения появляются многочисленные проблемы? И в самом деле, иногда им просто нечего надеть в тот день, когда они выходят за порог колонии. К сожалению, до сих пор многие организации игнорируют проблемы бывших заключенных.

Однако еврейская община, придерживаясь древних национальных традиций, основанных на заветах Торы быть милосердными, видит свой долг в поддержке однажды оступившихся молодых людей при их возвращении в общество.

Ï. Òèè àí

ИЗРАИЛЬСКИЕ УЧИТЕЛЯ В КИЕВЕ И В БЕЛОЙ ЦЕРКВИ

Для израильтян – учителей иврита и традиций еврейского народа, которые работают в еврейских школах на территории СНГ, в начале ноября состоялся семинар. Проводили его в Киеве под патронажем Министерства образования Израиля и Еврейского агентства «Сохнут».

В один из дней участники семинара посетили некогда бывший штетлом – еврейским местечком – старинный город Белая Церковь. Визит гостей начался с экскурсии по старой части города. Израильские учителя осмотрели парк «Александрия», бывшую Большую хоральную синагогу. Кроме того, побывали гости и в памятных местах, которые связаны с великим писателем Шолом-Алейхемом, увидели они также и многие другие достопримечательности.

После экскурсии все участники семинара прибыли в известное всей Украине учебно-воспитательное еврейское объединение «Общеобразовательная школа 1-11 ступени – детский сад фонда Ор Авнер».

Выступая перед участниками семинара, руководитель проекта «Учителя иврита и традиций еврейского народа в СНГ» Министерства образования Израиля Ури Агали отметил, что Белая Церковь вовсе не случайно выбрана для их посещения. Вероятно, отнюдь не все участники семинара знали исторический факт: ведь именно здесь в основном и разворачивалось начало чудовищной исторической драмы времен кровавого палача еврейства – гетмана Богдана Хмельницкого...

Председатель белоцерковского общества еврейской культуры имени Шолом-Алейхема и еврейской общины Харитон Берман рассказал об истории города. И в частности, он подробно поведал участникам семинара о возрождающейся еврейской жизни в Белой Церкви.

Беседу по поводу недельной главы Торы с участниками семинара провел раввин Белой Церкви Меир Гольцберг.

С приветственным словом обратилась к учителям директор УВО «Ор Авнер» Н.И. Андриющенко. Затем гости осмотрели школу. Они отметили высокий уровень преподавания и царящую в этом учебном заведении необыкновенно теплую, и в самом деле домашнюю атмосферу.

И. Агали

ДОРОГОЙ ПОДАРОК

À l'adhérence la plus précieuse et la plus précieuse de la communauté juive de la ville de Perm, c'est la donation de matériel informatique et de matériel de bureau par la communauté juive de la ville de Perm.

В новом Интернет-центре действуют сегодня уже 16 компьютеров последних моделей. Кроме них, здесь установлены также сканеры и лазерные принтеры.

Соответственно своему предназначению вся электронная система Интернет-центра оснащена современным программным обеспечением, позволяющим получать быстрый и свободный доступ ко всему пространству «всемирной паутины». Имеются даже видеокамеры, позволяющие вести переговоры в Интернете.

Нефтяники передали еврейскому общинному центру еще и оборудование для демонстрации фильмов, в том числе с компьютеров. В дар община получила также специализированное оборудование для проведения видеокурсов по обучению программированию и современному компьютерному дизайну для удаленных пользователей.

Одновременно с этими щедрыми подарками община получила профессиональную цифровую видео- и фотокамеру, чтобы посетители центра могли обучаться прогрессивной нынешней технике фотографирования и компьютерной обработки фотоматериалов.

Интернет-центр теперь уже постоянно открыт для членов общины и для учащихся городской школы «Ор Авнер». Комментируя это событие по просьбе нашего корреспондента, раввин Перми Залман Дайч сказал:

– У меня нет сомнения, что этот уже воплощенный в реальность проект самым существенным образом обогатит и расширит рамки еврейской жизни в нашем городе. Теперь члены нашей общины смогут посетить различные еврейские сайты, завести знакомства с евреями в разных странах. Интернет ведь действительно уже стал неотъемлемой частью повседневной еврейской жизни.

Раввин Дайч выразил свою особую благодарность вице-президенту Федерации еврейских общин России Александру Бороде, стараниями которого был осуществлен этот проект, и руководству компании «ЮКОС-Москва», оплатившему приобретение весьма дорогостоящего компьютерного оборудования.

Y. Ozeri at

ՕՐՈՅ ԱՎՈՆԵՔԵ ՆԱԱ Է Ի ՕԵԲՍԵՆՑ, Ի ԱՂԱԷԻ Ի ԴԻՂԵԱԻ Մ ԱՆՂ ԱԷ ՕՂԷ Է Ի Ա ԵՆ՝ԱԴԻ ԱԻ Մ

Ի ԷԻ ԵՆՈ ԱԴՆՈ ԱԻ Ի ԱՉԱԳՏԱՐԻ ԵՄ ԱՇՈՒԱԷ ԶԵՆԱԻ Ա ԱՂԱԷԻ ԷԵՕՂԻ ՇԵԽ Ի ԱՉԱԻ Օ ԶԱՆՈՂԻՆԻ Օ ԱՉՈՆԵՔԻ Օ ԱՉՈՆԵՔԻ Օ ՄԱՅՈՒ ԴԱՄԻ ՕՂԵԷ ԵԷ, ՄԻՇԱԻ ԻՆԻ Օ Ի ՕԷ Ի Ի ԱՄԱԴԵ ԷԱ Ի ԶԵՆՈՂԻ ԱՉԱԻ Ի Ա ՕՂԻ ԱԱ «Ի Թ ԱՂ ԱԹ».

Учредитель детсада Алик Аврумов сообщил нашему корреспонденту, что все расходы по содержанию этого детского учреждения, в том числе доставку детей из дома и обратно, взял на себя фонд «Ор Авнер».

Дошкольное учреждение, рассчитанное на 60 детей, уже сегодня хотели бы посещать более 70 ребятишек. Кстате, и первая частная еврейская школа Азербайджана, открытая под эгидой того же фонда «Ор Авнер» в Баку в конце прошлого года, столкнулась с той же проблемой! Действительно, желающих учиться в этом еврейском учебном заведении куда больше, чем оно ныне может принять.

– Поэтому главная наша проблема – создание условий для увеличения числа посещающих школу до трехсот учащихся, а дошколят – уже до ста, причем все это желательно к сентябрю 2004 года, – сообщил Алик Аврумов. – Для этого фонд «Ор Авнер» планирует арендовать или построить в Баку учебно-воспитательный центр, включающий в себя детсад и среднюю школу. А значит, тем самым и удастся обеспечить непрерывность воспитательного процесса, базирующегося на традициях еврейского народа. Пока же школа и детсад «Ор Авнер» находятся в разных концах весьма обширной территории азербайджанской столицы.

О работе нового еврейского детского сада, открывшегося 10 ноября в Баку, нашему корреспонденту в азербайджанской столице рассказывает Вика Абасагаева:

– Основная задача наших педагогов – развитие личности каждого ребенка, обучение его еврейским традициям и обычаям. Именно в коллективе ребенку легче всего понять, что такое дисциплина, ответственность, самостоятельность. Так, каждому из наших воспитанников легче привыкнуть к режиму, играющему важную роль для здоровья детей. В детском саду каждый день с ребятишками проводят интересные, творчески построенные занятия по лепке, рисованию, математике, еврейской музыке, физкультуре, изучению иврита и еврейских традиций. Все это осуществляется в рамках новых методик и специализированной программы. Внедрение их позволяет добиться не только эффективного интеллектуального продвижения детей, но также и их ускоренного нравственного и эстетического развития.

Этот детский сад – дом, где организована специфическая среда, создающая наилучшие условия для здоровой физической и психической жизни ребенка. Перед открытием нашего – действительно столь необычного! – детского сада была проведена достаточно трудоемкая и ответственная работа. В частности, по всему городу мы проводили тщательнейший отбор квалифицированных воспитателей, нянечек и других работников. Кроме того, было выбрано помещение, подходящее по всем нормам и санитарным требованиям, а также сделаны необходимые покупки разнообразнейшего инвентаря, развивающих игр, инструментария и материалов для творческого труда детей.

В трехэтажном очень красивом и теплом здании детского сада уже сегодня царит теплая, чуть ли не домашняя атмосфера.

И все это – не только благодаря уюту в группах, теплых спальнях, светлых комнатах, двухразовому кошерному питанию, а прежде всего, по всей видимости, благодаря здешним педагогам и воспитателям.

На первом этаже размещена раздевалка с удобными индивидуальными шкафчиками для каждого ребенка. Также на первом этаже расположены кабинет директора, и кухня, и другие хозяйственные помещения. Второй этаж занимают групповые залы, ярко и красочно оформленные. Каждый из них оснащен большим количеством красивых игрушек и других самых современных детских принадлежностей. Третий этаж – это спальни и клуб еврейских традиций.

Группы рассчитаны на определенное количество детей, которое не может быть превышено. Ребята действительно весело и очень плодотворно проводят здесь время.

ÑÈÈÀ - ÂÎ ÂÇÀÈÌ ÎÏÎÌ ÎÙÈ

Краснодар стал первым в седьмом десятке городов нашей страны, в которых действует благотворительная программа Федерации еврейских общин России «Продуктовые наборы».

Эта программа ФЕОР – адресная, а следовательно, она и предельно конкретна, и столь же действенна: нуждающимся евреям ежемесячно доставляют продукты первой необходимости.

– Помощью ФЕОР пользуются одиннадцать краснодарских евреев, – сообщил нашему корреспонденту председатель еврейской общины Юрий Тейтельбаум. – В основном это пожилые люди в возрасте от 75 лет.

...Багажник машины Владимира Рузанова до отказа набит большими пакетами. В них – сахар, мука, рис, гречка, геркулес, растительное масло, шпротные консервы, чай и сгущенное молоко. Община получает из ФЕОР деньги и список рекомендуемых продуктов, а закупает все сама.

– Сложно найти кошерное растительное масло, с остальным – все в порядке, – признается мне волонтер благотворительности.

По дороге Владимир рассказывает и о своих подопечных. Это – трое мужчин и восемь женщин, преимущественно одинокие старики. Приходится настраиваться на долгую поездку: ведь пока каждый не напоит чаем да не расскажет о жите-бытье, уйти просто невозможно.

Владимир показывает на проносящиеся в окне автомобиля дома:

– Здесь живет еврейская семья, здесь – две семьи, в том дворе тоже есть наши подопечные...

Рузанов занимается гуманитарной помощью уже много лет. С группой единомышленников-энтузиастов он помогал евреям, оказавшимся в трудном положении, еще до прихода на Кубань еврейских благотворительных организаций.

– Тогда в основном мы занимались беженцами, – рассказывает Владимир Рузанов. – Люди находились в ужасных условиях. Помню, одна семья даже ютилась в хлеву.

...Владимир, бывший военный, живет в соответствии с учением Торы: каждый человек должен выполнить свою миссию на земле, помогая другим.

Первая в списке Рузанова – Ольга Шаевна Дашевская, ветеран Великой Отечественной войны. Она долго выспрашивает из-за двери, кто пришел, а открыв дверь, весело подмигивает. Пройдя в квартиру, Владимир начинает выкладывать на стол продукты, одновременно расспрашивая хозяйку о последних новостях.

Продуктовые наборы Ольга Шаевна ждет с нетерпением, это – большое подспорье ей, одинокому человеку. Она, однако, не меньше ценит и человеческое общение. С жаром рассказывает, какие чудесные, внимательные люди входят в общину – регулярно звонят, интересуются здоровьем, спрашивают, чем могут помочь.

– Сила еврейского народа – во взаимопомощи, – посерьезнев, сказала нам с Владимиром на прощание Ольга Шаевна. – Низкий поклон от евреев-стариков ФЕОР и краснодарской общине за то, что они нас не забывают.

Отправляемся по следующему адресу...

Ñ. Èàààààà

צְאֵתִי עַל הַדְּבָרִים

26 ноября в Московском еврейском общинном центре состоялась встреча главного раввина России Берла Лазара с членами культурно-просветительского центра русской еврейской интеллигенции «Ковчег».

Заранее была объявлена тема этой встречи – «Мораль и право в иудаизме».

Свое выступление раввин Берл Лазар начал с постановки проблемы.

– Есть два разных вида законов, – сказал раввин. – Это – законы, которые мы называем еврейскими, и законы страны, в которой мы живем, – нееврейские законы. Наверное, можно говорить и о двух видах морали: общечеловеческой, принятой как главный путь в жизни, – творить добро, и особенной, еврейской морали. Еврейский закон отличается от нееврейского, еврейская мораль отличается от нееврейской. Если это не так, зачем тогда Б-г создал нас, евреев, отличными от всех остальных? Другой вопрос: наши законы верны только для нас или для всего человечества? Каковы наши законы и какова наша мораль?

Раввин Берл Лазар пояснил это на примере одной молодой еврейки, недавно побывавшей у него на приеме с вопросами о том, как ей поступить.

– Девушка хочет стать религиозной, – рассказывал раввин, – а родители говорят ей: «Зачем соблюдать заповеди, законы и праздники? Живи нормальной жизнью. Что плохого в том, что ты просто будешь хорошим и добрым человеком, который помогает другим? Зачем искать что-то еще?»

Ответ на эти вопросы к раввину Берлу Лазару пришел не сразу. И он не стал этого скрывать от заинтересованной аудитории.

– Что отличает нас от неевреев? – размышлял раввин. – Начну с того, что на евреях лежит больше ответственности, больше обязанностей, чем на других народах. Б-г дал им десять заповедей, а нам – шестьсот тринадцать! Если у нас столько обязанностей, то, наверное, есть у нас и особая миссия. Если мы – избранный народ, то это еще вовсе не значит, что мы лучше, умнее, богаче других. Наверное, Б-г хотел, чтобы мы совершили нечто. Что же это за «нечто»?

Раввин Лазар уточнил свой вопрос:

– Иными словами, что значит – быть евреем?

И немного подождав ответа, продолжил:

– Закон нашей страны – это основа нашей жизни, благодаря которой мы чувствуем себя спокойно. Например, законы предписывают платить налоги, чтобы помочь неимущим. Законы запрещают воровство и регулируют бизнес. И это хорошо. В чем же тогда разница между законом и моралью?

...Законы, по мнению раввина Берла Лазара, созданы для того, чтобы руководители государства могли поддерживать порядок в стране, и мораль не играет в этом процессе заметной роли.

– Но однажды приходит духовный лидер и говорит: «Нам мало закона, надо жить по морали...» – заметил раввин Лазар, и далее пояснил: – В еврейском законе есть две противоречащих друг другу вещи. Итак, – что говорит еврейский закон? «Мое – это мое, твое – это твое». Это закон. Однако в Мишне мы читаем: «“Мое – мое, а твое – твое” – это качества Сдома». Еврейская мораль, еврейская этика говорит: «Твое – это твое, а мое – тоже твое». В этом случае мы поднимаемся на более высокий уровень – уровень морали.

...Судя по разъяснениям раввина Лазара, следует подразделять четыре «ответвления» закона. Первое – этика, принятая множеством народов, это – десять заповедей. Второе – это закон святости, когда

человек делает будничные дела, привнося в них святость. Третье – когда человек делает что-то, чтобы стать лучше, например через молитву приближается к Б-гу. (Это нужно не Б-гу, – подчеркнул раввин, – это нужно самому человеку.) Четвертое – соблюдение праздников, Субботы, иудейских традиций. Ну а все вместе – это и есть еврейский закон.

Так наставлял слушателей раввин Берл Лазар. А затем он предложил аудитории принять участие в дискуссии на обсуждаемую тему. И здесь были затронуты многие проблемы. Сперва заговорили, естественно, о самом насущном – о международном антисемитизме и в связи с этим о том, что в современном обществе часто не соблюдаются ни закон, ни тем более мораль.

После этой острой дискуссии заговорили, конечно, о проблемах современной российской еврейской общины. Раввин Берл Лазар с сожалением отметил, что многие евреи Израиля и Америки, похоже, навсегда потеряны для еврейской диаспоры. А произошло это из-за того, что они стремятся ассимилироваться среди других народов, принимая и образ жизни последних, а тем самым – и их мораль.

В то же время сейчас на наших глазах происходят и явления, прежде очень многим представлявшиеся уже просто совершенно невероятными, – подчеркнул Берл Лазар. – И среди самых потрясающих, пожалуй, главное – то, что в обновленной России за относительно короткое время образовалась сильная еврейская община.

– В Америке и в Израиле, где все разрешено, многие забыли и о законе, и о морали, – продолжал раввин. – Недавно я вернулся из Америки. Там мне говорили, что еврейские общинные центры пустуют. В Израиле хотели создать страну, которая ничем не отличалась бы от стран Запада, – и, к сожалению, во многом это удалось. Изменения в российской еврейской общине за последние тринадцать лет поистине революционные – в хорошем смысле этого слова. Семьдесят лет евреям буквально все было запрещено, но они тем не менее сохранили свое еврейство. Российские евреи не видели, как их родители отмечают еврейские праздники, а сами они это делают с душой. За такой длинный период – в семьдесят лет – они остались евреями не только по названию...

О многом насущном и действительно важном в жизни заставляют задуматься подобные встречи с духовными наставниками. Они не забываются!

А. Ашкенази

ЕВРЕЙСКИЙ ПАВИЛЬОН

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ עִמָּנוּ וְיִשְׂרָאֵל בְּרַחֲמָיו אֲדֹרָא, - אֲדֹרָא יִשְׂרָאֵל אֲדֹרָא וְעַד הַיּוֹם יִשְׂרָאֵל עִמָּנוּ. יְהוָה אֱלֹהֵינוּ עִמָּנוּ וְיִשְׂרָאֵל בְּרַחֲמָיו אֲדֹרָא, - אֲדֹרָא יִשְׂרָאֵל אֲדֹרָא.

Там, где обычно проходит карнавальное шествие, устанавливают «национальные павильоны». И в них стараются сделать все для того, чтобы горожане смогли познакомиться с обычаями и традициями, культурой и кухней разных народов.

Как считают многие мариупольцы, именно еврейский павильон на праздновании Дня города был всегда одним из самых интересных. Обычно он располагается на площади «Место встречи» с красивыми фонарями и скамейками, стилизованными под старину, с памятником Владимиру Высоцкому в роли капитана Жеглова.

Здесь, у «нашего павильона», трепещут на ветру разноцветные шары, развеваются флаги различных еврейских молодежных организаций. Словом, богато представлена национальная символика, да к тому же и звучит зажигательная еврейская музыка. Любому понравится, а все вместе это и создает праздничное настроение!

В этом году все еврейские организации – Мариупольское еврейское культурно-просветительное общество, филиал Еврейского агентства «Сохнут», синагога, воскресная школа, молодежные организации и клубы – впервые объединились в подготовке и проведении Дня города.

И не зря все вместе так постарались! Около павильона все время было очень оживленно. Мариупольцы живо интересовались еврейской атрибутикой, восхищались блюдами еврейской кухни: огромной халой, красавицей фаршированной рыбой, закусывали форшмаком и отведали легендарного сладкого цимеса...

Среди гостей были и такие, кто впервые не только увидел, но и сам наконец попробовал мацу. Желающим щедро раздавали рецепты приготовления различных еврейских блюд и деликатесов – в таких делах мы секретов не таим!

Большое внимание собравшихся в павильоне было приковано к выставке еврейской литературы и периодики, но особенно много народу толпилось у книг, журналов, альманахов, сборников с произведениями местных писателей и журналистов. Среди них книги «Евреи Приазовья» безвременно ушедшего в прошлом году Льва Яруцкого и «Память сердца» – реквием погибшим от рук фашистов во рву «Агробазы» мирным жителям-евреям: этот литературный монумент издан под редакцией М.Н. Грамма и А.М. Чудновского.

Значительный интерес вызвала выставка книг писателя и журналиста Семена Гольдберга. Его перу принадлежат популярные в этих местах книги: «Евреи Мариуполя и Приазовья», «Земля земель, страна всех стран», «И возвращается ветер» и ряд других. Автор и сам принимал активное участие в презентации своих изданий.

Все время в павильоне звучала еврейская музыка, еврейские танцы исполняли девушки из молодежных клубов «Сохнута». Зрителей, судя по их долгим аплодисментам, покорили своим исполнением еврейских песен сестры Фенгирут, вокалистки из Донецка. Программу праздника вели Люба Велицкая, Миша Вайцман и Маша Дембо.

С приветствием к еврейской общине города обратился мэр Мариуполя Ю. Ю. Хотлубей. Ну а потом градоначальник сфотографировался на добрую долгую память с участниками праздника и руководителями еврейских организаций.

י. אודי אר

«ЕТА» О АВАИТА ОАИ»

С 14 по 16 ноября в Подмоскowie состоялся выездной семинар культурно-просветительского центра русской еврейской интеллигенции «Ковчег».

В этом семинаре под руководством Феликса Дектора приняли участие поэты, прозаики, переводчики, режиссеры, артисты, ученые и общественные деятели.

Преподаватель Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова (бывший Еврейский университет в Москве), автор «Лехаима» Александр Синельников прочитал лекцию «Евреи и прогресс».

Среди других выступавших – поэт и режиссер Григорий Кантор, литературовед и мемуарист Владимир Глоцер и другие.

В работе семинара приняли участие члены литературного клуба «Молодой Ковчег», работающего при Московском еврейском общинном центре. Свои стихи читали Александр Раппопорт, Марина Гольденберг, Михаил Липкин, Михаил Каганович...

Оживленные споры вызвал рассказ Марии Ульяновой «Прах и пепел», в котором автор попыталась обыгрывать библейские сюжеты, перенесенные в современность.

Гости семинара – народный артист Украины Георгий Мельский и актер театра и кино Анатолий Немов показали спектакль «Записки похоронщика Вениамина Семеновича Белоцерковского», созданного по рассказам Давида Маркиша.

В своем заключительном слове руководитель «Ковчега» Феликс Дектор отметил огромное просветительское значение состоявшейся встречи и поблагодарил спонсора семинара – организацию «Хабад-Любавич».

После окончания семинара корреспондент АЕН взяла интервью у руководителя «Ковчега». На ее вопросы ответил переводчик, издатель и общественный деятель Феликс Дектор.

– Пожалуйста, расскажите о себе...

– В середине прошлого века я окончил Вильнюсский университет, работал в молодежной газете, а в 1956 году уехал в Москву, поступать в Литературный институт имени Горького. Посещал семинар поэта Льва Озерова...

А затем – переводил литовских писателей. Книги в те времена выходили гигантскими тиражами, и жилось мне безбедно. У меня было четверо детей, две машины и двухэтажный коттедж в известном всей Москве поселке у станции метро «Сокол», с гаражом и садом. Когда знакомые спрашивали: «Почему бы вам собаку не завести?» – мы с женой говорили, что лучше уж мы пятого ребеночка заведем: глядишь, человеком вырастет...

Правда, пятый родился уже в Израиле.

– Если у вас были такие прекрасные условия, тогда почему же вы решили репатрироваться?

– Где-то годам к сорока я почувствовал, что уперся в свой «потолок». Ну, то есть сделал максимум того, чего мог достичь в Советском Союзе средних способностей еврей-гуманитарий, притом не член КПСС. Я понимал, что в моей жизни уже ничего не изменится...

Да, конечно, можно было добиться и большего, только вот одно «но» – для этого требовалось вступать либо в сделки с совестью, либо в противоречия с Уголовным кодексом СССР.

В семидесятых годах появилась наконец возможность легально покинуть СССР, и я пришел к важному для себя выводу. А именно, что для еврея безнравственно и аморально жить в стране, народ которой его, мягко говоря, не любит, режим которой всячески его оскорбляет. Если есть возможность расстаться с таким существованием, а ты предпочитаешь мириться с этим, значит, ты – раб, а не человек.

К тому же мать моих детей – не еврейка, и хотя она уже прилично знала иврит, я понимал, что если мы не уедем, то на мне прервется цепочка поколений, идущая от Авраама, Исаака и Яакова. Я не мог с этим смириться. Не может быть, чтобы просто так, ни для чего, впервые за две тысячи лет совпали три момента. Вот они: первый – я, который все еще сознает себя евреем, второй – возрожденное Государство Израиль и третий – возможность вернуть свое семя на родную почву...

– Как получилось, что, будучи членом Союза советских писателей, вы занялись еврейским самиздатом...

– Московские «отказники» Паша Абрамович, Володя (Зеев) Вагнер, Володя Престин, Венья Файн, Илья Эссас – хотели создать еврейский журнал на русском языке. Они попросили меня помочь, и я стал издавать журнал под названием «Тарбут» («Культура»).

«Награда» родины-мачехи не заставила себя ждать. Мои литовские переводы повывлетали из портфелей издательств и редакций «толстых» журналов. И тут же началась слежка, обыски, конфискация материалов, вызовы на допрос, исключение из Союза писателей. Меня грубо выталкивали из страны. Выпустив первые четыре номера «Тарбута», я «подал на выезд». Многие годами ждали разрешения, и я полагал, что успею еще немало поработать на благо еврейского народа. Однако спустя всего-то восемь дней прибыло приглашение в ОВИР, где мне было предписано покинуть в течение недели пределы СССР. И уже 2 марта 1976 года я прошел через прощальный обыск – и вылетел в Израиль.

– Чем вы занялись в Израиле?

– Мне хотелось и там быть издателем. Оглядевшись, я увидел, что в Израиле нет издания, которое регулярно рассказывало бы советским евреям о том, что собой представляет еврейское государство. Я открыл одноименное с прежним московским подпольным журналом издательство «Тарбут». В нем и стал выпускать дайджест израильской прессы «Народ и Земля». Ну а еще через год при поддержке Еврейского агентства «Сохнут» (в прекрасном лице его молодой сотрудницы Аллы Леви) учредил ежемесячник «Израиль сегодня».

В 1980 году я издал запрещенную советской цензурой «Черную книгу» о Холокосте, составленную Илейей Эренбургом и Василием Гроссманом. Позднее, в 1982 году, стал выпускать первый в стране молодежный журнал на русском языке «Сабра» с приложением «Арик» – для самых маленьких. Эту работу поддержали Еврейское агентство, министерство абсорбции, Мемориальный фонд еврейской культуры, музей «Яд ва-Шем». И все это нелегально попадало в СССР благодаря усилиям организации «Натив».

– Почему вы с недавних пор снова стали работать в России?

– Мои издания предназначались прежде всего советским евреям. И вот как только появилась возможность, я тут же стал печатать книги здесь, в Москве.

Это были и тонкие книжки для детей, и солидные тома альманаха «Ковчег» – напомним, первого в СССР легального литературно-художественного и публицистического еврейского альманаха на русском языке. Его мы редактировали вместе с Ромой Спектором.

Если раньше «Тарбут» печатал книги тиражом в одну-две тысячи экземпляров, то теперь они выходили тиражами в десятки тысяч.

– Как родилась идея клуба «Ковчег»?

– Приезжая по издательским делам все чаще в Москву, я замечал, как постоянно множатся различные еврейские организации. А вместе с тем видел, и как сужается, сходит на нет неофициальное общение нашей творческой интеллигенции. Несмотря на серьезные перемены, произошедшие в обществе, для многих понятие «еврей» по-прежнему имело негативную окраску...

В 1996 году мне предложили стать официальным посланником «Сохнута», Еврейского агентства в Москве, для связи с общиной. Предстояло создать новый отдел, организовать выпуск газеты, а главное – наладить живую связь с конкретными евреями, большинство которых вряд ли думало об алии. В это большинство входили и многие мои коллеги по Союзу писателей, в котором я был вновь восстановлен – уже после «перестройки».

Вот тогда-то, весной 1997 года, я и создал клуб «Ковчег», в который пригласил писателей, журналистов, артистов, музыкантов. Мне нравится это название – «Ковчег»: еврейское понятие, выраженное многозначным русским словом. Тут тебе и Ноев ковчег, и Ковчег Завета...

Сегодня «Ковчег» – это самая настоящая община, объединяющая полторы сотни представителей русско-еврейской творческой интеллигенции. Среди них – литературный критик Лев Аннинский и профессор философии Юрий Боров, общественный деятель Алла Гербер и журналист Евгений Гик, литератор Владимир Глоцер и режиссеры Владимир Двинский, Галина Евтушенко, Григорий Кантор, литературовед Леонид Кацис и публицист Марлен Кораллов, сценарист Яков Костюковский и писатель Яков Кумок, великолепный музыкант Виктор Лензон и филолог Виктория Мочалова, редактор альманаха «Диалог» Рада Полищук и владелец киностудии Игорь Романовский, мои давние друзья-писатели Бенедикт Сарнов и Эфраим Севела, социолог Владимир Собкин и кинодокументалист Марианна Таврог, драматург и режиссер Исаак Фридберг и киновед Мирон Черненко, кинематографист Борис Шейнин и блестящий писатель и переводчик Асар Эппель...

За прошедшие годы мы потеряли Льва Разгона и Григория Горина, но по-прежнему встречаемся, общаемся, устраиваем лекции и обсуждения. Многие наши евреи в «Ковчеге» впервые присутствовали и при зажигании субботних свечей, и впервые поучаствовали в проведении еврейских праздников.

– Вашей целью при создании «Ковчеха» было именно еврейское общение?

– Когда сохнутское начальство настойчиво спрашивало меня: «Ты думаешь, эти люди сделают алию?» – я отвечал: «Вряд ли, потому что их рабочий инструмент – русский язык и для них переезд в страну другого языка, другой ментальности – это катастрофа. Решение репатрироваться может быть принято только в индивидуальном порядке. Но если вдруг создастся такая

ситуация, от которой евреям придется бежать, то они прибегут в Израиль. И я хочу, чтобы они ощутили там себя не эмигрантами, а репатриантами».

Мы и не требуем, чтобы светский человек отрачивал пейсы. Знакомство с иудаизмом – это прежде всего знание культуры и традиций своего народа. Члены «Ковчега» приходят на наши встречи с детьми и внуками. И можно сказать, что многие из них возродились для еврейства.

– Как возник «Молодой Ковчег?»

– Несколько лет назад мы собрали начинающих литераторов, сняли им чудесную мансарду, где ребята читали свои стихи и прозу, пели песни. Но кончилась моя каденция в «Сохнута», оскудело и финансирование «Ковчега»...

В 2001 году Валерий Энгель, бывавший на встречах «Ковчега» еще в ту пору, когда он не был исполнительным директором ФЕОР, привел меня к раввину Берлу Лазару. Главный раввин России хорошо отнесся к идее связи со светской интеллигенцией, и благодаря этому директор Московского еврейского общинного центра Моти Вайсберг принял нас под свое крыло.

Парадоксально, но факт: светскую организацию «Ковчег» поддерживает сегодня «Хабад-Любавич», во главе которого стоят люди сугубо религиозные. И интеллигенция искренне благодарна им. А светские филантропы – такие, как, например, «Джойнт», Российский еврейский конгресс и т.д., – делают вид, будто мы не существуем.

– В начале интервью вы говорили о ваших детях. Как сложилась их судьба?

– Две дочери со своими детьми живут в США, и младшая прошла гиюр.

Три сына – в Израиле. Как и большинство израильтян, они не религиозны, однако женаты на еврейках и родили мне внуков-евреев. Так что род наш не угас. И надеюсь, никогда не угаснет.

АЛЕКСАНДР БОРОДА: «Этот музей снимет завесу пугающей тайны...»

В 2005 году в Москве появится Российский еврейский музей, созданный Федерацией еврейских общин России совместно с другими еврейскими организациями Москвы. О том, каким будет этот музей, исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода рассказал корреспонденту АЕН Анне Баскаковой.

– О намерении создать подобный музей впервые рассказали общественности главный ашкеназский раввин Израиля Йона Мецгер и главный раввин России Берл Лазар после встречи с мэром Москвы Юрием Лужковым...

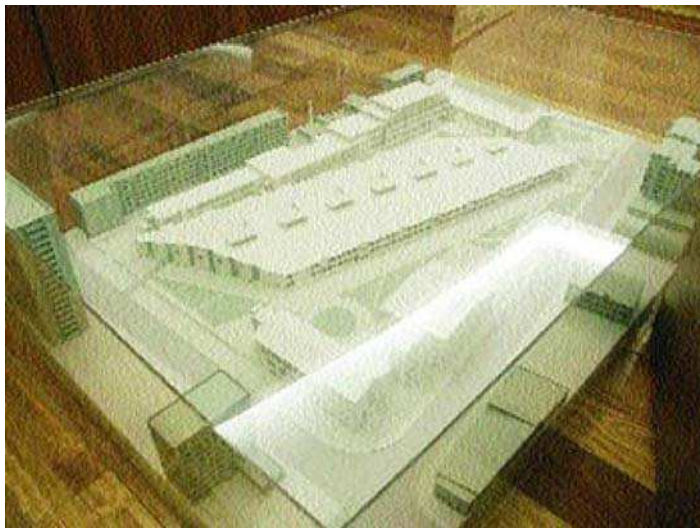
– Действительно, так и было, и мэр одобрил эту идею. Ведь во всех крупнейших мировых столицах есть еврейские музеи. Музей Холокоста, существующий ныне в Москве, слишком мал для столицы такого государства, в котором погибло несколько миллионов евреев, не правда ли?

Мы хотим сделать принципиально другой музей. Такой, который не только расскажет о трагедии еврейства в середине двадцатого века, но и вызовет у зрителя чувство сопереживания с каждым отдельным человеком. Это должен быть такой музей, который персонифицирует общую трагедию народа. Эта направленность всей будущей музейной экспозиции непременно усилит восприятие и, безусловно, послужит уроком каждому посетителю.

– Для будущего музея уже выделено помещение?

– Музей будет находиться неподалеку от Московского еврейского общинного центра, в уникальном здании Бахметьевского гаража. Это поистине замечательное здание построено довольно давно, в 1926 году, знаменитым архитектором Константином Мельниковым. Так что здание это по праву получило высокий статус памятника архитектуры, охраняемого государством.

Скоро начнется тендер на проект. Сам по себе тендер этот для создания проекта столь важного музея станет, безусловно, знаковым явлением: в нем участвуют лучшие архитекторы мира.

יִשְׂרָאֵל צְאִי עִי דִּינְיָנוּ וְאִבְרָהָם יִצְחָק

– Коллекция будущего музея уже сформирована?

– Она сейчас находится в процессе формирования. Часть экспонатов уже сегодня приобретается, часть дарят будущему музею спонсоры. В коллекции уже ныне есть предметы религиозной атрибутики XVIII–XIX веков, например указка для чтения Торы (Яд), сделанная из серебра и украшенная драгоценными камнями.

Уникальны такие будущие экспонаты, как настенное украшение из серебра с библейским сюжетом «Продажа Иосифа братьями в рабство», выполненное во Франции в конце XIX века, и серебряная ханукия высотой около метра, сделанная в 1907 году в мастерской Бориса Шаца, основателя первой в мире еврейской художественной школы.

Есть в формируемой коллекции также и прекрасная живопись. Так, например, недавно нам подарили замечательную картину Иеуды Пэна «Конский рынок».

– В чем особенность будущего Российского еврейского музея?

– Это будет абсолютно необычный музей, действительно, – не такой, как, скажем, Третьяковская галерея. В экспозиции музея специалисты предполагают использовать усовершенствованные мультимедийные технологии, а также световые, сценические эффекты и другие самые современные средства подачи информации.

Примечательно также и то, что при музее будет работать библиотека с читальным залом. Регулярными обязательно станут выставки, отражающие текущую жизнь России и Израиля, стран СНГ, Европы и США, и прежде всего – актуальные события в жизни еврейских общин.

В рамках музея будет создано множество художественных студий и мастерских, в том числе реставрационных. Став частью большого и слаженного комплекса МЕОЦ, музей непременно будет взаимодействовать с его программами.

– Каким аспектам еврейской жизни преимущественно будет посвящен музей – историческим, религиозным, светским, бытовым, или в основном – Холокосту?

– Музей будет рассказывать обо всем, но основная идея его экспозиции такова: различными средствами вызывать у каждого посетителя чувство внутреннего сопереживания, сопричастности.

Конечно же, нам хотелось бы привлечь и заинтересовать евреев. Как это ни покажется удивительным, однако же факт налицо – сегодня чуть ли не 90 процентов из наших соотечественников-евреев и вовсе ничего не знают о еврейской культуре!

Музей рассчитан и на совершенно в этой теме «непросвещенного» посетителя. Именно экспозиция такого музея должна снять завесу пугающей тайны, с тем чтобы вызвать уважение к одной из древнейших мировых традиций и культур.

ЕВРЕИ АБХАЗИИ ВЗЫВАЮТ: «Мы будем искренне благодарны! И примем любую помощь...»

Yof i ennu i - ec no dai u, ei o i de i a o i a e ad o a i e d a. Da-ii e a a o i a A a a a e e. A a ei a i q b o «i a i i o t a i c e a o a i i e d a i i e e e e e e e e», a a a i a i e a i e a - «i a i a d a o e i o a i e». C a a i i a e e a o, o i i a a - i u o a r o n y a i a e o u e b a e d a c i u o i a o e i t a e u i i n o a e. A a d a e - a e o - e i e a

Пишу это письмо по поручению всех членов нашего сухумского общества «Шалом». Поверьте, то, что здесь написано, для всех нас исключительно важно. Мы взываем к единоверцам, соплеменникам: услышите нас!

...По переписи 1989 года нас было около двух тысяч. Через три года после переписи началась война. Или, как пишут в официальных материалах, «грузино-абхазский конфликт».

Однако те, кто помнит, те знают – это была настоящая война! Она стала трагедией не только для абхазов, но и для всей многонациональной республики.

В те страшные дни правительство Израиля направило в Сухуми три «Боинга». Они вывезли почти половину еврейской общины. Многие отправились в Израиль морем. Часть евреев оказалась в России. Остальные – в основном очень пожилые и больные – остались дома.

В конце сентября 1993 года у нас здесь наступил хрупкий мир. Он продолжается уже десять лет и в любой момент может взорваться войной. Вот и сегодня, после перемены власти в Грузии, «революции роз», в метрополии, к которой прежде относилась и наша Абхазия, настали смутные времена. И дай Б-г, чтобы хоть на этот раз новые беды миновали нас, абхазских евреев, как и всех наших собратьев по вере...

Вот в этих-то очень непростых условиях в Сухуми и возникло наше еврейское культурно-благотворительное общество «Шалом». Его девизом могут служить строки известной песни Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

В первые послевоенные годы в Абхазии, в основном в Сухуми, проживало около двухсот евреев. Сейчас остается их здесь хорошо если чуть больше половины. Где же остальные? Уехали кто куда. В основном в Израиль. Они не смогли вынести трудностей послевоенной жизни. Достаточно сказать, что пенсия за эти десять лет медленно, но верно выросла от 2 рублей 50 копеек аж до... 60 рублей! А средний возраст членов нашего общества «Шалом» приближается к 70 годам.

Кое-кому из наших стариков и пожилых женщин помогают родственники, живущие в России или в Израиле. Остальные распродают последнее, и, как говорится, крутятся кто как может.

Что касается помощи, то она до последнего времени поступала нерегулярно. И только год с небольшим назад, лишь благодаря отделению «Джойнта», мы стали ежемесячно получать определенные суммы. И это великое благо: остро нуждающиеся члены общества теперь хотя бы имеют продукты, лекарства и патронажную помощь.

Однако мы все-таки постоянно чувствуем свою оторванность от других общин, расположенных на территории бывшего СССР. Ведь все они в отличие от нас тем не менее хотя бы связаны и между собой, и с центром еврейской жизни России – Федерацией еврейских общин России, раввинатом и иными организациями, расположенными в российской столице.

И вот именно для того лишь, чтобы не

быть в отрыве от нашего народа и чтобы далее не оставаться в глухой изоляции от общин, подобных нашей, мы обсудили наше положение и решились на следующий шаг. Мы бы хотели вступить в Федерацию еврейских общин России. Тем более что все сто процентов членов нашего общества «Шалом» теперь уже имеют российское гражданство.

Правда, последнее никоим образом не отражается на возможности получения этими очень пожилыми людьми российской пенсии, поскольку для начисления ее нужна «регистрация», по-старому, говоря попросту необходима прописка. А она есть у считанного количества членов нашего общества.

Проблем же у нас действительно предостаточно. Например, синагога давно уже требует ремонта – если пока что и не капитального, то хотя бы незамедлительного, пусть и косметического. Тем более что здание сильно пострадало в годы недавней войны. А в последнее время удалось только, как говорится, немножко «залатать дыры».

В ужасном виде и наше еврейское кладбище – именно это в первую очередь и предстает взору людей, приехавших для того, чтобы помянуть своих усопших. А когда-то оно, наше кладбище, было в образцовом состоянии. Но что мы можем поделать, если и для ремонта синагоги, и для приведения в порядок кладбища у нас катастрофически нет средств?! Людям в большинстве своем не хватает даже на пропитание, не говоря уже об одежде-обувке; об обновках многие уже забыли и мечтать! Вот почему вполне возможно, что не напрасны наши надежды. Они еще теплятся! Надеемся же мы на то, что, прочтя это письмо, кто-то войдет в наше положение и окажет материальную помощь для ремонта синагоги и восстановления кладбища. Тем более что с недавних пор представилась возможность открыть счет общества «Шалом» в одном из банков Сухуми.

Мы будем искренне, от всего сердца благодарны «Лехаиму», если Ваша редакция сочтет возможным опубликовать это письмо. Поверьте, нам дорога любая забота о нас, мы примем любую помощь.

Ėáá Őáéééí,

í dááíááò áéíí ááíááò áá «Őáéíí », Nóbóí é

САУЕОІ ЕЕЕ АІДІАА А ААДАЕНЕІ Е ОЕІ ЕА

В конце октября в еврейскую школу «Ор Авнер» имени рабби Леви-Ицхока Шнеерсона в Днепропетровске пришли приглашенные ветераны войны, которые защищали этот город в 1941 году и освобождали его в 1943-м, – 60 лет назад.

Все ученики школы – с 1 по 11 класс – с цветами встретили дорогих гостей. Ветераны выступили перед учащимися, а дети в свою очередь читали своим гостям стихи, пели песни.

А потом в «Хеседе Менахем» ветераны отмечали 60-летие со дня освобождения от фашистской оккупации Днепропетровска. И на это праздничное торжество они в свою очередь пригласили своих юных друзей. Так вот, сообщая, и встречали ветераны общий праздник, – вместе с коллективом еврейской школы.

Школьники привезли ветеранам рисунки и поздравительные открытки, прочитали стихи о родном городе. А директор школы Георгий Скороход и завуч Лариса Куриленко подарили им самые знаменитые популярнейшие песни военных лет – «Землянка», «Синий платочек», «Фронтовой санбат»...

Этот день, безусловно, запомнится всем. Самим ветеранам – потому что их ценят и любят дети. Ну, а детям – потому что они знают, кому обязаны жизнью. А еще и потому что они гордятся своими дедами и прадедами.

А. Ааііааіа

ЭСТАФЕТУ ПАМЯТИ ПРИНИМАЕТ МОЛОДЕЖЬ

Аааааіі ііііа іііііео ідааіеаіа Аіаіаіаодіаіаау аааіеау іаііеіа ідіаіаео одааіііе і едеіаіаіуе аааіа, даііадаіуі і іо а аіаі аіеіі.

По сложившейся уже традиции организатором этого траурного митинга стал днепропетровский областной еврейский центр «Культура и милосердие», которым руководит Аркадий Шмист. На митинге выступили многие почетные гости, представители власти, общественных организаций и духовные лица. Среди выступавших были: главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, директор программ «Джойнт» в Восточной Украине Менахем Лепкивкер, атташе посольства Государства Израиль в Украине, директор Израильского культурного центра Ариэль Датель, председатель Совета ветеранов Савелий Басс и другие.

В траурной церемонии приняли участие не только пожилые люди, но и молодежь, в том числе учащиеся ряда еврейских учебных заведений. Среди них – воспитанники днепропетровской школы «Ор Авнер Хабат-Любавич», училища «Бет Хана» и молодежных клубов израильского культурного центра, «Сохнута» и Общинного центра, а также их сверстники из городов Кривой Рог, Мелитополь и Запорожье.

После поминальной молитвы и минуты молчания своими воспоминаниями поделились ветераны. Среди них были, к счастью, и те, кому чудом удалось спастись в те ужасные дни.

...Скорбящие люди одну за другой зажигали свечи памяти. Завершился митинг исполнением государственных гимнов Украины и Израиля.

І. хаііііааіа

І АІ І ДЕАЕ А «АДАЕНЕТЕ ААЕЕА»

Іаааі і мп іуеу і ео е і і і і уо е і а іаааі-гаіааі і ео а е і а і а іаа Еіііаіо е і і а е Аііао е і а е а і о е, аа даіе е і о а і і і е а і а а ааа Нааіаааау а а е а. Сіааі і і е і у о і і і і а і е е а і е а і у о е о і і і і: а а і о а і і і а і і а о а е і а і - е р а а е о а і і о і а е і і а е і і і і о а е е а і і е і і а а а і е е.

Среди них – более трех тысяч евреев.

Все захороненные в Сергеевской балке от рук убийц-гитлеровцев и их приспешников в период почти двухлетней оккупации Константиновки нацистами, с 29 октября 1941 года по 6 сентября 1943 года. В память о зверских расстрелах евреев многие люди до сих пор называют Сергеевскую балку «Еврейской».

...Нацисты расстреливали евреев целыми семьями, не щадя ни стариков, ни детей. Здесь же они зарывали тела пленных советских воинов, а также множества мирных граждан, расстрелянных и замученных в концлагере.

По инициативе евреев Константиновки был организован сбор средств на реконструкцию памятника погибшим в Сергеевской балке. Как не понять этого благородного

порыва многих людей – достойным образом почтить тех, кого нет с нами, безвинно погибших в пламени Катастрофы! Поистине, это – дело благое, и подобные дела – в духе наших национальных традиций. Идут годы, но память народная нетленна!

...В Сергеевскую балку прибыли члены еврейской общины, трудящиеся города и ученики школ. На митинге присутствовали гости из России – ветераны, которые освобождали Константиновку, представители администрации города и городского совета, члены руководства донецкой областной еврейской общины.

Митинг открыл председатель общины Борис Моисеевич Козлов. Он поблагодарил всех, кто внес пожертвования и оказал помощь в реконструкции памятника. О 60-й годовщине освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков рассказала член общины Бэлла Историк. Она прочитала стихотворение журналиста из Константиновки Николая Стукана о трагедии в Сергеевской балке.

На митинге выступили многие его участники. Среди них – секретарь городского совета Ю. В. Демиденко, руководитель группы ветеранов войны С.Я. Кац, член общины Б.Я. Янкелевич, журналист Н.П. Стукана, школьники, а от еврейской общины Донецка – Менахем-Мендл Голд.

Минутой молчания почтили собравшиеся память погибших. К подножию памятника были возложены цветы.

На митинге памяти прозвучали слова благодарности в адрес благотворительного фонда «Хесед Голда», еврейской общины города, которые внесли пожертвования на реконструкцию памятника. Была особо упомянута жительница города Переяслава-Хмельницкого Софья Борисовна Шнайдер: родители ее были расстреляны, и в память о них она внесла пятьсот гривен на реконструкцию памятника.

Благодарные слова были обращены также и к главному раввину Донбасса Пинхасу Вышецкому, и председателю религиозной общины иудеев Донецка Иеуде Келерману – за оказание материальной помощи на открытие памятника.

А. Бірґіа Н. Еаі

יָאִיאַ עֶסְוָאָנֶה יַעֲבֹדֵי יָא

Время становится страшным всякий раз, когда человечество забывает об опасности. И тогда к власти приходят негодяи...

Выставка «Анна Франк – урок истории» в эти дни проходит в донецкой областной еврейской общине. Выставка эта открылась спустя пятьдесят шесть лет со дня выхода в свет «Дневника Анны Франк», сразу же ставшего легендарным.

Впервые изданная на русском языке с предисловием Ильи Эренбурга в середине прошлого века, эта небольшая книжка есть, наверное, в каждом еврейском доме. Действительно, кто из нас не проливал слез, читая «Дневник Анны Франк»?

Два года в оккупированной гитлеровцами Голландии девочка-подросток Анна и ее родные с помощью немногочисленных отважных друзей скрывались от нацистов, рискуя жизнью каждую секунду. А вокруг убивали евреев...

Кажется, было не до дневника. Но она его вела. Думала, для себя. Оказалось – для истории. Только представьте себя хотя бы на минуту на месте этой девочки! Помните, как именно об этом в бессмертном своем стихотворении «Бабий Яр» Евгений Евтушенко написал:

«Мне кажется, я – это Анна Франк...»!

Сейчас вроде бы иные времена. И однако же, прошлое живо. «Холокоста не было», – говорят современные фашисты. И очень хотят, чтобы он повторился.

А мы не хотим. Эта выставка вопиет о человеческой боли и несбывшихся надеждах, о ненависти и любви. И вместе с тем она будоражит совесть. И призывает всех нас к бдительности... Она открылась вовремя, потому что не устареет никогда.

Одна из шести миллионов рассказывает...

ע. אֶרֶנְבוּרְגַּא

РАВВИН БЕРЛ ЛАЗАР за обновление экспозиции в Освенциме

*אִי תַּמְתַּרְתִּי אֲבִיבְתִּי יִצְחָקִי בְּאֵי אֶרֶץ 5 אֲבָאָדִי אֶבְרָהָם דָּאָרְט דְּרִינֶה אִיִּדֶה עֲצָרִד יִדְעִיָּה דְּבִרְתָּאֶוּ אֶבְרָהָם
בְּאֵי אֶרֶץ יִצְחָקִי יִצְחָקִי יִצְחָקִי אֶבְרָהָם דָּאָרְט דְּרִינֶה אִיִּדֶה עֲצָרִד יִדְעִיָּה דְּבִרְתָּאֶוּ אֶבְרָהָם*

На встрече обсуждались планы по обновлению российского национального раздела в мемориальном комплексе концлагеря «Аушвиц-Биркенау» в Польше.

Специалисты «Обелиск-Центра» обратились к главному раввину России Берлу Лазару с просьбой о сотрудничестве и поддержке. Директор Центра Андрей Фролов и его заместитель Елена Игнатенко рассказали главному раввину России о том, что за четверть века деятельности их организации при ее посредстве создано свыше 60 мемориальных комплексов и памятников. Кроме этого, были приведены в порядок сотни индивидуальных захоронений, созданы стационарные музейные экспозиции в мемориалах Освенцима, Штуттгофа, Дахау, Заксенхаузена, Равенсбрюка, Нойнгамме, Маутхаузена.

В мемориальном комплексе «Аушвиц-Биркенау», который ежегодно посещают свыше двух миллионов экскурсантов, представлены разделы по странам, чьи граждане были узниками Освенцима. Экспозиция «СССР» создана специалистами «Обелиск-Центра» почти два десятилетия назад в одном из лагерных блоков, где содержались в годы войны советские военнопленные. Эта экспозиция уникальна тем, что концлагерные интерьеры и архитектура были оставлены практически без изменений.

Однако сегодня эта экспозиция уже явно устарела и морально, и физически. Администрация комплекса вела речь даже о закрытии раздела «СССР». Однако по многочисленным просьбам бывших узников и представителей общественности, российское государство приняло решение профинансировать восстановительные работы.

В обновленной экспозиции смысловой акцент будет перенесен на то, что большая часть узников из СССР были евреями. Чтобы придать экспозиции эмоциональную силу и большую убедительность, рассказ об ужасах Холокоста экскурсоводы будут вести через повествование о судьбах конкретных людей.

Главный раввин России Берл Лазар одобрил проект, и выразил специалистам «Обелиск-Центра» свою всемерную поддержку.

— Тема Холокоста очень важна, — сказал раввин. — Тяжелые страдания советских евреев и всех советских людей, а также евреев Восточной Европы во время второй мировой войны ярче всего видны на примере концентрационных лагерей, особенно Освенцима. Такие музеи необходимо развивать. Холокост и вторая мировая война — страшные страницы истории, но они напоминают и о победе, и об изменении отношения к евреям во всем мире

א. לָאָזָר

ΑΑΟΕ Ί ΒΙ ΟΕΑ ΟΑΡΡΊ ΔΑ

В фойе днепропетровской синагоги «Золотая Роза» – приглушенный свет. Черные стены. Огромные фотопортреты юношей и девушек.

Тут же выставлены их рисунки, стихи, отрывки из дневников, их короткие биографии. А рядом – горящие свечи, цветы. Звучит мелодия одинокой скрипки...

Таково первое впечатление от выставки «Дети против террора». Она организована Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства, днепропетровской еврейской общиной и Еврейским агентством «Сохнут». Эта выставка посвящена памяти детей, погибших в тель-авивской дискотеке «Дольфи» 1 июня 2001 года.

На открытии выставки выступили религиозные деятели, официальные лица, общественные деятели. Среди них – главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, председатель правления религиозной еврейской общины города Григорий Король, член попечительского совета общины, член правления Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Григорий Фалькович, глава представительства «Сохнута» Илана Липкин, депутат городского совета Григорий Гельфер.

Управляющий делами общины Александр Фридикс прочитал Изкор, и в память о каждом погибшем ребенке зажгли свечи.

От имени родителей погибших детей говорила Бронислава Осадчая. Она отметила, что цель выставки – не только сохранить память о детях, но и напомнить: мы должны делать все, чтобы такое не повторилось вновь.

Л. Овчарик

ΣΑΒΑΕΑΊ ΕΑ ΑΝΑΊ ΕΒΊ ΊΑΊ ΕΊΊ ΑΔΑΝΝΑ ΔΟΝΝΕΊΒΟΨΧΊ ΊΑΊ ΑΑΔΑΕΝΟΑΑ

Мировое сообщество потрясла ужасная весть, пришедшая из столицы Турции – Стамбула.

Вслед за двумя взрывами террористов-смертников у синагог в центре города в субботу, 15 ноября, с многочисленными человеческими жертвами вновь в самых густонаселенных районах города прогремели пять взрывов. В результате их погибли десятки и ранены сотни невинных людей.

Как сообщили средства массовой информации, к взрывам причастны исламские экстремисты, и в первую очередь «Аль-Каида».

В еврейских общинах, входящих в состав нашего конгресса, с болью и гневом восприняли «турецкое 11 сентября».

От имени русскоязычных евреев всего мира мы выражаем глубокое соболезнование родным погибших в Стамбуле и говорим решительное «нет» терроризму, который избрал сегодня своей мишенью Турцию – страну, дружественную Западу и Государству Израиль.

Мы обращаемся со словами поддержки и солидарности к еврейской общине Турции и скорбим вместе с ней в связи со смертью наших братьев и сестер. Желаем скорейшего выздоровления всем раненым при взрывах.

Наш конгресс безоговорочно поддерживает турецкое правительство в его стремлении найти и наказать виновных, защитить своих граждан. Пусть как можно скорее оправится от нанесенных ран один из самых знаменитых городов мира – Стамбул.

Желаем народу Турции, страны на границе двух могучих цивилизаций, процветания, мира и спокойствия!

Ί δαυννναο αεϋ ΕΊΊ δαεΊ αοεΊΊ ΊΑΊ ΝΊαο α - ΕΝ

αΊεο ϊδ Ί εθαεε Ί αι εδϋαηεεε

Σαι ανδ εο αεϋ Ί δαυννναο αεϋ ΕΝ Αϊδου Αϊδεϊ

Σαι ανδ εο αεϋ Ί δαυννναο αεϋ ΕΝ ΑΊ εο δεε Οαυυαι αι

Εμ ϊεϊ εο αεϋ τε αεδαεο ϊδ ΕΝ αΊεο ϊδ Ααεαδεε Ίϊ αεϋϋ

РАВВИН БЕРЛ ЛАЗАР: «ОБЪЕДИНИМСЯ, ЧТОБЫ СООБЩА ПРОТИВОСТОЯТЬ ТЕРРОРУ»

Главный раввин России Берл Лазар выразил возмущение ноябрьскими терактами в стамбульских синагогах Неве-Шалом и Бейт-Исраэль.

В связи с этими бесчеловечными и антигуманными актами главный раввин России высказал соболезнования семьям погибших и раненых:

«Мы с горечью и возмущением встретили известие о варварских террористических актах в Стамбуле.

Выражаем глубокие и искренние соболезнования родным и близким погибших, скорбим вместе с ними. Всем сердцем мы вместе с главным раввином еврейской общины Турции Ицхаком Халевом, чей сын также ранен в результате терактов.

К сожалению, террористам все равно: они не только совершают преступления против мирных жителей, но и против религиозных учреждений.

Люди молились Б-гу о мире – и стали невинными жертвами новых террористических злодеяний.

Как можно бороться с этим нечеловеческим насилием?

Есть два возможных пути. Первый путь – это поднять руки и сказать, что террористы победили, и тогда руководить миром будут террор и насилие. Второй – собраться всем лидерам демократического мира, отложить в сторону все свои разногласия и принять решение, что единственный путь противостоять террористам – это объединиться против них и противостоять им сообща.

Цель развития любого общества состоит в том числе и в утверждении демократических идеалов и ценностей. Террористам нужно ясно дать понять, что с каждым совершенным терактом они все больше теряют свои позиции.

...К сожалению, в нынешнем нашем многонациональном мире тема дефицита толерантности и отсутствия терпимости не теряет актуальности. К изучению этой проблемы, к разрешению конфликтных ситуаций необходимо постоянно активно привлекать внимание всей мировой общественности и бороться с любыми проявлениями расизма.

Я надеюсь, что организаторам терактов – этих поистине чудовищных деяний – не удастся уйти от правосудия».

АЛ

РАЗГОВОР О КАБАЛЕ

Daááéí Ááéí Óòáéí çáéüü

Î'î daááééí ò ádi éí ú

Разговор о кабале стоит начать с напоминания о том, что она является неотъемлемой органической частью иудаизма. Кабала – учение, принятое всеми магистральными течениями в иудаизме, это – один из разделов Устной Торы. Поэтому предпринятые в последнее время попытки противопоставления кабалы иудаизму или отделения от него – просто некорректны.

Существует Писание (Письменная Тора, Танах), которое христиане почитают и называют «Ветхий Завет». Кроме него, есть Предание – Устная Тора, которая вся – необходимое разъяснение, расшифровка и анализ текста Торы Письменной. Обе эти части целого – синхронны и неразрывны.

Устная Тора включает в себя четыре подхода к исследованию и пониманию текста Танаха. Хотя каждый из этих подходов имеет свою систему правил и развивается в собственном направлении, они, вместе с тем, еще и неразделимы, составляя в своей совокупности гармоничное единство, дополняя и в чем-то уточняя друг друга.

Следует особо подчеркнуть, что такое деление ни в коем случае не может рассматриваться как иерархическое, отражая лишь разницу в целях и методах учебы. Это: пшат – буквальный смысл текста, ремез – намек, друш – аллегорическое толкование, и сод – скрытый, потаенный смысл. Издревле их совокупность обозначали аббревиатурой ПарДеС. Это, однако, не просто аббревиатура, но еще и слово, означающее «сад».

Всякое нарушение гармонии и целостности, будь то между Письменной и Устной Торой или между частями каждой из них, является однозначным отказом не только от традиции иудаизма, но также и попыткой разрушения его основ.

Четвертое из перечисленных выше направлений – сод – собственно, и есть то, что принято называть **кабалой**.

Надо также обязательно отметить, что в традиционном еврейском контексте у этого слова – кабала – нет «привкуса» магии, привнесенного позднейшей европейской эзотерической традицией. Оно означает, прежде всего, просто-напросто «преemptственность» и в определенном смысле может быть отнесено также и к иным частям Устной Торы.

Но все-таки **именно изучение скрытого смысла текста** и принято называть кабалой, то есть буквально – **педантичной и точной изустной передачей от учителя к ученику**.

Связано это с тем, что и после того как все иные части Устной Торы начали фиксировать письменно, знание кабалы еще долгое время продолжало оставаться за рамками этого процесса.

Кто бы ни занимался кабалой на протяжении тысячелетий устной передачи традиции – пророки, знатоки Закона, мудрецы, моралисты, – одно все же всегда оставалось неизменным: все они делали это вполне профессионально и систематически.

Уже в самом тексте Танаха упомянуты так называемые «**пророческие школы**». Их ученики исследовали то, что сегодня назвали бы эзотерическими и мистическими аспектами «слова и бытия». Со временем процесс накопления знаний в этой области привел к неизбежной структуризации материала, постепенно возникали школы и направления, формировался некий символический язык и обосновывалась терминология. В конце концов, тексты стали фиксировать письменно.

Но и после того как труды кабалистов стали записывать, эти записи предназначались прежде всего для коллег, а отнюдь не для профанов. И отчасти поэтому записи вели на особом языке, характерном собственной специфической терминологией, а также ассоциативными связями и недоговоренностями.

Понятно, что все это имело ясную цель – обеспечить надежнейшую «защиту от несанкционированного доступа», если воспользоваться современной терминологией.

По сей день именно эти трудности в изучении текстов и являются причиной основных проблем для начинающих свое знакомство с кабалой. Они ставят непреодолимый заслон перед теми, кто не знает в совершенстве иврит и арамейский и уже поэтому не «вписан» в контекст еврейской цивилизации.

Ясно, что без знания терминологии, без возможности отследить ассоциативные ряды и символику, любая попытка исследования текста кабалы обречена на неудачу.

Аади іієү Іòєдиіаіієү

Следует уточнить еще одно важное положение. Хотя, как мы уже отмечали, между четырьмя направлениями Устной Торы и нет иерархических отношений и каждое из них имеет свою сферу применения, но все же последовательность в их изучении существует. Мало того: эта последовательность должна всегда и всенепременно учитываться.

Возможно, в этом смысле лучше было бы назвать все четыре направления по-иному, к примеру – слоями. Ведь если пшат исследует буквальный смысл текста Письменной Торы, то ремез, толкуя слова Писания, уже использует результаты, полученные путем применения метода пшат. А в свою очередь, друш – действует, основываясь на знаниях, полученных с использованием методов пшат и ремез. Соответственно, сод анализирует и осмысливает сказанное в Танахе, учитывая совокупность информации, полученной с помощью всех остальных методологических подходов.

Требование как объемности, так и гармоничности в процессе получения любых знаний достаточно универсально. Специалист в любой области не может быть высококлассным, если его знания не обладают известной мерой полноты.

Так, от проктолога не требуется отменное знание физики, но в качестве врача он должен быть компетентен не только в лечении трещин и геморроя. В противном случае его «профпригодность» по меньшей мере сомнительна.

На протяжении поколений все те, кто получил известность в качестве учителей еврейского народа и мудрецов, занимались всеми областями еврейского знания, хотя зачастую их специализация и опубликованные труды относились лишь к одной из них. Если же и были «узкие специалисты» (по словам Козьмы Пруtkова, «подобные флюсу»), то они воспринимались как некие своего рода ремесленники, мастера.

Такие люди, возможно, и действительно способны решать заурядные прикладные задачи, но не в силах выйти за их рамки, да и не имеют права на это.

Именно в силу той свободы мысли и творчества, которой Тора наделила мудрецов, той ответственности, что вытекает из нее, недопустимо стирание границ между ними и подобными вышеописанным «ремесленниками», не воспринимающими Тору в ее полноте, – и уже поэтому не имеющими прав на принятие по-настоящему важных решений.

Попытки подобного «избирательного» изучения Торы, в ходе которого выделяется какая-либо определенная область и все внимание переносится только на нее, имеют двойной отрицательный эффект. С одной стороны, «узкий специалист» оказывается заложником неадекватного подхода к Торе и – что неизбежно – извращенно понимает сказанное в ней. С другой стороны, создается диспропорция, опасность которой легко осознать на ином примере из области той же медицины. Неконтролируемый рост тканей не только не развивает организм, но и убивает его. Так же точно и любая область изучения Торы, непропорционально разросшаяся в ущерб гармонии Откровения, губительна для него, подобно раковой опухоли.

Профессиональная пригодность

Еще одна – и притом не менее важная – проблема состоит в том, что от мудреца требуются не только знания и интеллект, но еще и определенные моральные качества.

Есть целый спектр занятий, пригодность к которым определяется не одними формальными **знаниями** и профессиональными навыками специалиста. Я, например, не доверюсь такому судье, врачу, учителю, о котором известно лишь то, что он очень грамотен.

По отношению к Торе однозначно и первостепенно требование: человек должен не только изучить написанное в Торе, но и жить в соответствии с ее законами.

О том, кто изучает Тору на умозрительном уровне, не претворяя ее положения в жизнь, у нас говорят: его талес (одеяние, в которое облачаются во время молитвы) подобен попоне на спине осла. Ведь Тора – это не только литературный памятник и совокупность морально-этических наставлений. Тора – это поистине Б-жественное Откровение, и она предписывает определенный образ жизни, конкретные нормы поведения.

Потому-то и предание заповедей забвению, и изъятие из Торы сферы их практической реализации – это все то же губительное разрушение ее целостности, о котором мы уже говорили.

Знарок текста Торы, не живущий по ее законам, не может быть ни мудрецом, ни учителем. Самим фактом пренебрежения заповедями он доказывает свое непонимание Торы. Именно поэтому и большая часть кабалистических текстов посвящена правильному, оптимальному пути исполнения заповедей, наполнения их смыслом и жизненной силой.

Ἰὸ οὐ ἀίεεσῶν

В многотысячелетней еврейской истории было немало религиозных групп, в той или иной степени отказывавшихся от соблюдения практических заповедей. Важно и поучительно для нас, что все до единой подобные группы прекратили свое существование, следуя неумолимой логике самоуничтожения. Они исчезли, причинив много горя всем тем, кто так или иначе был с ними связан.

Новая история «подарила» нам две такие секты, оставившие по себе недобрую память. Это – **саббатянцы** и **франкисты**. Обе эти секты попытались разорвать связь между кабалой и Законом, обе стали причиной гонений на своих собратьев, и обе ушли в небытие. Члены этих сект перестали быть евреями, не став ни христианами (даже после крещения), ни мусульманами (даже после принятия ислама).

Именно в силу органического единства Торы отказ от каких-либо ее частей или непропорциональное развитие знаний исключительно в одной из ее областей с неизбежностью приводили не только к теологическим извращениям, но и к глубокой моральной деградации людей, этим заразившихся.

Разумеется, правильные пропорции – понятие относительное. Но там, где предпочтение определенной сфере занятий приводит к забвению всего остального, – там кончается иудаизм и начинается сектантство.

Следует отметить, что на этом этапе уже совершенно неважно, был ли отец-основатель секты движим благими намерениями, или он руководствовался намерениями дурными. В конце концов, некоторые из тех, кто пришел на пляж за красивым загаром, получают в дополнение к нему еще и рак кожи – меланому.

«Ἄτο ὄδα, εἶο ἰδὸρ ἰαδῶναι Ἰ ἰεῶν ἰῶν ἰῶν ἰῶν»

Все сказанное выше о вреде диспропорции и фрагментарности в изучении и преподавании Торы нуждается в важнейшей оговорке, с которой, возможно, следовало бы начать эту статью.

Речь о том, что и Письменная, и в особенности Устная Тора, – **даны евреям**. Всевышний именно нам вручил Тору на горе Синай.

Да, безусловно, послание, содержащееся в Торе, адресовано всему человечеству. Однако все же исполнение Торы, миссия служения, со всей ответственностью и тяжестью долга – на нас!

Это, однако, нисколько не умаляет ни достоинства, ни исторической роли, ни целесообразности существования иных народов в реализации замысла Творца. Именно в силу глубокого осознания этого евреи никогда не были миссионерами. Еврейство, иудаизм, Тора – это наше национальное, семейное...

Как бы я ни был расположен к людям, как бы ни любил их, я не бегаю по улицам, хватая прохожих за рукава и предлагая им: «Станьте частью моей семьи!»

Нет сомнения и в том, что на протяжении всех поколений со дня дарования Торы народы в целом и отдельные их представители испытывали ее существенное влияние. Оно проявлялось двояко.

Так, например, всегда находились неевреи, которые решили полностью принять еврейские ценности, миссию и судьбу иудеев, стали прозелитами и растворились в народе Израиля. Другие – и их выбор не менее достоин уважения! – решили ограничиться лишь знакомством с еврейскими источниками. Они построили для себя иные мировоззренческие системы, иные религии, в которых мы находим безусловное влияние иудаизма.

Естественно, первыми приходят на ум христианство и ислам. Но история еврейского влияния на другие культуры начинается существенно раньше – еще в эллинистическом мире. В той или иной степени, это влияние испытали почти все цивилизации, даже те, которых с первого взгляда трудно в этом заподозрить.

Но перечень подарков иудаизма человечеству – таких, как монотеизм, еженедельный день отдыха, идея прогресса и Избавления и многие другие, – не включает в себя знание кабалы.

Ī i aĩ ĩ á ě ě á dñ ò ã ĩ

Даже на уровне поверхностного знакомства с иудаизмом действует все то же правило сохранения пропорций и целостности. Нельзя, подсаживая больную клетку в здоровый организм, надеяться на благоприятный исход процесса. Если болезненное, изначально неадекватное понимание места и функции кабалы в еврействе имплантируется даже на уровне поверхностного знакомства в иную культуру, последствия неминуемо будут разрушительными.

Механизм, в общем, всегда одинаков: внесение искаженного, вырванного из контекста фрагмента одной культуры в другую неизбежно причиняет вред. Иногда немедленный ущерб очевиден, иногда – проявляется через поколение, но результат отрицательный, негативный всегда предопределен.

Говоря о недобросовестной «прививке» кабалы на ствол чужой культуры, следует остановиться и на еще одном аспекте: превращении кабалы в магию. Если допустить отнюдь не всегда верное и уместное противопоставление науки и религии, то тогда место магии – рядом с наукой.

Люди склонны считать магию чем-то околорелигиозным, порой – частью религиозного сознания. Но в своей основе она куда ближе к науке.

Если попытаться упрощенно объяснить это утверждение, то наука говорит примерно следующее: при определенных условиях поместив в черный ящик А, на выходе мы получим В. Вне зависимости от намерений экспериментатора, от его порядочности и морали – исход предопределен объективными условиями и законами.

То же самое утверждает и магия: произнеси некую формулу, смешай золу очага с пеплом вороны и соком вишни – и на выходе ты получишь искомый результат. В этом контексте несущественно тотальное различие между наукой и магией: наука – дает воспроизводимую и адекватную картину, и ее методы обычно приводят к искомому результату, а магия торгует иллюзиями, и ее методики результата не дают.

В религии все – иначе: результат процесса зависит не только от манипуляций и обрядов, но и от моих личных отношений с Всевышним, от того, что я собой представляю. И если в религии Всемогущего

Творца воспринимают как автомат, если с помощью повторения неких формул или ритуалов пытаются «заставить» Его действовать по нашей воле, – тогда религия превращается в магию.

Àõ, èàé íàì õî:àòüŷ...

Магия не лишена притягательной силы. И, более того, именно она, магия, куда привлекательней религии для определенного сорта людей. Тот, кто ищет легкие решения для сложных проблем, всегда предпочтет магию, которая дает «методику чуда»: скажи то-то, сделай так-то, и из-за этого все изменится, причем немедленно.

Человек основательный, вдумчивый, желающий существенных перемен в самом себе или в мире, не может надеяться достичь результата зазубриванием и повторением магических формул. Кабала – интегральная часть иудаизма. Тот, кто пытается представить ее объективной как научную отрасль, – вольно или невольно скатывается к магии, в лучшем случае бесполезной.

Совершенно несущественно, тратит ли человек время на принесение в жертву черного петуха или повторяет вырванные из контекста слова. Впрочем, в результате подобных манипуляций и произнесенных слов он, кроме тушки петуха, имеет еще и иллюзию духовного действия. Ну и – что самое приятное – искренне верит в свое приобщение к «элитарному кругу избранных».

Трудно сказать, какое из этих заблуждений вредней. Но то, что ни одно из них не прибавляет душевного здоровья, – вполне очевидно.

Именно иллюзия приобщения к «приобщенным» и делает секты, заигрывающие с мистической «наукой о кабале», особенно привлекательными для людей, страдающих от житейских неудач и душевных недугов и кризисов. Это легко понять: ведь им так нестерпимо хочется из страдальцев и парий поскорее «перейти в высшую лигу», заучив «древо сфиройс» и звучные арамейские термины...

Магия – убежище тех, кто не в состоянии справиться с жизненными задачами, с собственными душевными проблемами, оставаясь на почве реальности.

Но не всегда речь идет исключительно о неудачниках, ибо порой и очень сильный человек в минуту кризиса хватается за соломинку магии. Кроме того, среди тех, кто идет за «озаренными», мы часто находим человеческий тип, знакомый совсем по другой сфере жизни: это – игрок.

Порой у него, проигравшегося в пух и прах, нет уже ни семьи, ни денег, но он уверен: карта ляжет как надо, барабан лотереи совершит оборот – и вот тогда-то, наконец, жизнь изменится магическим образом.

Переходя в «приобщенные», многие пересекают не только границу между реальным и иллюзорным, но и границу, отделяющую жизнь по законам от вседозволенности. Нормой для сектанта-мистика является глубокая уверенность в своей свободе от законов, заповедей, правил. Ход рассуждений у него примерно таков: законы писаны для темных масс, для них они даже необходимы, мы же, избранные, знаем прямую дорогу, духовную.

Это верно для «играющих в кабалу» в той же мере, как и для сайентологов, и прочих.

Всем, занимающимся кабалой по «новым научным методикам», следует, однако, помнить давно и широко известную истину: человек, читающий книги в жанре научной фантастики, ученым не становится.

Ó:èòüŷ, ó:èòüŷ è àìá ðàç ó:èòüŷ

Нельзя объять необъятное, поэтому остановимся лишь на еще одном вопросе, последнем из поднятых в этой статье. Вопрос этот, впрочем, кому-то может показаться и «техническим», но он касается самой сути обсуждаемого.

Насчет кабалы – неприятие однозначно: ведь все ее рассуждения построены на тонкостях и нюансах языка, вплоть до формы букв и их сочетаний. Многие, если не все, идеи кабалы в переводе просто теряют смысл.

Это может прозвучать странно: неужели для того, чтобы познакомиться всерьез, например, с русской культурой, достаточно читать переводы, а вот для знакомства с еврейством – непременно надо выучить язык?

Вот что следует возразить.

Во-первых, фундаментальное изучение любой культуры, и русской в том числе, требует знания ее языка.

Во-вторых, в отношении сакральных текстов это требование и вовсе становится категорическим. Не случайно же именно нюансы перевода порой становились поводом и для войн, и для возникновения новых религий.

В-третьих – и это, возможно, главное: для серьезного изучения еврейской традиции потребны такие интеллектуальные усилия, что изучение одного-двух языков на этом пути не составит и пяти процентов от необходимого труда.

Еврейские святыни Семипалатинска

Í î ðáí áá í á è çáñò í úí èñòí: í è è áí

Нина Крутова

Ááòíð γοίε ðááíòú íáí áðáí áí áñòá ñ - èòáòáèáí ñááðèèòú «γείνóñêþ» íí î áñòáí, ñáγçáííúí ñ èñòíðèáè ðáèèáíçííé æèçí è ñáí èíáèáòèííèíé ááðáèíèíé íáúíéú. Ñáèèò î áñò íáí ííá, òáí íá í áí áá, Ñáí èíáèáòèííè - ááèíñòááííúé áðáí á Èáçáñòáí á, ááá ñ òðáí èèáñíí ááðáèíéáγ ñèí áá áá ñòáðèííè è íñòðíéèè. Ýòíáá áñòáòí: íí, -òíáú ñááèáòú áá áñòíéíúí áí èí áí èγ è èç: áí èγ. Íí òíáò í óáèáñòáèγ í ú ñòáííáèí ñγ á òðáò í óí èòáá. Èáæáúé èç í èð - í òááèíí áγ ñòðáí èòá èñòíðèè èáçáñòáííèíá ááðáèíòáá

Рядом с еврейскими поселениями всегда находились кладбища, принадлежавшие общинам. В Казахстане таких погостов остались единицы. Кто знает, сколько их исчезло... Ведь процесс идет и сегодня, на наших глазах. Подтверждение тому – старое еврейское кладбище в Семипалатинске, что на окраине города, неподалеку от кинотеатра «Мир».

Местные исследователи «еврейской темы» часто задаются вопросом: с какого времени обосновались евреи на территории нынешнего Казахстана?

Пока бесспорен лишь тот факт, что в нашем степном крае они появились не позднее второй половины XIX века. Наличие еврейских кладбищ – одно из важных доказательств этого. Благодаря сохранившимся мацейвам – еврейским надгробьям, где на камне выбиты даты рождения и смерти, мы можем почти точно определить время проживания человека в городе. Большим подспорьем в сборе информации о еврейском кладбище Семипалатинска оказалась для нас старая кладбищенская книга, где сведения о первых захоронениях помечены 1892 годом. Сегодня это документальное свидетельство бережно хранится у жительницы Семипалатинска Анны Лазаревны Миндлиной. Досталась книга ей по наследству от деда, семипалатинского раввина Рувима Зосимовича Мостинского. Во время «экскурсии» мы еще не раз встретимся с этим человеком.

Следуя по маршруту дальше, попадаем на улицу Бейсеитова, бывшую Белинского. До 1938 года она называлась Дальней. Нас интересует здание под номером 51. Именно здесь, в эпоху, когда улица еще именовалась Дальней, находился первый еврейский молитвенный дом. Этими сведениями поделились с нами члены семипалатинской еврейской общины. А названный выше Р.З. Мостинский, по воспоминаниям его внуки «...жил где-то рядом с синагогой». Примерно с 40-х годов XX века в этом доме располагался туберкулезный диспансер; сейчас – банк. Нынешние владельцы здания подтвердили, что некогда в нем был молитвенный дом. При реконструкции из уважения к культовой постройке они постарались почти полностью восстановить ее первоначальный вид. С их слов мы знаем, что в здании была ниша для Арон Койдеша и лестница, которая вела на балкон для молящихся женщин. Сегодня здание представляет собой кирпичную постройку в два этажа с полукруглым выступом апсиды. Единственное, что смущает – его голубой купол. Деталь для синагоги не типичная. Хотя примеры того, что синагоги бывали и с куполами, есть. («Новая Бродская синагога ...По углам здания возвышаются над главным карнизом четыре каменных барабана с куполами»^[1].) Возможно, на архитекторов повлияло, что Семипалатинская синагога строилась в тех местах, где преобладали мусульманские мечети.

Еще одно косвенное подтверждение, что уже в конце XIX века в городе был еврейский молитвенный дом, содержится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (том 57). Там сказано, что в 1895 году в Семипалатинской области на учете было 343 еврея и 248 из них проживали в областном центре. Кроме того, в Семипалатинске работала еврейская школа, где обучались 7 мальчиков. Еврейские школы обычно находились при синагогах, и это лишнее свидетельство того, что наши семипалатинские информаторы, скорее всего, правы. К сожалению, в музеях и архиве города пока не удалось найти официального подтверждения этой версии. Говоря о факте существования еврейского молитвенного дома в Семипалатинске в конце XIX века, мы опираемся лишь на устные источники.

Остановимся теперь на углу улиц Ибраева и Казбагарова (последняя называлась Локтевской [1878-1924], а затем Октябрьской [до 1997 года]). Остановимся прямо перед зданием № 16. Именно здесь, судя по всему, находилась вторая семипалатинская синагога.

Перед нами двухъярусное здание красного кирпича с четырехскатной металлической кровлей. Все фасады украшены плоскими пилястрами, которые завершаются декоративными башенками разных размеров. Карниз декорирован кирпичным рисунком. Цоколь и ярусы отделены друг от друга тягами. С западной стороны расположен центральный вход. Входная дверь деревянная, двустворчатая, резная. Над дверями декоративные фигурные проемы. Окна в два яруса: нижние – более крупного размера с небольшой дугой в верхней части; верхние повторяют форму нижних, но они значительно меньше. С востока к зданию примыкает полукруглая апсида с арочными окнами.

В отличие от предыдущей синагоги, что на улице Бейсеитова 51, информация об этом молитвенном доме весьма обширна и подтверждена многочисленными документами. Основная работа при сборе их происходила в уникальном хранилище Восточно-Казахстанской области – Центре документации по новейшей истории (ЦДНИ) Семипалатинска.

В царской России нельзя было сооружать синагогу рядом с православным храмом. Поэтому место на Локтевской улице было выбрано не случайно. С давних пор в этом районе города, именовавшемся среди горожан «еврейским рядом», селилась основная масса еврейского населения.

В фондах историко-краеведческого музея Семипалатинска сохранились подшивки газеты «Семипалатинские областные ведомости»; на пожелтевшей странице одного номера напечатана телеграмма вице-губернатора, отправленная по случаю открытия синагоги самому императору.

Èëàààèÿ: Àíííáàð Þ Èí í àäàò íäð
Ñàí èí àëàò èí ñéíà àäðàéíéíà í àóíàíò àí, íííÿ ò è á àí í àí àííò äí àí í ò Þ ñéíà ñ à ñ.. Íò èëò à
í àóíàíò àí àííí í àáàí í àëò à í í àäðàò è ííÿ ù àí í ùí ñò í í àí í àí àë àí í àí
Í í àäðà... ÷ ò àíò à à... è Þ à à è, í äèçí àò àëíí ííò è è í àí í èí è à à èí í è í ò à à í í íò è.
Í í àí èíí ç à Áóáàäí àò íäð
Áëò à àíáàäí àò íäð Ñààðè í àë ÷.

И что немаловажно – в Семипалатинск пришел ответ, подтверждающий, что сообщение дошло до адресата.

ÒÀÈÁÁÀÐÀÌ Í À
Í èí èíò äà Èí í àäàò íäð í àí àí äà àäò à Òäààäè èíí í à èí ÿ ç à Ñàí èí àëàò èí ñéíà
Áóáàäí àò íäð Áëò à àíáàäí àò íäð Ñààðè í àë ÷ à, í ííè àí í àÿ 17 íúí òÿ àäÿ 1913 ñ à à
Àíííáàäí Èí í àäàò íäð... ííèç àí è è è àë à àäè ò ù Ñàí èí àëàò èí ñéíà àäðàéíéíà Í àóíàíò àí ç à
àí ç í àí í ù à í í èë ò àí è àí äà àë àí í ù à à Áàò à è ò àë à à àí í à ÷ ò àíò à à

Í èí èíò ä Èí í àäàò íäð í àí àí äà àäò à Òäààäè èíí

Итак, синагога построена, заветная мечта семипалатинских евреев осуществилась. Теперь было куда прийти на субботнюю молитву, где совершить над младенцем обряд «брис-мила» (обрезание), причем по всем законам, предписанным Торой, а позже, когда мальчик достигнет 13 лет, совершить обряд «бар-мицва» (совершеннолетие). Но самое главное – в трудную минуту тут можно было посоветоваться с раввином.

Известно, что в 1914 году раввином в синагоге служил Кива Ицкович Рабинович. Этот факт официально засвидетельствован в «Памятной книжке по Семипалатинской области» за 1914 год, где в главе «Ведомство Иностранных вероисповеданий» названный выше К.И. Рабинович значится раввином при еврейском молитвенном доме г. Семипалатинска. Сведения об этом человеке можно обнаружить в статье М.В. Жилкина и Т.В. Жилкиной, опубликованной в сборнике «Из истории евреев в Казахстане». Опираясь на данные Центрального государственного архива республики, авторы статьи сообщают ценную для нас информацию.

«Èë à à Èò èí à è ÷ Ðà à èí í à è ÷ äí à è éíÿ 11 íúí òÿ àäÿ 1870 ñ à à Èò à à èí éí à
àäð èíí í àáà à èÿ. Íò Èíí ù ò àò àëíí í à Èíí è ò à ò à í äè Í äà í à ò ä à èíí ò ÷ à àí í í è ä ù à
èí í í è ò ÷ àí í íí è à àò àëííò àí íò 19 ííÿ àäÿ 1888 ñ à à ç à¹ 44 í à ç à àí è á àí ò à è à ò äè éí à

ó-áíéèà Ñ 1888 -1892 áá ðááíòæ á Îðáíáóðáíéíé áíéúííé áíòæá íðíáèçíðá ðíçáíááðá. Í íéó-éé ñéááòæúííòáí íò Èí íáðáíðíéíá Èáçáííéíá óíéááðíéòáòá íò 30 ì áðòá 1892 ááá çà ¹ 826 íá çááíéá áíòæáðíéíá ííí íúíéèá. Á 1893 ááó áðáí áí íí óí ðááéýé ñéúííéíé áíòæíé á Îðáíáóðáíéíí óáçá, á òæéæá ðááíòæé á Õíí íéíé áíòæá Îðééçá íáúáíðáíííá íðéçðáíéý. Á 1894-1898 áá ðááíòæé á ðéðéííéíé áíéúííé áíòæá Á.Í. Õðáíéáý.

Óéáçí Îðááéòæúííòáçðááá Ñáíáòá íò 16 ýíááðý 1897 ááá áí ó íðéíáí í íí-áòííá áðáæááííðáí, á-áí áúááí íéááòæúííòáí íò 4 óááðáéý 1897 ááá çà ¹ 448.

Á 1901-1914 áá ðááíòæé á ñú éíáéáòéííéíé ííðí áéúííé áíòæá íðíáèçíðá Õáíéðí. Ñ ááéááðý 1914 ááá çá-éíéáí á òáò Ñáíéíáéáòéííéíé áíòæé òíááðéúáíðáá "Î ááéòéíá" áíòæáðíéíá ííí íúíéèá. Áçðí á, áá íðíðááíòæé áí éðíý 1915 ááá.

Из сказанного, можно сделать вывод, что К.И. Рабинович выполнял не только обязанности раввина, но и медика-фармацевта. Сведения о нем заканчиваются 1915 годом. Как сложилась его дальнейшая судьба и до какого времени он был раввином Семипалатинской синагоги, пока неизвестно.

История второй семипалатинской синагоги во времена советской власти типична практически для всех культовых построек, будь то православный храм, мусульманская мечеть или еврейская синагога. У всех была одна участь, один приговор – уничтожить! Но просто так, без объяснений, а главное – без принятия соответствующих постановлений, ликвидировать «оружие капитализма» пролетарское «справедливое» государство не могло. Уже через три месяца после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, 23 января 1918 года, Совет народных комиссаров РСФСР принимает Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. В декабре 1921 года издается Постановление ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях». В сентябре 1923 года – Постановление СНК «О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера».

В начале 20-х годов началась перерегистрация приходов всех конфессий. Процесс регламентировался рядом административных декретов, указов, положений, некоторые из которых перечислены выше.

Еврейская община Семипалатинска первый раз прошла эту процедуру в 1921 году. А в апреле 1922 года из синагоги были изъяты три серебряных кольца со священных свитков Торы общим весом в пять золотников. Очевидно, это была деталь «короны», которой украшаются свитки Торы. По традиции при изготовлении «коронь» используются драгоценные металлы. Вынос ценностей из культовых учреждений стал лишь началом мощной антирелигиозной кампании, которую контролировал сам В.И. Ленин. Под лозунгом помощи голодающим Поволжья в 1921 году в стране Советов повсеместно была проведена одна из ширококомасштабных акций большевиков по изъятию церковных ценностей. Изымали, однако, не только материальные ценности – «изымали» также представителей духовенства.

«...Îðááíðé ñéðáíðáá ðáóáíéá ñúçáá í òíí, ÷òí éçýðéá óáíííðáé... áíéáíí áúòíí íðéçáááíí ñ ááííúááííé ðáéòæúíííðáçð... çáí áíéúóáá ÷éíéí íðááíðáéòæáé ðáéòéíííé áóðéóáçé è ðáéòéíííá áóðááííðáá óááíðý íáí íí ýòíí óííááó ðáííðáéýòú óáí éó-óá^[2].

После реквизиции церковного имущества наступило относительное спокойствие (до конца 20-х годов). Однако затишье было лишь внешним, по сути оно напоминало «холодную войну». Городские власти не прекращали попыток найти любую причину для закрытия религиозного объекта. Это с одной стороны. Небольшая группа верующих, с другой, сопротивлялась как могла, но понимала, что придется идти на любые условия. Противостояние не прекращалось, но даже в этот период силовая ликвидация действовавших культовых учреждений все-таки была недопустима. Процесс ликвидации проходил строго по закону; основополагающим документом считалось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», подписанное председателем ВЦИК М.И. Калининым. Оно стало своеобразным практическим руководством к действию в деле уничтожения культовых учреждений. Суть документа читатель может представить себе по некоторым выдержкам.

...3. Δαεεαεϊϋίϋά ίαυαηόαί αηούι αηόίϋά ίαυαεεί αί εά ααδφύεό αηαεαί...ά είεε:αηόαί ίά ί αί αί 20 εέο...

12. Ί αυεά ηαδαί εϋ... ααδφύεό ί δτεηόταϋό η δαϋλααί εϋ...ά αηδραηεέο ί ηηεαί εϋό- αηί εί εηόδαόεαί ϋά ίόαεε

40. Ί δε εεεαεαόεε ί ίεεόααί ί ϋά ϋαί εϋ εεεούδαί εί ούαηόαί δαηι δααεϋαόηϋ ηεαδφύεί ίαδαϋί :

α) αηί ί δαηί αόύ εϋίεαόείϋ, ϋείϋόα, ηαηαδα ε ίαδ:ε, ά οαεεά αδαηόαί ίϋά εαί ίε ί ίαεεαεό ϋα:εηεαί εϋ ά αηηααηόααί ίϋε δίίά

α) αηί ί δαηί αόύ εηόδε:αηεεε οαί ίηόε ίαδααϋόηϋ ί δαηί αί ίαδραί ϋά εηί εηηαδεαόα ί δηηααυαί εϋ...

α) ίαδαηί αί εί ούαηόαί (ί αηεί, αείϋ, αδραί, οαεϋ...) ά ηεο:αα ηόδαί αί εϋ ίαυαηόαα ί ηηεά εεεαεαόεε ί ίεεόααί ί ϋά ϋαί εϋ εϋϋόεϋ ίά ί ίαεεαεό.

Κ ρυководству Семипалатинска это Постановление пришло в положенный срок, и машина разрушения заработала. Претворение в жизнь Постановления ВЦИК началось с очередной перерегистрации. В июле 1930 года еврейская община Семипалатинска прошла положенную процедуру и предоставила городским властям необходимые документы. Центр документации сохранил материалы, содержащие переписку еврейской религиозной общины Семипалатинска и исполкома городского Совета депутатов трудящихся за 1930–1932 гг. Благодаря скрупулезной точности советских чиновников мы можем сегодня представить, как все это происходило.

Όι δι ά 1
ϋαϋαεαί εα ί δαεηόδαόεε δαεεαεϊϋίϋά
ίαυαηόαα εεε αηί ίϋ ααδφύεό

ϋαδαεηόδεδραί ί ά Ααί. ίόαεεά 11/VI-1930 ά
ίτα 1 46 ϋαά ΕΊΊ: ίηαίεηϋ..

Α ηαί ίεδ αηί. ίόαεε

ϋαϋαεαί εα

Αεϋ ηαί αηόίϋά οαίεαόαηδαίεϋ δαεεαεϊϋίϋό ίηόδαίηόαε ίϋ, αηαεαία, ά :εηεά 60 :αείαε, ίδείαεεαυεεά ε ααδραηεεε ίαυεεία, δαεεεε ίαδαϋαόού ά α ηαί είεαόείηεα ααδραηεεφ ααδφύεφ ίαυεεία

Δαείί αϋϋοαεϋίηόε ίαυαεείαίεϋ αηαό δαηι δηηόδαίϋούϋϋ ίά α ηαί είεαόείηε.

Α ηηόααηόαεε η ίηόαίηαεείαί ΑΟΕΕ ε ηΙΕ ΔΝΟΝΔ ίό 8 αίδαϋϋ 1929 ααά «Ί δαεεαεϊϋίϋό ίαυαεείαίεϋ» ε εηηόδαεεεε ΓΕΑΑ ίό 1 ίεόϋαϋϋ 1929 ααά ϋα 1 328 «Ί ίδααό ε ίαϋϋαίηηόϋδ δαεεαεϊϋίϋό ίαυαεείαίεε» ίδηηε ϋαδαεηόδεδραόού ηαί είεαόείηεφ ααδραηεεφ ααδφύεφ ίαυεείόίηά ίαϋαίεαί «Ααδραηεαϋ ίαυεεία».

Ί δεείεαίεα ηεηε ο:δαεεόαεεε ίί οηόαίηαεαί ίηε οίδη ά
Ί ηαίεηε αηό ο:δαεεόαεεε.

5 εϋίϋ 1930 ααά

ηόαδηηόά ίαυεείϋ Ε. Είεαηεεεία

Итак, перелистаем архивные страницы более чем 70-летней давности.

Приложение сохранилось; в нем перечислены 60 членов еврейской общины и указаны подробные сведения о них.

ηίεηε αηαεαί

ηαί είεαόείηεε Ααδραηεεε ίαυεείϋ

1. Οααδεεαί ό Εηαε Ααεεαίηε:, 65 εαό, ηηεααόηεαϋ, 100
  2. Ααεη Εηαε Αίεϋόηαε:, 48 εαό, εϋαίϋ:εε, Ααεϋϋϋϋ, 19
  3. Αεοοηαηεεε ϋ.η., 74 ααά, είαεεεά, Αίεϋϋε:ίαϋ, 101
  4. ϋαεαίαδ Δ.η., 85 εαό, αηί /οίϋ, Αίεϋϋε:ίαϋ, 101
  5. Ί.Α. Εεααηί αί, 70 εαό, ηεοεαυεεε, Αίηηεόαεϋϋαϋ, 15
  6. Είόίε ϋ.β., 29 εαό, όίδραεϋ, Ί ί:οαί ηεαϋ, 41
- (.....αηαί 60 οαί εεεε).

Благодаря этому уникальному документу мы получили ценную информацию о евреях Семипалатинска. Узнали фамилии, имена, отчества, места службы, занимаемые должности или род деятельности; выяснили, выполнялись ли культовые обязанности по найму или по назначению; установили размер получаемого вознаграждения; наличие (или отсутствие) судимости; районы деятельности; подробные адреса... Сегодня мы знаем, что община Семипалатинска состояла в основном из рабочих, кустарей-одиночек, извозчиков, домашних хозяек, сапожников, плотников и служащих. Был в общине свой молодой фотограф (Д.И. Солодухо) и мастер шляпных дел, или «шапочник», как он сам себя называл, Моисей Шлосберг. Возраст членов общины колебался от 22 до 85 лет. Самой старшей была 85-летняя Раиса Савельевна Зеленер.

Заявление о регистрации еврейской общины подписано старостой – Кушелем Колесниковым, который в приведенном списке значится последним, под № 60. О нем сведений очень мало, известно лишь, что занимался торговлей. Очевидно, давление властей сыграло свою роль, возможно, какие-либо другие причины заставили К. Колесникова через год после регистрации общины добровольно отказаться от должности старосты. Это подтверждает его личное заявление в административный отдел Семипалатинска.

*Ναι ει'αεαοει'ηεε Ααι . Ιο'αε
Ι'δε'ι'ου'ε'η'α'α'ε'ρ*

Ε'τε'α'η'ε'ε'ι'α' Ε'ο'α'ε'υ' , ι'δ'ι'α'ε'α'α'ρ'υ'α'α' ι'ι' Α'α'ε'υ'ι'α'ε' ο'ε' . α' 1 25

Çayaei ea

*Β α Ναι ει'αεαοει'ηεε Α'α'α'ε'η'ε'ε' Β'ε'ε'α'ε'ι'ç'ι'ε' Γ'α'υ'ε'ι'α' α' Ν'ε'ι'α'α'α'α' -ο'ι' ι'ι' Ε'τε'ο'α'α'η'ε'ε' ο'ε' ,
η'η'ο'ι'ρ' α'ι'α'ι'δ'ι'υ'ι' η'ο'α'δ'η'ο'ι'ε' . Γ'υ'ι'α' ι'ο' ι'α'γ'ç'α'ι'ι'η'ο'α'ε' γ'ο'ε'ο' υ' ι'ο'ε'α'ç'ι'α'α'ρ'η'ι'ι' ε' ι'δ'ι'ο'ο' Α'αι' ι'ο'α'ε'ε' ι' α'ι'υ' ε'ç
η'ι'ε'η'ε'τ'α'ε'η'ε'ε'ρ' -ε'ο'υ'*

27 ε'ρ'ε'υ' 1931 α'

Ε'τε'α'η'ε'ε'ι'α' , ç'α' ι' α'ι'υ' ι'ι' ε'ε' -ι'ε' ι'δ'η'η'α'α' δ'α'η'ι'ε'η'ε'υ' (ι'ι'α'ι'ε'η'η')

Не так просто верующему человеку, а тем более иудею, жилось в советском атеистическом государстве. Можно было принять очередное «постановление», закрыть храм, синагогу, мечеть; сжечь книги и иконы, а священника расстрелять. Все это, к сожалению и великому нашему стыду, имело место. Но что было поделаться с человеческим сознанием, душой, которые невозможно «отменить» и сжечь?.. Человек, веривший в помощь и силу Всевышнего в течение всей своей жизни, не мог в одночасье отказаться от веры и страдал безмерно.

В апреле 1932 года общине Семипалатинска вновь было предложено пройти, уже в третий раз, перерегистрацию и указать все происшедшие там изменения.

*Ι'δε'ο'ι'α'η'ε'ι' ο'η'α'α'ο'ο'
Ναι ει'αεαοει'ηεε
α'α'α'ε'η'ε'ε' Γ'α'υ'ε'ι'υ' α'α'δ'η'ρ'υ'ε'ο' :*

*Α'η'ε'α'η'ο'α'ε'α' ι'δ'ε'η'η'α'γ'υ'ε'ο' ε'ç'ι' α'ι'α'ι'ε'ε'... η' ι'ι' α'ι'ο'α' ι'η'η'ε'α'ι'α'ε' δ'α'ε'η'ο'δ'α'ο'ε'ε' (ε'ρ'ι'υ' 1930 α'
ι'δ'α'ε'α'η'α'ο'η'η' α' 3-ο' α'ι'α'ι'υ'ε' η'δ'ε'...ι'δ'α'η'η'ο'α'α'ε'ο'υ' η'ε'η'η'ε' α'η'α'ο' η'ε'υ'ε'ε'ο'α'ε'α'ε' ε'ο'ε'υ'ο'α' , α' ο'α'ε'α'α' α'υ'ι'α'ο'ε'ο'... η'
ο'ε'α'ç'ι'ε'α'ι' , ε'ο'υ'α' α'ι'α'ι'ε'ε' .*

*Α'αι' ι'δ'α'ε'α'η'α'ο'η'η' ι'α'ι' α'α'ε'α'ι'ι' ç'α'ε'ε'ρ' -ε'ο'υ' α'η'α'α'η'ο' ι'α' ι'ι'ε'υ'ç'ι'α'α'ι'ε'α' ι'ε'ε'ο'α'α'ι'υ'ι' ç'α'ι'ε'α'ι' ε'
ε'ο'ε'υ'ο'ι'α'η'ι' ε'ι' ο'υ'α'η'ο'α'ι' , α' ι'δ'ι'ο'ε'α'ι'ι' η'ε'ο' -α'α' ι'ι' ε'η'ο'α' -α'ι'ε'ε' η'αι' ε'α'ι'α'α'ι'α' η'η'ε'α' Α'ι'δ'η'α'α'ο' α'η'ι'ο'ε'α'α'ι'
ι'δ'ε'ι' α'ι'ε'ο'υ'ι' . 33 ε' 34 ο'ε'α'ç'ι'ι'α'α' ι'η'η'ο'α'ι' Γ'α'ε'α'ι'ε'υ' Α'Ο'Ε'Ε' ε' Ν'Ι' Ε' Δ'Ν'Ο'Ν'Δ' ε'α'ε' ç'α' ι'ο'ε'α'ç' ι'ο' ι'δ'ε'α'ι' α' ç'α'ι'ε'υ'...*

*Γ'ο'α'α'ο' η'η'ε'δ'α'ο'α'ο'η'η' /ι'ι'α'ι'ε'η'η'
Ε'ι'η'ο'δ'ε'ο'ι'δ' : /ι'ι'α'ι'ε'η'η'.*

Очевидно, третья регистрация не состоялась. Это можно заключить по более поздним документам.

*Α'Ε'Ο'
Ε'ρ'ι'υ' , 28 α'ι'υ' , 1932 α'*

*Β , ι'δ'α'η'η'ο'α'α'ε'ο'α'ε'υ' Ν'αι' α'η'δ'ι' ε'ε'ε'ο'ε'ε' 1-α'η' ι'ο'α' 5-α'η' ο' -α'η'ο'ε'α' α' ι'δ'ε'η'η'ο'η'ο'α'ε'ε' ι'η'η'υ'ο'ο'δ' ε' ι'δ'ε'ο'ι'α'ε'α'ι'
Ν'η'α'α'ο'α' α'α'α'ε'η'ε'ε' Γ'α'υ'ε'ι'υ' η'ε'ι'α'α'α'ε' η'η'ο'α'α'ε'ε'ε' ι'α'η'ο'ι'γ'υ'ε'ε' α'ε'ο' α' ι'ε'α'ε'α'η'ε'α'α'ρ'η'α'ι' : ...η'η'ο'α'α'α' ε'ο'ε'υ'ο'α'
η'ε'υ'ε'ε'ο'α'ε'α'ε' ι'α' ε'ι' α'α'ο'η'η' , α' ο'α'ε'α'α' ι'α' ε'ç'α'δ'α'ι' ι'δ'ε'ο'ι'α'η'ε'ε' Ν'η'α'α'ο' ε' δ'α'α'ε'η'ι' ε'η'η'ε'υ' , ε'ι'α'α'ι' ο'α'δ'η'ι'ι'ε'η'α'ι' ε'*

Daqdaoaí eá iò 4 VII/1932 á

Í ańońyúaa aúaaíí Nái eí aeaòeí nēte Áadaeńēte íauēia á ońi, ÷oí ae daqdaoaòńy m qúá íauāā madaí eý i deoí aai 6 epeý n ā á 6 -ańā ā-āā ā íi aúāeē Áadaeńēte nēiaāāe íi Íeoyadunēte óe. ā ¹ 36 nī íānōeíe aiy:

Í aúāda em íēi eoaēu íā eíi eoaòā ē daatēpōēíííe eíi emēe ē oaeóueā āāēā

**Í o aaońēe daò ađi ā dń āāò ā: /í íāi eńi/
Í DAI: /í íāi eńi/**

В августе 1932 года Горсовет ходатайствует перед президиумом Восточно-Казахстанского облисполкома о закрытии синагоги. Как ни странно, просьба Горсовета с первого раза не была удовлетворена. Председателю комиссии по религиозным делам было предложено заново проверить обоснованность материалов.

Через месяц, в сентябре 1932 года, Горсовет опять ходатайствует о закрытии синагоги и использовании ее для культурно-просветительных нужд, а именно «...считать целесообразным использовать здание синагоги под библиотеку».

2 октября 1932 года подписывается очередной «акт», гласящий: «...На основании Постановления Президиума Семгорсовета опечатать молитвенный дом по ул. Октябрьской, 36...»

В октябре отмечается традиционный еврейский праздник Йом Кипур. Единственный раз в году евреи в этот день молятся пять раз. В Горсовет Семипалатинска от общины верующих поступило заявление – опять-таки «просительного» характера. (Орфография сохранена.)

Ái dń āāò

Á. Nái eí aeaòeí nēā

Çayāeai eā

Í ū íeaeā íānāńy Nōaòeē ā Nái eí aeaòeí nēā í dńēi Ái dń āāò daqdaoeòu ā íānōńyúai nāā 10-ā íeoyadý madaońy ā eúēi íeāā íi aúāia ā yōi āāí íi íeēońy oae eae ā í ūń yōi aei āāí ā āāo āí eōíe í nō ā -āi i. Í m ēnēāi

Dāeí qúnēíā Í mōeí nēēē Áāāi çāēi āi íā Eāçí ađ

В ноябре 1932 года подписано еще два судьбоносных для семипалатинской синагоги документа. Первый, от 3 ноября 1932 г., гласит: «Учитывая, что помещение, арендуемое еврейской общиной в количестве 29 человек, является бесхозяйственным... и до сего времени не производился ремонт здания, что еврейская синагога в силу своей малочисленности не может использовать огромных помещений... постановление Горсовета в части изъятия ценностей утвердить».

Второй документ датирован 20 ноября 1932 года В нем говорится: «...Для ликвидации еврейской синагоги создать комиссию... Предложить комиссии немедленно приступить к распределению культового имущества и ценностей синагоги. Поручить комиссии... провести сдачу здания синагоги... городской центральной библиотеке».

Не прошло и десяти дней, как объединенная комиссия Горсовета, Горфо, милиции, Гороно и библиотеки описала все имущество синагоги. Благодаря этому очередному акту мы сегодня знаем, что на момент сдачи здания городским властям в нем находилось следующее имущество:

«1. Шкаф (ковчег), выкрашенный в белую краску, резной, имеющий в себе 16 электрических лампочек. 2. Семисвечник медный, большого размера. 3. Парчовый занавес желтый. 4. Две деревянные тумбы выкрашенные (коричневые). 5. Возвышения с чугунными решетками. 6. Шесть люстр медных, покрытых мельхиором. 7. Четыре подсвечника в 20 гнезд для свечей, бронзовые. 8. Два подсвечника бронзовые с шестью гнездами. 9. 14 скамеек деревянных с сиденьями на 88 мест. 10. Стол простой. 11. Аналой...»

Всего 29 наименований. Сдал: представитель от верующих Мостинский Р.З.»

В последующие 1935–1936 годы Горсовет принимает ряд решений о предоставлении бывшего здания синагоги под дом физкультуры, городской клуб и прочие культурно-просветительные учреждения. В итоге у здания появляется пристройка, и на долгие годы в нем располагается детская спортивная школа. В конце 90-х годов прошлого столетия здесь обосновался спортивный комплекс «Батыр».

^[1] *È. Èíòéáä. Î-áðéé ïí èíòíðéé ááðáá Î ááíí. Èáðíáééí, 1996 á, ñò ä. 50*

^[2] *Ááðáé Èðíí à Î-áðéé èíòíðéé. Èçä «Î ïíòó». Ñéí óáðíííéü-Èáðíáééí, 1997-5757 á ñò ä. 61.*

ГОЛОС ВЕЧНОСТИ

Ááí ääéò Nàdí íá

Комплиментарная формула Ахматовой, назвавшей Эренбурга «зорким бытописателем, строгим мыслителем и всегда поэтом», при всей своей взвешенности нуждается в некоторых уточнениях и даже оговорках.

Да, было время, когда он действительно был «зорким бытописателем». Он был им не только в том, поразившем меня когда-то рассказе про «товарища Валентина», но и в ранних своих романах – «Жизнь и гибель Николая Курбова», «Рвач», «В проточном переулке», «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». Даже в «Дне втором». Но об Эренбурге «Падения Парижа» и «Бури» этого уже не скажешь. Даже от знаменитой его «Оттепели» осталось только блистательное ее название.

И «строгим мыслителем» Эренбург был не только в романе «Хулио Хуренито», который во всех разговорах на эту тему он неизменно называл лучшей своей книгой, но и в эссеистике, собранной в книгах «Белый уголь или слезы Вертера» и «Виза времени».

Ááñééé Ádíññ áí: «Á ññí ùùáññò éáò ì íáéíí áú ì íáóí àòú ì íáéóáéá ì íñáññáíé...»

А вот в поздней своей публицистике и даже в мемуарах никаким мыслителем – ни строгим, ни даже нестрогим – он, увы, уже не был.

Вот мнение одного – правда, нерядового – читателя: короткая выдержка из письма Василия Семеновича Гроссмана Семену Израилевичу Липкину, с которым тот в письмах из Армении постоянно обменивался своими впечатлениями о прочитанном.

«Читал ли ты Эренбурга в № 1 “Нового мира”? Читается с интересом, но в 70 лет можно бы подумать поглубже, посерьезней. Зато Мафусаилова мудрость в понимании того, что лезя, а чего нельзя» (С. Липкин. Жизнь и судьба Василия Гроссмана).

Увы, это так.

Но вся штука в том, что Эренбург не стал (вернее, перестал) быть мыслителем не потому, что у него недостало для этого ума, пронизательности, мудрости даже (всего этого у него было в избытке), а потому, что он САМ ОТКАЗАЛСЯ от этой – наиважнейшей – прерогативы настоящего художника:

Áíáóí àòú íá ääé, íáíðäé, ì íëþ, ÿò íò áñéíñ

× ò í á í áí ÿ ò ú ð á ññ á é á ññ ÿ ÷ ò í á ò á ò í ñ é á ð á ñ é í é í é á ññ

× ò í á é þ á é ò ó ò é é é, ÷ ò í á á í é ù ó á ò ó ò í é é ò ú í á

× ò í á, á ññ ì ì í é á á ñ é í ÷ é ò ú ñ ñ ÿ í á í ð á à ò ú í í á á í á ó í à ò ú..

Эти строки я однажды уже цитировал. Но сейчас настало время вернуться к ним снова, чтобы чуть пристальнее взглянуться в ситуацию, которую они отразили.

Ситуация эта в высшей степени парадоксальная, и глубокий драматизм ее, вызывающий самое искреннее наше сочувствие автору, этой парадоксальности не снимает.

Во все времена миссия художника, главный смысл его существования состояли в том, чтобы дойти до последнего в своих размышлениях о том, что его мучает, терзает. Поэтом, художником, говорил Блок, движет «одна длинная фанатическая мысль». И цель всей его деятельности в конечном счете состоит в

том, чтобы додумать эту мысль до конца. С предельной ясностью выразил это жизнеощущение Борис Пастернак:

Àí àíà ì íá òí: àòíü àíéòè

Àí ñàí íé ñòè.

И вдруг художник прямо признается. Что им движет обратное, противоположное стремление:

... àíéí: èòü ñàü íáí ðààòü íá àíàòí àòü..

В своих мемуарах Эренбург приводит такой красноречивый (я бы даже сказал, символический) эпизод.

Однажды (дело было во время войны) к нему в редакцию «Красной звезды» пришел высокий, крепкий человек, офицер морской пехоты – Семен Мазур. Он рассказал, что его – еврея – пытались выдать немцам его русская жена. Он чудом спасся.

«Он сидел напротив меня и требовал, чтобы я ему объяснил, почему его спасли чужие люди и хотела выдать врагу жена. Я отвечал, что не знаю, как они жили вместе. Мазур говорил, что жили хорошо, когда он уезжал на фронт, жена плакала, он успел получить от нее несколько писем. Я повторял: “Вы ее знаете. Откуда мне знать, почему она так поступила?..” Он стукнул кулаком по столу: “Вы обязаны знать – ведь вы писатель!”»

В данном конкретном случае писатель, быть может, и вправе был растерянно возразить: «Откуда мне знать, почему она так поступила?» Но Эренбург и в других случаях часто не мог предложить более внятного ответа. Прикасаясь в своих мемуарах к самым темным, трагическим и неясным страницам нашей истории, он то и дело с горечью констатирует: «Пророком я не был...» И тогда возникает непреодолимое желание вот так же наивно стукнуть кулаком по столу: «Вы обязаны были быть пророком! Ведь вы – русский писатель!»

***

Вера в пророческую миссию русского писателя – не фикция. Она оплачена слишком дорогой ценой:

«В тот день, когда Пушкин написал “Пророка”, он решил всю грядущую судьбу русской литературы. Поэт принял высшее посвящение и возложил на себя величайшую ответственность. Подчиняя лиру свою этому высшему призванию, отдавая серафиму свой “грешный” язык, “и празднословный и лукавый”, Пушкин и себя, и всю грядущую русскую литературу подчинил голосу внутренней правды, поставил художника лицом к лицу с совестью, – недаром он так любил это слово... Этим живет и дышит литература русская, литература Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Толстого. Она стоит на крови и пророчестве. Это просто? Не знаю. Как для кого. Синайские десять заповедей тоже очень просты для тех, кто их не выполняет. А как начнешь выполнять – окажется тяжело и сложно. И дай Б-г, чтобы хоть некоторым из нас, в меру их дарований, оказалось под силу стать воистину русскими писателями» (Вл. Ходасевич).

Àéàéñéàá Òíàññé:: «À òíò àáü éíàà Í óóééí íáíéñé “Í òí òéà”,

íí ðàóèè àíü àüüàòíüü ñàüüàòü ðàññéíé èè ò àààòüòüü».

Это традиционное для русской литературы отношение к предназначению поэта, к миссии писателя Эренбургу было присуще. Он не боялся напоминать о нем в самые трудные, в самые неблагоприятные для таких напоминаний времена.

В 1951 году, выступая на вечере, посвященном своему 60-летию, он сказал:

«Как каждый писатель, я знавал минуты растерянности, сомнений, молчания. Меня поддерживала русская литература, наши великие и глубоко человеческие предшественники. Можно писать

хуже, чем они, – таланты не распределяются ни в каком распределителе, – можно писать хуже, чем они, но нельзя думать, чувствовать, терзаться, радоваться хуже, чем они».

Таланты действительно не распределяются ни в каком распределителе. Но ни в каком распределителе не распределяется и способность думать, чувствовать, терзаться так, как это умели делать наши великие предшественники. И великими мы их называем не потому, что они были великими умельцами, замечательными мастерами, а потому, что они были великими людьми. Потому что обладали не только обостренным чувством слова, но и обостренным восприятием жизни. Испытывали постоянную потребность во всем «дойти до самой сути», жить с огромной затратой душевных сил и не умели жить иначе.

Умение думать и чувствовать «не хуже, чем они» столь же трудно достижимо, как и умение писать не хуже, чем они. Тут был прав Ходасевич со своей ложкой дегтя:

«Это просто? Не знаю. Как для кого... Дай Б-г, чтобы хоть некоторым из нас оказалось под силу стать воистину русскими писателями».

Конечно, не каждому дано быть пророком. И казалось бы, в чем можно упрекнуть человека, который сам с горечью признал: «Пророком я не был»?

Но беда Эренбурга была не в том, что он не смог стать пророком. Его беда состояла в том, что он сам, по доброй воле отказался от своей пророческой миссии:

× ò í á æ è ò ú á á ç ì ð ñ ï í ó è à è ì ú ÿ í ú é, ç à è ì ï ì è í à í í è,

× ò í á ò è é à è è í í ÷ ì ð ÷ à ñ ï, ÷ ò í á è ð à ì ÿ ò ò è à ì à è,

× ò í á è à ì è ÿ ç à è à ì è à è, ÷ ò í á ò è ò ð ï, ð è ò ì ú, ÷ ò í á ÷ ò ì ò ì,

È à è à ÿ ò ì à è à è ì ï ñ ò ú ò ì ÷ í í è, ñ ð ì ÷ í í è ð à ì ò ú...

Срочной работы было хоть отбавляй. И была это не только «видимость» (все эти конгрессы, речи, доклады, заявления), но и реальные дела, по-настоящему нужные людям, помогающие им в их трудной жизни. И все-таки его уход в эту «срочную работу» был бегством. Им двигал страх. Страх этот был так велик, что до чего-то, видать, он все-таки уже успел додуматься. Как сказано в одном рассказе Бабеля, предвестие истины уже коснулось его. И вот тут-то вырвался у него этот отчаянный крик: «Додумать не дай!»

× ò í á à è ò ú ÿ ñ à ð à ñ ì, ÷ ò í á ò ò ù è ì ì – í í à à ì ì à ù, í í à í ò è è,

× ò í á à ì ñ ò ì ÿ ò ú ñ à ð ò ù ÷ ò í á à è à ç à á à è à ç à è à ÿ í ò è è.

Í à à à è à ì à è ÿ à à ò ù í è à è è, ì í è ð, ÿ ò ó ì è è ì ñ ò ù

Í à à è à à ò ù í á à ñ ì ì í è ò ù ÷ ò ì ñ ì à ì è á æ è ç ì è ñ è ò è è ì ñ ì

По-человечески так естественно, так понятно это инстинктивное стремление зажмурить глаза и заткнуть уши, когда то, что открывается глазам и слуху, слишком ужасно. Но душе художника трудно даются эти резоны.

***

Л.Н. Толстой сказал однажды:

– Я не понимаю и не люблю, когда придают какое-то особенное значение «теперешнему времени». Я живу В ВЕЧНОСТИ, и поэтому рассматривать все я должен с точки зрения вечности. И в этом сущность всякого искусства. Поэт только потому и поэт, что он пишет в вечности.

Хоть сказано это было в последние годы жизни Льва Николаевича, на заре нового, XX века, но отражали эти толстовские слова ситуацию, уже ушедшую в прошлое.

XX век кардинально изменил это самоощущение художника.

Поэт этого нового, «жестоковейного» века уже не живет в вечности. Он весь – телом и душой – в «теперешнем времени».

Эренбург почувствовал это раньше многих своих сверстников и выразил с присущей ему парадоксальной иронической остротой.

«Я беру за руку моего друга, я тихо признаюсь ему:

– Ты видишь, мы в двадцатом веке. Это замечательно и это беспощадно. Мы можем на радостях отстукивать чарльстон или, зайдя в уличную уборную, трагически плакать. От этого ничего не изменится. Время вяжет наши ноги крепче, нежели земля. Можно уехать из Берлина, нельзя уехать от своего времени. Оно, по всей вероятности, во мне... Дезертировать в прошлое могут только археологи или старые девы. Пробраться в будущее? Милый друг, мы ведь пробовали это! Для этого нужно безумье истории или паспорт на имя гения... Мы – не гении и не старые девы... Нам остается, опустившись в глубокие кресла одной из бесчисленных кондитерских, этих душевных гаражей, где отдыхают моторы сердец, где взбитые сливки стоят столько-то пфеннигов, а женское снисхождение столько марок, – взять одну из многолистных газет, энциклопедию переворотов, скандалов, еврейских помолвок и дешевых пылесосов, чтобы задуматься над грядущей катастрофой» («Виза времени»).

Маяковский, у которого был «паспорт на имя гения» и которого еще продолжало нести на своих крыльях «безумье истории» (так, во всяком случае, ему казалось), попытался прорваться в будущее, напрямую обратившись к «товарищам потомкам». Но на жизнь «в вечности» не рассчитывал и он. Даже наплевал на нее, на эту вечность («бронзы многопудье» и «мраморную слизь»). Готов был к тому, что железный стих его умрет, как рядовой, и надеялся только на то, что ему, как и всем рядовым его современникам, «общим памятником будет построенный в боях социализм».

Чем это кончилось, мы теперь знаем.

Среди сверстников Эренбурга были и другие, не утратившие надежды на то, что порушенная связь с вечностью каким-то образом будет восстановлена.

Вот, например, как выразил эту свою надежду Маршак:

Í á çí ááò áá:í ñò ú í è ðí áñò áá, í è í è áí á í è.

× óe áá áé á í è ú ðí æ áá í è è è ñ áðò áé.

À ó í á í ú ó í é ñáñò ðú áá – ó áðáí á í è –

Ááñ: è ñáí í í á í í í æ áñò áí ááò áé.

Ñò í é áò ú ý ðá ç áé á þ ò ñ ý í ò áðáí á í è.

Í é í áú í ð é í ñ ý ò á á, è á á í ú è ÷ áñ

Í í é á á ð ó e á ð ó í áñ ÷ áñ ð è ó á áðáí á í è,

Í ó ñ é é í í í ð á á í ð á á ð á é ý í áñ..

Á á á ú á ý í è í ó à í á ç áí á ò í á ý

Ðí æ á á á ð í è ð ó í í á á è á é è è ñ ð è á.

Áëÿäèøü- è äá:í îñòü ñò äðäÿ, äáçäòí äÿ,

Òñí í äèò í èáí ÿ í í èéí ä ñí èö

Эренбург не строил на этот счет никаких иллюзий. Он ясно сознавал всю тщетность этих надежд. После урбанистических берлинских уборных очутившись в тихом гётевском Веймаре, он грустно резюмирует:

«А мы вот, оставим ли мы после себя такой Веймар?..»

Нет у нас ни душевного покоя, ни мудрости, ни высокого равновесия. Мы оставим после себя вот этот виадук, мосты, вокзалы, фабрику Цейса, красоту, вдоволь сухую и эгоистическую, современного Фауста с его стандартизированной, а следовательно, и удешевленной душой (много ли дадут за такую?)...»

Это было написано в 1923 году.

А вот – спустя три года:

«Этим летом в Абрамцеве я глядел на клены сада и на покойные кресла. Вот у Аксакова было время, чтобы подумать обо всем. Его переписка с Гоголем – это неторопливая опись души и эпохи. Что оставим мы после себя? Расписку: “Получил сто” (прописью, через марки). Нет у нас ни кленов, ни кресел, а отдыхаем мы от опустошающей суеты редакций и передних в купе вагона или на палубе. В этом, вероятно, своя правда. Время обзавелось теперь быстроходной машиной. А автомобилю нельзя крикнуть: “Остановись, я хочу разглядеть тебя поподробней!” Можно только сказать про беглый свет его огней. Можно, – и это тоже исход, – очутиться под его колесами».

Í ñèí Í äí ääèüøòäí : «Í í í á äí èé ÿ í í èðí äè ñí äé».

Несмотря на все эти ностальгические ноты (как-никак – Павел Савлович все-таки), «дезертировать в прошлое» он не хочет. Сказав однажды, что патриотизму места он решительно предпочитает патриотизм времени, он навсегда остался верен этому своему патриотизму. Не скрывал своей привязанности к «телеграфному» стилю. Не любил писать длинных психологических писем (чем так грешили Цветаева и Пастернак). Романы свои писал, «не переводя дыхания», сидя не в respectable писательском кабинете, а за столиком кафе. Навсегда сохранил любовь к картинам Пикассо и Леже.

Ничего худого в этом «патриотизме времени» как будто бы нет. Вот ведь и Мандельштам тоже – и даже с некоторой запальчивостью – втолковывал каким-то безымянным своим оппонентам:

Í í ðà ääí çí àòüÿ ÿ ò í äé ä ñí ääí äí í èé,

В : äéí äé ÿ í í èé Í ñè äí ø ääÿ,

Ñí í ò ðèò ä, è äé í ä í í á ò í í ðèò è ò ñÿ í è ä æ ä é,

È äé ÿ ñò øí àòü è ä äí ðèò ü øí ä þ!

Í í í ðí ä éò ä í äÿ í ò ä ä ä í ò í ð ä ä ò ü í -

Ðó: ä þí ü ä äí, ñí ä ä ñí ä äí à ò ä ø ä þ!

Но когда век-волкодав кинулся ему на плечи и показал ему свои железные зубы, он заговорил по-другому:

Ç äí èò ä é í äÿ èó: ø ä è ä é ø äí èó, ä ðé ä ä

Æ äð èí é ø ó ä ü ñ è ä é ðí è èò ñò äí ä é,

χὀρᾶ ἰὰ ἀεῖαδὸῦ ἰ ἐ ὀδῦν, ἰ ἐ ὀεῖ ἰ ἐ ἰ ἄγγῶῦ,

ἰ ἐ ὀδᾶνᾶτὸ εἰπὸ ἀ ἐ ἐρεᾶνᾶ..

В переводе с языка поэзии на язык презренной прозы это ведь значит: лучше уж сошлите меня в Сибирь! Невмоготу мне здесь, с вами, потому что – «не волк я по крови своей».

Мандельштаму вторила Цветаева – и теми же самыми словами:

Ἀ Ἀεῖαῖ ἰ ἰ ἀεῖαε

ἰ ὀεᾶνᾶτὸ ἀεῖαε – ἀεῖοῦ

Ἄ ἄεῖαῖ ἐ ἰ εἰτᾶαε

ἰ ὀεᾶνᾶτὸ ἀεῖαε – ἀεῖοῦ

Эренбург тоже не был волком «по крови своей». Но он пытался «с волками жить – по-волчьи выть». Во всяком случае, – как сам об этом сказал, – «подвывал и даже лаял».

***

Я уже говорил, что с Ириной о ее отце можно было говорить откровенно. И мы при ней никогда не стеснялись обсуждать его человеческие и гражданские слабости. Она – терпела. Теперь я не думаю, что ей это было так уж легко. Но это – теперь. А тогда... Впрочем, и тогда, любя Ирину, мы старались особенно острых разговоров на эту тему при ней не затевать.

Однажды мы сидели с ней в нашей кухне, пили чай. И заглянул к нам на огонек какой-то не очень близкий наш приятель. Когда его знакомили с Ириной, она назвала только свое имя, она всегда так делала. Человек он был не из нашей (литературной) среды. Как мы любили выражаться в ту пору, «из другого профсоюза».

В завязавшемся разговоре моя жена вела себя, как мне тогда казалось, чересчур активно, и я – к слову – вспомнил, как вел себя за столом Эренбург, когда в разговор вдруг вмешивалась его жена Любовь Михайловна. Он молча, терпеливо выслушивал (а может быть, только делал вид, что вежливо слушает) очередной ее монолог, а когда она умолкала, продолжал свою речь с того самого места, на котором она его прервала.

Наш гость из этого моего рассказа усёк, кажется, только то, что я был знаком с Эренбургом. И когда я закончил, обратился ко мне с таким вопросом.

– Послушайте! – в простоте душевной ляпнул он. – Вы можете мне объяснить, почему Эренбург был такой трус?

Мы с женой этим его «ляпом» были слегка смущены. А он, когда ему объяснили, что Ирина – родная дочь «труса», готов был провалиться сквозь землю. Но сама Ирина только улыбнулась и сказала что-то в том роде, что ладно, мол, пустяки, мне и не такое приходилось выслушивать.

Кстати, сам этот храбрец, назвавший Эренбурга трусом, когда перед его уходом я предложил ему взять с собой какой-то самиздат, решительно отказался: сказал, что, заглянув к нам как-нибудь в другой раз, с удовольствием почитает, но домой брать боится.

Ирина своего «Илью» трусом, конечно, не считала. Но иногда в разговорах о нем высказывала суждения, которые даже меня слегка шокировали своей – скажем, так – нелицеприятностью.

Однажды она рассказала, что после какой-то разразившейся над ним начальственной бури он перестал есть. Не то чтобы объявил голодовку, а просто впал в такое состояние, что даже куска хлеба не мог проглотить. Продолжалось это чуть ли не неделю. И так бывало не однажды.

Выслушав этот рассказ, я был довольно близок к тому, чтобы согласиться с суровым определением нашего гостя «из другого профсоюза». Что за рабство, черт подери! – возмущался я. – Ведь Сталин уже сдох, никого уже не убивали и не сажали... Послал бы их к едрене фене со всей ихней борьбой за мир... Ушел бы в частную жизнь...

– Нет, – покачала головой Ирина. – Он не мог.

Я ожидал, что она скажет что-нибудь в том роде, что он уже не мог жить вне политики, слишком выгрался в эту игру. Но она сказала совсем другое:

– Он не мог это сделать из-за Лизлотты.

Лизлоттой звали женщину, с которой Илья Григорьевич познакомился в Швеции в 1950 году. И – на старости лет – влюбился. Это была самая долгая и глубокая – последняя – его любовная привязанность.

Если бы он «послал их к едрене фене» и ушел в частную жизнь, никто бы его, конечно, и пальцем не тронул. Но могло случиться так, что он стал бы «невъездным» и уже никогда в жизни не встретился бы со своей Лизлоттой.

Эту Лизлотту я однажды видел (она приезжала из своего Стокгольма к Ирине). Это была старая и, как мне тогда показалось, глупая еврейка. (Она толковывала мне, что в Америке фашизм, а я, к вящему ее ужасу, пытался ей втолковать, что фашизм – у нас. И когда кто-то ей перевел эту мою нехитрую мысль, она, беспомощно озираясь, всё повторяла: «Это шутка, да?..», «Это он шутит, да?..»)

Сейчас я стыжусь этих своих тогдашних мыслей.

В 50-м году Эренбургу было под шестьдесят, а Лизлотте – меньше тридцати. И тогда она, наверно, была очаровательной молодой женщиной, в которую вполне можно было влюбиться. И он был счастлив, когда вдруг у него в жизни случилось то, о чем мечтал Пушкин («И может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной»).

Но дело тут совсем не в том, достойна или недостойна его любви была эта самая его Лизлотта.

Дело в тогдашней моей дури, из-за которой я счел такое Иренино объяснение эренбургской зависимости от начальственного гнева мелким, пожалуй, даже пошлым, несправедливо унижающим нашего пламенного борца за мир. При всем моем скептическом отношении к этой его деятельности, мне все-таки легче было думать, что им двигала некая энергия заблуждения, чем принять версию Ирины, согласно которой вся его верность «веку, людям, судьбе» объяснялась страхом, что он никогда больше не увидится с этой своей расплывшейся глупой Лизлоттой.

Я сказал, что не поверил этому объяснению Ирины по тогдашней своей дури. Тут, наверно, надо пояснить, что именно я при этом имел в виду.

Правильнее, конечно, было бы сказать – по тогдашней моей наивности.

Это была та самая наивность, из-за которой я долгие годы не мог разгадать очень простую, в сущности, загадку больших московских процессов.

Я точно знал, что Каменев и Зиновьев не убивали Кирова, а Бухарин и Рыков не были иностранными шпионами.

Почему же все они признались в чудовищных преступлениях, которые на самом деле не совершали? Что там с ними делали? Какими средствами чекисты добились такого поразительного эффекта?

Эта – главная – тайна московских процессов долго волновала меня и моих сверстников. Мы придумывали самые разные объяснения. Выдвигались версии – одна другой изощреннее.

А много лет спустя, уже в 60-х, случилось мне прочесть пьесу, написанную по горячим следам событий старым русским театроведом и театральным деятелем Николаем Николаевичем Евреиновым.

Пьеса называлась «Шаги Немезиды. Драматическая хроника в 6-ти картинах, из партийной жизни СССР (1936–1938 гг.)». Действующими лицами там были чуть ли не все персонажи, так или иначе «задействованные» в больших московских процессах: Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, Сталин, Ягода, Ежов, Радек, Вышинский...

Пьеса, по правде говоря, была довольно слабенькая. Много в ней было и всякой неправдоподобной чепухи. Но один крохотный эпизод, точнее – диалог, а еще точнее – короткий обмен репликами, произвел на меня довольно сильное впечатление. Именно он-то и показался мне (это было, разумеется, когда я был уже далеко не юношей) наибольшим приближением к истине.

Бухарин, Рыков, Радек и другие фигуранты будущего судебного процесса, только узнавшие о приговоре над Каменевым и Зиновьевым, мучаются все той же проклятой загадкой. Входит Ягода. Они обступают его и засыпают вопросами: давай, мол, Генрих, говори начистоту, что вы там с ними делаете у себя на Лубянке? Пытаете? Или другим каким-то изощренным способом добиваетесь в ваших подвалах признания в том, в чем люди не виноваты?

Ягода, усмехаясь, отвечает:

– Ах, товарищи, о каких пытках вы говорите? Смешно прямо слушать!.. Если человек, скажем, курит по сто папирос в день, или (смотрит на Рыкова) равнодушен к алкоголю, то оставьте их на сутки без табаку и «Рыковки» и увидите, на что они будут способны!

Услышь я такое в юности, это показалось бы мне просто глупой шуткой.

Председатель Коминтерна Зиновьев признается, что он иностранный шпион только потому, что его лишат любимых папирос? Предсовнаркома Рыков признает себя вредителем только из-за того, что ему отказали в ежедневной рюмке «рыковки», к которой он пристрастился? Смешно!

А все потому, что в своих мучительных попытках разгадать эту проклятую загадку я исходил из того, что признавались во всех этих несуществующих своих винах не какие-то жалкие обыватели. Признавались старые, закаленные в классовых битвах, негибимые революционеры, прошедшие царские тюрьмы и каторгу. Ведь все это было хорошо им знакомо: томительные жандармские допросы, карцеры, пытки...

Простое (слишком простое) объяснение Евреинова прийти в голову мне не могло по той причине, что я идеализировал, романтизировал всех этих бывших наших вождей. Считал их людьми необыкновенными.

Примерно так же обстояло дело и с моим отношением к Эренбургу.

Я исходил из того, что «по крови своей» он был сродни Маяковскому, Есенину, Мандельштаму, Цветаевой, Ахматовой, Пастернаку. А он был – другой.

Дело не в том, что Есенин и Цветаева повесились, Маяковский застрелился, Мандельштам был превращен в лагерную пыль, а он в благополучии дожил до весьма почтенного возраста и умер «своей смертью».

Ἰ ἀδεία Ὀλοοαία: «Ἦ ἀρέει ἐ ἱεῖυαίαε ἰοέαυἱάφῆῆ- αἱοῖ».

Хотя – отчасти и в этом тоже.

Приведу цитату из немодного нынче автора.

«Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на средство. Она – самоцель; Она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву ее существованию, когда это нужно, свое личное существование» (К. Маркс).

Пастернак и Ахматова тоже благополучно скончались на склоне лет в своих постелях.

Слово «благополучно» тут, конечно, не вполне уместно. Но разница между ними и Эренбургом была и не в разной степени благополучия. Она состояла в том, что они не разорвали свою связь с вечностью. (Эту связь не разорвал до конца даже Маяковский, вспомнивший под занавес о поэтическом слове, которое – бывает – «выбросят, не напечатав, не издав», а оно – «звенит века».)

Конечно, отношения с вечностью у них были уже не те, что у Л.Н. Толстого, уверенного, что он живет «в вечности».

Суть этих новых, изменившихся отношений очень точно выражена в знаменитых строчках Пастернака:

Í á m'è, í á m'è, óvãæí èé,

Í á í ðãããæéñý ñá

Óv - áá: í ñv è çæíæí èé

Ó áðãí áí è á í èáí á

Да, художник больше не живет «в вечности». Он весь – телом и душой – в «теперешнем времени». Но связь его с вечностью не оборвалась. Она только стала иной. Она существует теперь лишь в той мере, в какой художник сам осознает ее, сам ощущает себя заложником вечности.

Эренбург построил свою жизнь, исходя из убеждения, что вечности больше нет. Он честно служил «сегодняшнему часу», «теперешнему времени» и вовсе не собирался устанавливать связь с вечностью, прорываться к ней, продирается сквозь все мыслимые и немыслимые препоны.

Даже последнюю свою книгу, мемуары, в которых подводил итог прожитой жизни, он целиком подчинил насущным, сиюминутным заботам «теперешнего времени».

Современниками это было понято. Но оценено по-разному: кем-то – с благодарностью, а кем-то – с пренебрежением, даже с презрением:

«Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. бранит, и Коля ее поддерживает (теория “малой пользы”, компромиссы и пр.). Я и Елена Михайловна защищаем Эренбурга. А.С. Эфрон тоже говорит, что он написал “не так” о М. Цветаевой, а Н.Я. боится, что он “не так” напишет о Мандельштаме. Нашелся в стране один человек, который пишет о Цветаевой, Мандельштаме и др., и сразу на него напустились, что “не так”. Это вроде анекдота о певце, который не поет, но если бы пел, то не так...» (А.К. Гладков. Дневник).

Эту запись в своем дневнике Александр Константинович сделал 12 октября 1960 года.

Он искренне любил и чтит Эренбурга. (Я уже упоминал, что из литераторов младшего поколения у Эренбурга постоянно бывали только он и Слуцкий.) И немудрено, что он обиделся за Илью Григорьевича и с горячностью ринулся защищать его от несправедливых, как ему тогда казалось, нападок Н.Я. (Надежды Яковлевны Мандельштам), Коли (это был, видимо, Николай Панченко) и Ариадны Сергеевны Эфрон.

Но вот его запись в том же дневнике, сделанная восемью годами позже (24 сентября 1968 года).

«Мне понадобилась одна справка из мемуаров Эренбурга, и я стал перелистывать третий том и кое-что перечитал. Вот книга, которая за время своего существования то понижается в цене, то растет. Сейчас она снова кажется почти невыносимо смелой и откровенной (так потемнел общий фон), а когда И.Г. печатал еще при жизни последние части, то на фоне расцвета самоиздатовской литературы она казалась и трусливой, и приблизительной, и туманной. Истина, как всегда, посередине, но настоящая оценка ее (как и всего написанного Эренбургом) возможна только в соотношении с окружающим: она не существует отдельно от него: она с ним связана сложной исторической связью». Эта запись интересна не столько тем, что Александр Константинович одно время уже готов был признать эренбургские мемуары приблизительными, туманными и даже трусливыми (то есть согласиться с Н.Я. Мандельштам, Колей Панченко и А.С. Эфрон, оценками которых еще недавно искренне возмущался), сколько самой постановкой

вопроса: мемуары Эренбурга следует судить, исходя не из того, каковы они есть, а из того, какими кажутся на постоянно меняющемся (то светлющем, то снова темнеющем) фоне отпущенной нам сверху или добытой нами самостоятельно (посредством самиздата) свободы слова.

*Ἐῖτα ἡ ἐπιτάφια ἐπέμνη Ἰδακόδο ἀντὶ τῆς ἐπιτύχου, ἡ Ἐφεῖς ὁδὸς – ἡ ἀντιπῶς
ὁ δὲ ἀπὸ τοῦ. Ἐῖ τὴν ἀντὶ τῆς ἀντιπῶς ἐῖτα ἡ ἐπιτύχου, ἡ ἀντιπῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς: «Ἐῖ τῆς ἀντιπῶς ἰσχυρῶς
ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἐῖτα ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς.»*

Признав такой подход резонным, мы вынуждены были бы согласиться с таким, например, выводом, сделанным уже в 90е годы, когда «общий фон» гласности и свободы слова совсем уже высветлился:

«Да кому это нужно? С постепенным уходом коммунизма в историю стираются из памяти и самые имена его певцов и подголосков. Забыть их – и дело с концом!» (Наталья Горбаневская. Рецензия на книгу Эвы Берар «Бурная жизнь Ильи Эренбурга». «Русская мысль», 19 апреля 1991 года).

Забыть – дело нехитрое.

Мы столько поназабывали, столько выкинули всего «на мусорную свалку истории», что почти совсем уже разучились отличать правду от лжи, – тем более, что доблестное наше «Министерство Правды», как объяснил нам Оруэлл, очередной, новой ложью заменяло не правду, а – прежнюю, устаревшую ложь.

Так вот и жили.

Что ж, и дальше будем так жить?

***

Несколько месяцев спустя после смерти Эренбурга Леонид Мартынов написал и опубликовал (в журнале «Юность») такое стихотворение:

Ἰτῶν

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς

Ἐῖ τῆς ἀντιπῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς,

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἐῖ τῆς ἀντιπῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἐῖ τῆς ἀντιπῶς ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἐῖ, ἐπεὶ ἐπὶ τῆς ἀντιπῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

Ἰτῶν ἡ ἐπιτύχου ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

*Ἐὶ ὁ ἰοῦέ ἰά ἰά ἐτέσσῃ εὐά
Ἰ ἡεῖσῃ, ἀ ἰά ἡαὶ ἰεῖαὸ αῶ
Ἄ ἡἰεῖ ὀδῶαῶ, ἀ ἡἰεῖ ῥαῖ ἰ ὀ αῶ
Ὀαὶ, ἰά ἀαδῶσῃσῃ, αεῖ ἰ ἰ ἡἰα-ὀ ἰ.*

Ἰ ὀ αῖ ἰ ἡ ὀ αῖ ἐ ἰ ὀ αῖ ὀ-αῖσῃ...

Ἰ ὀ δῶεῖ ὀ ἡ

Ἄ ἰ αῦ ἡ ὀ αῖ ἰ Ἄ ἡ ὀ δῶ.

Ἰ ἰ ἀαδῶσῃ εῖ ἰ-ἰ Ἄ ἡ ῥα ὀ ἡ

Ὀῶδῶεὸ, ἐὸ ἰ αεῖ ἀ ἐὸ ἰ ἡῖ ἰ-αῖσῃ.

Ἄ ἀαδῶσῃ ἀ ὀ ἡ ἰ ἐ ἡ ὀ ἡ,

Ἄ ἰ αῖ ἡ ὀ, ἐαῖ ἀ ἰ αῖ ὀ δῶ ὀ ἡ,

Ἰ ἰ ἰ ἡ ἰ ὀ δῶεῖ ὀ ἡ.

Ἰ ἰ ἰ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ὀ δῶεῖ ὀ ἡ,

«Ἰ ἰ αῖ ἡ ὀ ἡ» ἐ ἰ ἰ ὀ ἰ ὀ εῖ εῖ αῖ ὀ ἡ.

Ἄ ἰ ῥα ἰ ἡ ὀ ἐ ῥ ἰ ἀεῖ αῖ ὀ ἀ,

Ἄ ἡ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ἡ ἀ ἡ ἡ ἡ ὀ ἀ

Ἰ ἰ ὀ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ,

ῥῶ ὀ ὀ αῖ ἡ ἡ ἡ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ.

Ἄ ἡ ἰ ὀ αῖ ῥῶ ὀ ἡ ἡ ἡ..

Ἄ ἡ ἡ ὀ ἡ

ὀ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ,

ῥα ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ἡ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ,

Ἄ ἡ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ

Ἰ ὀ ἡ ἡ ὀ ἡ ὀ ἡ -

Ἄ ὀ ἡ

Стихотворение так и называлось – «Лета». Когда я прочел его (а прочел я его тогда же, в 1967-м) оно, признаюсь, меня покорило. И не только потому, что сочинил его Мартынов, которого Эренбург любил, опекал, защищал – как мог – от нападков поносивших его официозных борзописцев. И даже не потому, что сочинил Мартынов эти стихи, еще не износив не только башмаков, но даже и носков после смерти того, о ком в них шла речь.

Было в этом стихотворении, как мне казалось, даже и помимо всех этих привходящих обстоятельств, что-то обидно, оскорбительно несправедливое.

Хотя на первый взгляд обижаться тут было вроде не на что. Тема – не новая. И решение ее тоже мало что добавляло к тому, что уже было сказано другими стихотворцами, сочинявшими стихи на эту вечную тему – о бренности всего сущего. От «темных и вялых» виршей пушкинского Ленского, сетовавшего на то, что память о нем «поглотит медленная лета», до гениального предсмертного восьмистишия старика Державина:

Βαεὰ ἀδῆι ἀί ἀνῆαι ἡὸ δῆι εἰς ἡε

Ὀί ἡεὸ ἀνὶ ἀεεὶ ἐβῆε

Ἐὸ ἡεὸ ἀί ὀἡῆεὶ εἰς ἀῆαι ἡε

Ἰ ἀδῆαι, ὀἡῆεὶ ἀε εἰς ὀἡε.

Ἀ ἀεεὶ εἰς ὀί εἰς ἡεὶ ἀῆαι ἡε

× δῆε εἰς ἀεεὶ εἰς ὀί εἰς ὀἡαι,

Ὀί ἀε-ἡεὶ ἡεὶ εἰς ἀῆαι ἡε εἰς ὀἡε

Ἐ ἡεὶ εἰς ὀί εἰς ἀῆαι ἡε εἰς ὀἡαι.

Перед «жерлом вечности» все равны, так что какие тут могут быть обиды!

Обижаться, однако, тут было на что.

Во-первых, от строк про старого Илью-пророка за версту несло иронией: какой, мол, пророк. Мнимый пророк, фальшивый. Во-вторых, хоть «по Истре проплывает мимо не только муть, солома, тина», но и «цвет люпина, зерна тмина» и даже «побуревшая от дыма неопалимая купина», посмертная судьба скончавшегося старого лже-пророка ассоциируется именно с «мутью и тиной», клочками газет, ржавыми канистрами и прочим мусором, остающимся от посещавших эти берега туристов. Не «медленная Лета», постепенно поглощающая «все дела людей», стала его «пропастью забвенья», а маленькая речушка Истра. И забвенье оказалось ему суждено – какое-то короткое, быстрое, я бы даже сказал, дешевое, – как те ржавые канистры и клочки газет, что шуршат на ветру, храня (а лучше сказать – не храня) память о тех, «кто жив, а кто скончался». А всё потому, что «не на колеснице носился, а на самолетах», в сомнительных своих трудах и заботах тратил (и растратил) себя на всю эту бессмысленную, скоропортящуюся суету. Вот и получил по заслугам. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись

Нет-нет, стихи были на самом деле обидные.

Но ведь в сущности они говорили о том же, о чем и раньше, размышляя об Эренбурге, думал (а теперь вот и написал) я.

Почему же в таком случае они меня тогда покоробили? Да и сейчас, по правде говоря, коробят?

***

Закljučая шестую книгу своих мемуаров, Эренбург признался, что никогда не любил Сталина, и уж тем более никогда не верил, что Бухарин, Мейерхольд и Бабель – предатели, «враги народа».

Зная и понимая многое, он тем не менее молчал. Почему? Этот вопрос требовал ответа, и Эренбург в меру сил и тогдашних цензурных условий попытался на него ответить.

«Да, я знал о многих преступлениях, но пресечь их было не в моих силах. Да о чем тут говорить: пресечь преступления не могли и люди куда более влиятельные, куда более осведомленные».

«Никогда в своей жизни я не считал молчание добродетелью, и, рассказывая в этой книге о себе, о моих друзьях, я признавался, как трудно было порой молчать...»

«Один из участников французского Сопротивления в 1946 году рассказал мне, что партизанским отрядом, в котором он сражался, командовал жестокий и несправедливый человек, который расстреливал товарищей, жег крестьянские дома, подозревал всех в измене или малодушии. “Я не мог об этом рассказать никому, – говорил он, – это значило бы нанести удар всему Сопротивлению, петеновцы за это ухватились бы...”»

«Молчание было для меня не культом, а проклятием...»

Эта робкая попытка объясниться вызвала бурю гражданского негодования. Особенно неистовствовал очень известный в те годы критик В. Ермилов.

Поскольку сегодняшнему читателю это имя мало что скажет, не могу удержаться от небольшого разъясняющего отступления.

***

Авторы и редакторы КЛЭ (Краткой литературной энциклопедии, вышедшей у нас в 60-е и 70-е годы) любили пошутить. Мишенью этих шуток были недавно еще неприкасаемые столпы и ревнители официальной идеологии. А поскольку времена были уже сравнительно либеральные, некоторые из этих шуток не только вылетали за пределы редакционных стен, но даже и выплескивались на страницы самого издания. Так, например, под статьей о широко известном в литературных кругах гепоушном провокаторе Эльсберге красовалась подпись: «Г.П. Уткин», прозрачно намекавшая на кровную связь героя статьи с нашими славными органами.

Иногда шутки, не теряя своей язвительности, были более тонкими: не внося в текст статьи никакой отсебятины, сохраняя видимость предельной объективности, шутники играли на контрастах, создавая разные причудливые комбинации из заглавий, упоминаемых в библиографическом указателе.

Статья о Сартре, например, сопровождалась таким списком критической литературы о знаменитом французе: «Смертяшкины во Франции» (1947), «Философия предателей» (1949), «Черная драматургия французских космополитов» (1950), «Сартр и развитие современной французской драмы» (1959), «Интеллектуальные драмы Сартра» (1962), «Эстетическая концепция Ж.-П. Сартра» (1968), «Жан-Поль Сартр и экзистенциализм» (1970).

Простой этот перечень, показывая, как менялось отношение к Сартру у советских его критиков в зависимости от направления стрелки идеологической компаса, как отражалось это в самой стилистике одних только заглавий их критических опусов, представлял собой довольно злую пародию на тогдашние наши литературные нравы. Куда было направлено жало этой художественной сатиры, объяснять не приходилось, тем более, что авторами этих разных статей, выполненных в столь различных стилистических манерах, порой оказывались одни и те же люди.

Вершиной изящных стилистических игр сотрудников КЛЭ явилась сочиненная кем-то из них статья о Ермилове. Она вся – целиком! – состояла только из перечня названий трудов этого критика и литературоведа, написанных в разное время. Художественный прием, так удачно реализованный в библиографическом указателе к статье о Сартре, тут сработал не с удвоенной и даже не с удесятеренной, а по меньшей мере стократной мощью.

Надо сказать, что заслуга автора этой замечательной статьи тут была не особенно велика: она целиком исчерпывалась изобретением самого приема. Что же касается наполнения этой схемы комическим содержанием, то это уже была исключительная заслуга самого Ермилова. Потому что никто из славной когорты наших литературных бойцов не колебался вместе с линией партии так ретиво, так упоенно, так суетливо, забегая далеко вперед и постоянно выставляя себя более роялистом, чем сам король, как делал это он – Владимир Владимирович Ермилов.

Недаром про него сочинили такой анекдот (а может, это был даже и не анекдот, а подлинный факт). На калитке ермиловской дачи в Переделкине красовалось обычное среди тамошних дачевладельцев предостережение: «Осторожно! Злая собака!» Так вот, к ермиловской этой вывеске кто-то будто бы приписал: «И беспринципная».

Благодаря совершенно исключительной беспринципности Владимира Владимировича простой перечень названий его трудов, сопровождаемый скупым фактологическим комментарием, превратился в подлинный сатирический шедевр.

Выглядело это примерно так.

«В 1939 и в 1949 гг. Е. выступил с резкими статьями, разоблачающими реакционную направленность творчества Достоевского (“Горький и Достоевский”, “Против реакционных идей в творчестве Ф.М. Достоевского”). В 1956 г. опубликовал книгу “Ф.М. Достоевский”, в которой характеризовал этого писателя как великого реалиста и гуманиста». Ну и так далее – все в том же духе.

Я написал: «выглядело это примерно так», потому что привести подлинный текст того литературного шедевра, к сожалению, не могу. Читал я эту статью в верстке, и верстка эта, к сожалению, у меня не сохранилась. (Прочел вслух – или дал прочесть – друзьям. Посмеялись, повеселились, да и выкинули, дураки.) А до публикации этой статьи в соответствующем томе дело, увы, не дошло. Сатирическая направленность скупого изложения всех зигзагов творческого пути Владимира Владимировича так крепко была в нос, что бдительное начальство, разглядев подвох, успело предотвратить скандал.

Скандал, тем не менее, произошел. Но это был скандал уже совсем другого рода.

Когда Владимир Владимирович завершил свой земной путь, гроб с телом усопшего бойца был установлен, как это полагалось ему по чину, в Малом зале ЦДЛ.

В этом зале провожали в последний путь самых разных литераторов. Нередко зал в таком случае бывал переполнен до отказа, и толпа провожающих, не поместившихся в зале, заполняла весь вестибюль писательского клуба. А иногда пришедших отдать последнюю дань усопшему бывало совсем мало: всего-навсего пятнадцать-двадцать человек, сиротливо теснившихся у гроба. Но за многие годы я знаю только один – единственный! – случай, когда проводить «дорогого покойника» **не пришел никто**.

У гроба Владимира Владимировича Ермилова не было ни души. (Кроме, разумеется, служащего литфонда, постоянного тогдашнего устроителя всех писательских похорон.)

Ситуация была до такой степени необычная, что литфондовское и клубное начальство растерялось. Резонно предполагая, что лицам, провалившим важное общественное мероприятие, придется за это отвечать (пойди потом доказывай, что ты не верблюд), кто-то из них в панике позвонил в ЦК. И последовало мудрое решение. Не просто решение, а – приказ: в добровольно-принудительном порядке согнать в Малый зал всех служащих ЦДЛ: официантов, уборщиц, секретарш, счетоводов, библиотекарей... Явилось, конечно, и все клубное начальство. Строго поглядывая на подчиненных, они нагнетали гражданскую скорбь, а те послушно шмыгали носами. Некоторые, говорят, даже плакали...

***

Так вот, этот самый Ермилов, когда вышла в свет шестая книга эренбургских мемуаров, разразился гневной статьёй, смысл которой сводился к злорадным риторическим вопросам:

– А-а, вы, значит, понимали, что происходит? Так какое же вы имели право молчать! Мы-то все о сталинских преступлениях знать не знали и ведать не ведали! Мы любили Сталина, верили ему! Мы молчали, потому что ничего не понимали... Да, мы были слепыми, наивными, но мы были искренни. А вы, стало быть, всю жизнь лицемерили? Кривили душой?

Поскольку, как уже было сказано, ни для кого не было секретом, что автор этих гневных инвектив был одним из самых выдающихся лицемеров и приспособленцев минувшей эпохи, вскоре после появления этой его статьи родилась и стала гулять эпиграмма:

Ī äēī - ī īē-äē

Äöüé - ñó-äë

При всем своем лаконизме эпиграмма эта исчерпывающе выразила самую суть коллизии. Она, что называется, закрыла эту тему.

Тогда казалось, что навсегда.

На самом деле, однако, тема эта не закрыта и поныне.

Ведь объяснения Эренбурга насчет того, как вышло, что он – человек, написавший в 1921 году «Хулио Хуренито», в 30-е и 40-е годы «оказался не вполне защищенным от эпидемии культа Сталина», и тогда, в 60-е, казались маловразумительными. А уж сегодня:

«Вера других не зажгла мое сердце, но порой она меня подавляла, не давала всерьез задуматься над происходившим...»

«Кульм личности не сделал из меня верующего, но он повлиял на мои оценки...»

«Я не любил Сталина, но долго верил в него...»

«Если и теперь я недостаточно осведомлен, то в 1937 году я знал только об отдельных злодеяниях. Как многие другие, я пытался обелить перед собой Сталина, приписывая массовые расправы внутрипартийной борьбе, садизму Ежова, дезинформации, нравам».

«Почему я не написал в Париже “Не могу молчать”? Ведь “Последние новости” или “Тан” охотно опубликовали бы такую статью... Лев Толстой не верил, что революция устраним зло, но он и не думал о защите царской России, – напротив, он хотел обличить ее злодеяния перед всем миром. Другим было мое отношение к Советскому Союзу. Я знал, что наш народ в нужде и беде продолжает идти по трудному пути Октябрьской революции...»

Сегодня эти жалкие, невнятные самооправдания стыдно читать.

Да, настоящей «исповедью сына века» мемуары Эренбурга не стали. Но только ли потому, что он проявил слабость, подчинившись обстоятельствам своего времени?

Когда Вяземский написал Пушкину, что жалеет о пропавших записках Байрона, Пушкин ему ответил:

«Черт с ними! Слава Б-гу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил... Его бы уличили, как уличили Руссо – а там злоба и клевета снова бы торжествовали... Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы, – иначе...»

Эренбург, конечно, не Байрон. Но, как и у Байрона, настоящую его исповедь следует искать не в мемуарах, а в стихах, в которых он «исповедался невольно, увлеченный восторгом поэзии».

Стихи были для него возможностью остаться один на один со своей совестью. Тут он не оправдывался. С грубой, ничем не прикрытой прямотой он «признавал поражение»:

Í ðem eeiññi í á ÷ òí ý í í í á è á çá ð è í á ò,

Ò ài á ú è è ð è à è, á ú á á è è á ñ ð è í è ò,

È á á ò ñ è è í á á, è á ð á í ý ý ò ð ð ú à,

Ñ í í á á è è è ò ò ú, è í ð ÷ è è è ñ ñ á ñ í à

Í í í á á ú è í è ð á è. Í á ñ ñ í í ú è á í ð á

Ææææ òðèèí í ààçáí èò è æíí ææðí á
Èèøú í àðÿòèáàè è è ðúæ è è ó èí àðà
Øí àíðèèí ú àè, òí àíðèèèò àè «óðà».

Í ðáí áò àí á ó: è è æ è í í à ð à ç à,
× òí è æ ú ñ à è à í ú í á æ ÿ í í è à ç à,
È, àíí í è í ÿ í á à ç ÿ í è è í è à í,
Øð à è è ñ ÿ í ñ è í í è à í í ú è í à è à í.

Ø à è à è ú á ñ ò ð à ð á à ñ ñ í ñ è í à è è à ð ù

Ø ñ ò í ñ ç à ñ ú ç ñ á í í ñ ò è à ð à,
È à è í í ç à è à ç ñ à è è ò í ð ò è è í è í á
È ç ì ÿ ñ à ð à ñ è ð í à à í í ú ò à í è è í á
À í í ð ñ ÿ ò à ñ è à ò à è è ù í á ç è à ò è
Í à à à ð à è í à ò à í è ÿ è è ç à ñ í à ñ à ò è.
Í à à à ñ á ñ ò è è à ð à à ð ç í ú è à à à ñ ñ ò
ç à ò à í ò à à è, ð í ÿ ÿ ñ à è æ è à ñ ò,

Ñ æ è ñ à è í í à ñ ç à è ç à ç à á è í ð ò è è ò è à ñ à ò

È ð í ç ù æ ð à è, ð í ò ù ñ ñ æ à à è è ò ç à ñ à ò

Í í ò ñ ñ í ð ñ á à è è à à à ñ ñ ò à í ð í: ù

È í ð è à ç à è è à ñ á ò è ñ ò í è í: ù

«È í ò í ð ù è ÷ à ñ?» - í ð ñ ñ ò è ñ ÿ ÿ, ð ù à à ÿ,

Ñ ñ ñ ò à ð è è ñ ÿ, ó æ à ñ è í à à ñ à à ÿ.

Í ÷ í ò ù ÿ á ù! Á ñ ÿ æ è ç í ù í ð ñ è à, è à è ñ ñ í.

Í ÿ ó è à ñ ò è è à ñ ò ò à è à ò í í:

«Á í è è à à ò í ð ù è à: è ò í ó è í ð ñ è ò ù è í ð è ò à è», -

«Á ñ à à è í ñ à è ò ð ÿ ò í è è à è è ñ è ò à», -

«À í ñ ñ ð ñ á ñ ò à è à í ñ ñ ñ í í à è ò à ñ».

Í à ñ ò ù à í á í à ñ ò ù ð ñ á B á í è ù ò á í á ñ í ñ á!

Казалось бы об Эренбурге скорее, чем о ком другом из его современников, можно сказать, что он до конца растворился в делах и страстях своего времени. Казалось, он весь, всем своим существом жил

«у времени в плену». Кажется, в его душе не осталось ни одного тайника, который был бы свободен от этого «плена».

Однако стихи Эренбурга опровергают это сложившееся представление. Они с несомненностью свидетельствуют, что он до смертного часа не терял свою связь с вечностью.

Пожалуй, даже ярче, чем те, что я сейчас привел (и им подобные), об этом говорят как раз те, в которых он признается в своем желании разорвать эту связь: «Додумать не дай, оборви, молю, этот голос!..» Ведь этот неведомо кому принадлежащий голос, который он хочет оборвать, – не что иное, как голос вечности. Напрасно тщится он его заглушить, не услышать. Не получается!

И не может, не могло получиться у того, кто был (Ахматова слов на ветер не бросала) **всегда поэтом**.

«Iàòàí» Èáññéíá, èèè Áíñéíáý ááðáñéíé i óáðñòè

Áðáòà Èííèññ

Ááðéí. 7 ñáí óýáðý 1945-ñ. Ðáçááèéíú óæá íá áñíýðñý, íí áñá íá ðáçñáðáíú. Íáñáñòááííúé óðáíññòð íí áá-áðáí íá ðñáèò. Áñá ááññòááò èíí áíááíòñéè ÷áí ðáí íá í áíáá èçáñéíáááóáýñý íí óááððáèéíúí çðáèéíáí è áñéíáíáý á íðýí íí ñá ùñéá ñéíáá ááðéíñéáý í óáèèèá ñáèèò íá óíðæáññáí. Íðáí ùñá á Áñé-áí-óááððáí! Óðèò Áéñðáí (ðáæéññáð-ááðáé, áñáæéáðéè á èáááðá (çáñéíáí óááçáí) í óèðñíááò ñáçñí íññðáíñáéíé íúñáñí Èáññéíá «Iàòáí Ì óáðñòè». Ýðí íðñáðáí ííúé ñáèòáèéú Á ðñéè Íáòáíá - ñáí èááñýðéèáóíéè Íáçéú Áááñáá, èçáññòíúé áèðáá, íðñéááèáèéñý á ñáèòáèéýò Ì áéñá Ðáéíóáðáòá çáè çáñéíáí íðñáñí íá íññáí èèáí è ðñóí óáèáá ðáæéí á; ñáçý íí ðñí ó -òí, èíáá íáèí èçí ááññíáæéé íí ðñáò íúñáñí íðñéçíññèò: «È Áíññíáñí ááò áñéáí », - ðáçáááòñý áðñáá áñéíáèññ áí óñá Ì íñáí èçí ðéññòñòáíáááèèò ðñí óáéíñááú í-èñðéòúñý íð ñéááðíú, èíðíðáý íñéðñéá ááæá ðáá, ÷úè ðñéè íá çáñýðáíú èðñáññ íáéííúá. Èí íðáññòñèò ððáííúé ðáñ-áò ñí ááèññòñéèíí íðñéèíí.

Чем продиктован выбор пьесы и как она воспринимается? Как запоздалое признание вины и шаг к искуплению? Почему востребован Лессинг? Что может он, интеллеktуал XVIII столетия, сказать современным людям? Сходным вопросом задавался Томас Манн в 1929 году, когда отмечали двухсотлетие просветителя. По случаю юбилея он произнес антифашистскую речь. Томас Манн усомнился в том, что его соотечественники, не просто питавшие недоверие к разуму, но ныне «угрюмо поклоняющиеся божеству иррациональности», захотят услышать рационалиста Лессинга. Он был прав: не захотели. Бесноватый фюрер оказался массам ближе: объяснял доходчиво, говорил то, чего от него ждали: «Евреи – наше несчастье, все беды от них». Но кто знает, быть может, Лессинга услышат теперь, когда недавние идолы повержены, разбомбленная и расчлененная Германия лежит в руинах и наступила пора скорбного безмолвия?

Í ðñóáèñý íí ñòðáíá - íò èðáý è áñ èðáý -

Ááçá íúé í á- áñéíú. Í íçíðñí óí èðáý,

Óðéíèò Ááðñí áí èý. Í ñí íú áá çáèéíá.

Í á ðáéíñéèò ááðñááò ðáññáò ÷áððííñéíá

Ñí áððú í áðáèðñéá í óóú è áñí áñéííí ó ááðñíáññ.

È Ýéúáá, ÷áñíññ íéðááóáí íáý èðñáññ,

Í ñòáí íáèèá áááñáí èò óáðñí ùò áíá

(Í áðááñíá È. Áéí çáððñá)

Áñéè íá çñáòú ÷óí ñòèèè Ì áððéíá Ìñéòá íáñéñáíú íá èññíáá áðáòíóáèèñòááííé Óðéááòéèáóíáé áñéíú, ðñáááííé ðáèéáçíçíé íáðáðñéíí ññóññ, í íáèíí íñáñí áòú ÷óí íñé ñáçáííú á ñáðáèéíá ÓÓ áñéá. Èáè í íáèíí óáèñá ñáòúñý ñí íéí è, ñí èò çáñí èáè? Á-æéñý èáðá? Áíçí áçáèá? Í áæááè èí íáèíí áñéíí íðñéèò ÷áðç óáéíé èíéíí áð ÷óíáú íáéííáò í ðéññéóáòúñý è Èáññéíá è íðéíýòú áñ óðñéè? Íí - íáðáñé èç íáí ááèèò íéñáðáéé, èòí ðñóáé, íúòáèñý áñòú ááýðáèáí è áññéòáðáèáí ñáñáé íáèèè. Íí í íá áñ íðáññíáòú íí áááñí íðñóáññ áññéòáí èý, èáè èçáññòíí, óðáááòó óñéèèè áááò ñòíðñí.

Гете еще в 1825 году говорил о том, что немцам нужен такой человек, как Лессинг. Дело даже не в его высочайшем интеллекте. Умных и образованных людей предостаточно. «Его величие – в характере, в твердости!» Мужеством и бескомпромиссностью отмечен весь путь Лессинга, но явственнее всего они проявились при создании «Натана Мудрого». Нелегко далась ему эта драма. Конечно, трагедия «Эмилия

Галотти» куда совершеннее по форме. Но «Натан» – это главное слово, это его духовное завещание немцам, «это Лессинг Лессинга», по выражению Фридриха Шлегеля, одного из немногих, кто по достоинству оценил гений «отца немецкой литературы»: «Тот, кто понимает “Натана”, знает Лессинга». Чтобы понять «Натана», нужно проследить путь Лессинга, закономерно завершившийся этой пьесой.

Как шел Лессинг к «Натану Мудрому», о чем его драма, какова ее диалектика? Ответив на эти вопросы, мы поймем, почему Фриц Вистен остановил в 1945 году свой выбор на произведении, написанном драматургом-философом в 1779 году, за два года до смерти. Автор опубликовал ее и распространял по подписке; друзья постарались – набралось около трехсот желающих купить и прочесть пьесу. Кое-кто из знакомцев, прочитав, поджал губы и предпочел промолчать, а некоторые просто отвернулись. Лессинг так и не дождался ее постановки, он не верил в то, что немцы готовы принять «Натана». «Я не вижу ни одного места в Германии, где эта пьеса может быть поставлена сегодня», – написал он в набросках к предисловию. Горькое признание. Смысл пьесы можно понять лишь в контексте религиозно-философских исканий Лессинга и той полемики, которую он вел с церковниками в последнее десятилетие своей недолгой жизни.

Личность, а стало быть, и жизненный путь Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781) отличаются редкой цельностью: ни метаний, ни скачков, ни зигзагов. Борец по натуре. Страстный полемист. Мощный, глубокий и острый ум. Превыше всего ценил дело, действие: «Человек создан для действия, а не для умствования». По мнению Гейне, он был величайший гражданин в немецкой литературе. Именно потому Чернышевский, главный идеолог русского демократического движения, поставил Лессинга выше Гете и посвятил ему основательный труд – «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность».

Оценили ли соотечественники его гражданственность? Вышедшая на исходе XX века книга, где собраны многочисленные документы, рецензии, доклады, отзывы о произведениях Лессинга, названа так: «Лессинг – непоэтический поэт». Compliment ли это в глазах потомков или?.. А впрочем, стоит ли ломать голову над этой дилеммой, ведь его творчество – это не чистая поэзия, а скорее смесь литературы, полемики, острословия и философии. Искусством, богословием, археологией, поэзией, театральной критикой занимался он с равным воодушевлением. Необычайная мощь таланта оплодотворяла разнообразные художественные стремления Лессинга. Особенно ярко это проявилось в «Натане Мудром».

«Он был живой критикой своего времени, и вся его жизнь была полемикой», – пишет о Лессинге Гейне в своей известной работе «К истории религии и философии в Германии». А время это в Германии было бесцветным, оно отмечено печатью скудоумия, догматизма и убогого провинциализма даже в области поэзии. И вдруг в этом сонном царстве появляются такие титаны, как Лессинг, Гете, Шиллер! Этому удивлялся еще наш Герцен. Лессинг, выделявшийся широтой мышления и видения, полемизировал не только и не столько с теоретиками искусства, сколько с представителями философской мысли, с теологами и церковниками. Он полагался на силу Разума. Лессинг не был восторженным идеалистом, он понимал, что Просвещение в Германии находится лишь в начале своего пути. Даже грамотным немцам недостает образования души, человеколюбия. Как просветитель он воевал с отжившими представлениями и застарелыми, но стойкими предрассудками. С юных лет он защищал идею естественного равенства людей. В одной из ранних пьес, еще лишенной художественного совершенства, двадцатилетний драматург попытался разрушить и вековое предубеждение немцев против евреев.

Пьеса так и называется – «Еврей». В основу положен эпизод, характерный для того времени. На барона и его дочь во время путешествия нападают разбойники, от которых их спасает незнакомец (он назван Путешественником), поразивший всех отвагой, благородством манер и изяществом одежды. Необычность ситуации состояла в том, что разбойниками оказались неверные слуги барона, переодетые и замаскировавшиеся под евреев, а спасителем стал настоящий еврей. Барон, не зная этого, готов отдать ему дочь в жены, но незнакомец признается: «Я – еврей!» Барон немало раздосадован этим «роковым препятствием». «Ну и что?! В чем же разница?» – спрашивает девушка. Служанка дергает ее за локоть и шепчет: «Тссс, фрейлейн! Тссс! Я вам потом скажу, в чем разница». Ее устами говорит простонародье, хранившее чуть ли не со времен средневековья страх и ненависть по отношению к евреям. Эту часть населения идеи Просвещения не затронули, как, впрочем, пока не коснулись они и благопристойных бюргеров, и аристократии.

Àã ýmúé óì è ì ííãñòíðííýü íããðáííñòü óæá òàì ìðæáæèè è íàì ó áíèì áíèá

Путешественник произносит монолог, выражающий позицию юного Лессинга. Приведем его без сокращений: «В качестве вознаграждения я не желал бы от вас, господин барон, ничего другого, кроме того, чтобы отныне вы говорили о моем народе в более умеренных выражениях. Я не скрыл от вас мою

религию, но, отмечая, что вы проявляете ко мне лично столько расположения, сколько отвращения вы испытываете к моим единоверцам, я счел достойным вас и меня воспользоваться дружбой, какую я имел счастье внушить вам, чтобы разрушить в вашем сознании несправедливые предубеждения против моего народа».

В европейской литературе традиция негативного изображения евреев была устойчивой. Только в эпоху Просвещения такие немецкие писатели, как Клопшток, Виланд, Иффланд, Коцебу, стали искать в еврее человеческое. Лессинг и здесь опередил многих. Лишь Христиан Геллерт за три года до него в романе «Жизнь шведской графини фон Г.» вывел группу богатых и притом бескорыстных евреев. Один из них спасает мужа графини из русского плена. Но этот первый опыт изображения «добрых евреев» прошел незамеченным, зато пьеса Лессинга вызвала полемику.

Насколько трудно преодолеть предубеждение, можно судить по тому, что после опубликования «Евреев» в 1754 году в «Геттингенских ученых ведомостях» появился отклик на пьесу явно антисемитского толка. Писал просвещенный богослов из лагеря «рационалистов», профессор Йоханн Михаэлис. Рецензент счел характер главного героя неправдоподобным: такой благородный характер, дескать, просто не мог развиваться в еврейской среде. «Даже заурядная доброта и честность очень редко встречаются между евреями, так что немногие примеры не могут в значительной степени смягчить ненависти (по мнению богослова, вполне заслуженной. – Г.И.) к этому народу».

Лессинг ответил Михаэлису публично, при этом для вящей убедительности сослался на возмущенное мнение по поводу рецензии своих знакомцев-евреев. Он цитировал письмо своего друга Мозеса Мендельсона, адресованное доктору Соломону Гумперцу, принадлежащему к известной семье просвещенных придворных евреев (Schutzjuden) из Берлина. Именно Гумперц познакомил молодого драматурга с Мендельсоном, когда пьеса уже была написана, но еще не опубликована и встречались они поначалу за шахматной доской. Вот как Лессинг характеризует своего друга: «Он действительно еврей, молодой человек лет двадцати трех или четырех (Мендельсон был ровесником Лессинга. – Г.И.), достигший без всякого руководства больших знаний в языках, математике, философии и поэзии. Я предвижу, что он будет честью своего народа. Его честность и философское направление его ума предвещают в нем нового Спинозу».

В письме Михаэлису Лессинг сообщает кое-что и о себе. Этот набросок ранней автобиографии полон самоиронии: «Что особенного, кроме своего имени, может сказать о себе человек, не служащий, не имеющий связей, не имевший особенного счастья? Родом я из Верхнего Лаузица (Саксония. – Г.И.), отец мой – пастор в Каменце. Какими похвалами я мог бы превознести его, если бы речь шла о постороннем человеке! ...Учился я в Мейсене, потом в Лейпциге и Виттенберге, но если бы меня спросили, чему я учился, ответить было бы трудно. В Виттенберге я получил степень магистра. В Берлине живу я с 1748 года и лишь раз отлучался из него на полгода. Я не ищу себе в Берлине никаких должностей, а живу здесь только потому, что не имею средств жить ни в одном из других больших городов. Если я означу еще свои лета, коих насчитывается 25, то и кончена моя биография. Что будет дальше, представляю я на волю Провидения».

А дальше было двадцать пять лет активной, но скудно оплачиваемой литературно-критической работы, были лишения, вынужденные переезды, отсутствие семейного гнезда, непонятная болезнь, неудачи и несчастья, интриги врагов, непонимание, клевета, смерть дорогих и близких. Конечно, были и победы, ведь Лессинг по природе был бойцом. Его пера боялись. Он знал радость творчества. Огромный успех принесла «Мисс Сара Сампсон» (1755), положившая конец подражанию французам на немецкой сцене и одновременно явившаяся первой «бюргерской трагедией». Однако литературный труд не сулит материального благополучия, и автору приходится искать место службы. Из-за необходимости стабильного заработка Лессинг вынужден покинуть Берлин, а ведь там сложился тесный круг друзей-единомышленников, куда входят потомственный книготорговец и издатель Фридрих Николаи и еврейский философ Мозес Мендельсон. Судьба обрекает Лессинга, человека живого, порывистого, общительного, на духовное и личное одиночество, от чего он и страдал более всего.

Лессинг готов был даже ехать преподавать в неведомую Россию, где основывался Московский университет, уже шли переговоры, но выбор пал на другого. И он отправляется в Лейпциг, где принимает предложение богатого купца Винклера сопровождать его в трехгодичном путешествии по европейским странам (тот хотел пополнить образование). Они успели посетить Голландию, а на пути к ней – ряд немецких городов: Магдебург, Брауншвейг, Гамбург. Однако известие о начале Семилетней войны, развязанной Фридрихом Великим в августе 1756 года, заставило их прервать путешествие. Лессинг возвращается в Берлин.

В эту пору в Берлине, как пишет Гейне, царили два Фридриха. Прусский король Фридрих Великий писал французские стихи, недурно играл на флейте, нюхал табак и верил лишь в силу пушек. Коронованный прагматик откровенно презирал немецкий язык, а потому этот «Соломон Севера», как назвал Фридриха почитаемый им Вольтер, никакого воздействия на немецкую литературу иметь не мог. Надо ли говорить, что Лессинга он просто не заметил. А ведь тот ходатайствовал о скромной должности в Королевской библиотеке, но получил отказ.

Второй же Фридрих, книготорговец Николаи, в течение сорока лет издававший журнал «Всеобщая германская библиотека» (1765-1805), которому предшествовали журналы «Библиотека изящных искусств» и «Литературные письма», неустанно трудился на благо немецкой литературы. Его в Берлине считали главным просветителем, что не мешало ему быть постоянным объектом критики и насмешек. Суховатый, прагматичный Николаи не скрывал радости при возвращении Лессинга, ибо именно ему в первую очередь были обязаны лучшими качествами и успехом его журналы. И Николаи, и еще в большей степени Мендельсон, также сотрудничавший в этих журналах, испытали благотворное влияние гения Лессинга, почитали себя его учениками.

Когда Лессинг познакомился с Мендельсоном, этот сын бедного переписчика Торы из Дессау уже четыре года жил в Берлине, куда он прибыл без гроша в кармане, едва умея говорить по-немецки. В момент их знакомства он служил бухгалтером у богатого коммерсанта, у детей которого прежде был домашним учителем. Юноша непрерывно занимался самообразованием. Спустя двадцать лет, после выхода его философского трактата «Федон, или О спасении души» (1767), берлинские интеллектуалы будут сравнивать его с Платоном, называть «немецким Сократом», а титулованные особы искать знакомства с ним.

Лессинг оценил способности молодого еврея, его пылкий ум и был очарован не только глубокой эрудицией, но и редким душевным благородством и кротостью. Сам он, в юности любитель танцев и фехтования, резкий, мужественный, энергичный человек, бесстрашный и беспощадный полемист, казался полной противоположностью Мендельсону. Тем не менее оба привязались друг к другу, и ничто не смогло омрачить их многолетней дружбы. Когда Лессинг станет писать «Натана», он вложит в уста героя свои заветные мысли, но наделит его чертами своего друга; главные среди них – добродетельность, мудрость и терпимость.

Пока же, в первые годы их знакомства, Лессинг направляет молодого друга. Некоторые трактаты они пишут сообща. Он помогает Мендельсону публиковаться и вводит его в круг берлинских ученых. Не будь Лессинга, ему, скромному бухгалтеру еврейской фирмы, вход туда был бы закрыт. Восприимчивый молодой человек сумел развить в себе такое чувство прекрасного, что его эстетические теории, в свою очередь, оказали влияние на Лессинга. Оно сказалось в знаменитом трактате «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766). Трактат был написан в Бреслау, куда уехал из Берлина Лессинг в поисках заработка, устав сверх меры от журналистской поденщины. Пять лет служил он секретарем при губернаторе Силезии, нередко сопровождал генерала к местам военных действий, ко двору Фридриха. Но при этом не упускал случая покопаться в прекрасной библиотеке, имевшейся в Бреслау, много писал, продолжая свою одинокую борьбу за новые пути развития Германии и ее искусства.

Комедия «Минна фон Барнхельм, или Солдатское счастье» (1767), написанная здесь, закрепила его славу ведущего немецкого драматурга. Он, коренной саксонец, не побоялся представить в ней прусского офицера человеком благородным, честным, чуждым узкого национализма. А ведь только закончилась Семилетняя война, в которой Пруссия противостояла Саксонии! Сознывая ущербность местного патриотизма, считая его признаком провинциализма и просто дурного тона, Лессинг указал немцам на общечеловеческий характер добродетели.

В эту же пору получает признание его деятельность критика и теоретика драмы и театра. А критиком он был первостатейным. Шиллер на пороге XIX века писал Гете: «Совершенно бесспорно, что из всех немцев, живших в одно с ним время, Лессинг вернее всех судил об искусстве, проницательней и вместе с тем либеральней всех о нем рассуждал, самым неукоснительным образом ухватывая при этом главное».

Новым этапом в борьбе за немецкий театр стала его «Гамбургская драматургия» (1767–1768). Однако надеждам обосноваться в вольном ганзейском городе Гамбурге не дано было сбыться. Уже в мае 1767-го, спустя месяц после открытия новой сцены, Лессинг писал брату: «С нашим театром творятся дела, которые мне не по душе. Антрепренеры вздорят и ссорятся друг с другом, и никто не может понять, кто же, собственно, повар, а кто слуга». Театр, куда он был приглашен на роль драматурга, просуществовал около полутора лет и закрылся. Сформировать нового зрителя Лессингу не удалось. Гамбургская публика была, по

его словам, «равнодушна ко всему, кроме своего кошелька». Здание театра стоит и поныне, его показывают туристам, а вот дом, в котором заседала масонская ложа, членом которой стал Лессинг, не сохранился.

На последних страницах «Гамбургской драматургии» Лессинг подвел неутешительный итог: «Пришла же в голову наивная мысль основать для немцев Национальный театр, когда мы, немцы, не являемся еще нацией...»

Попытки найти службу в Берлине были безуспешными. Впрочем, в эту пору Лессинг уже глубоко разочарован в берлинских «свободах», о чем, не таясь, пишет Николаи: «Пусть найдется кто-нибудь в Берлине, кто захотел бы возвысить голос за права подданных против эксплуатации и деспотизма, – ему скоро станет ясно, какая страна в Европе по сей день самая рабская».

В 1770 году Лессинг скрепя сердце принимает приглашение герцога Брауншвейгского, самодура-деспота, каких в Германии было предостаточно, и направляется в Вольфенбюттель библиотекарем. В этой должности он состоял до конца жизни. Хотя его и возвели в надворные советники, и избрали в Берлинскую Академию, заработок остался мизерным, подчас он терпел жестокую нужду, однако при этом регулярно помогал матери и сестрам. В Вольфенбюттеле написал он трагедию «Эмилия Галотти» (1772), здесь создавался и «Натан Мудрый» (1779).

Здесь испытал он недолгое счастье супружества. В 1776 году он наконец обвенчался с любимой Евой, с которой был давно помолвлен. Ева была вдовой знакомого купца, матерью четверых детей, заботу о которых он принял на себя. Перед Рождеством 1777-го она родила Лессингу сына, но на второй день мальчик умер. Мать пережила его на две недели. «Радость моя была недолгой: я лишился сына и горько его оплакиваю, ибо в нем было столько разума, столько разума! – писал Лессинг своему верному другу профессору Эшенбургу в Брауншвейг. – Не подумайте, будто короткие часы отцовства успели превратить меня в такого одуревшего папашу-болвана. Я знаю, что говорю. Разве это не было проявлением разума, что его пришлось тащить на свет железными щипцами? И что он сразу распознал неладное? Разве это не было проявлением разума, что он воспользовался первой же возможностью, дабы снова покинуть этот мир? Правда, маленький негодник того и гляди утащит за собой и мать, ибо надежда, что мне удастся сохранить ее, все еще слаба. Единственный раз я захотел обрести те же нехитрые радости, что и прочие люди. Но видно, не судьба».

Мендельсон посетил Лессингов за две недели до трагедии и порадовался счастью друга. Сам он был уже женат, стал отцом трех сыновей и трех дочерей. В Вольфенбюттеле его приняли как родного, и он покидал друга со спокойной душой, отметив несвойственное ранее Лессингу состояние умиротворенности, которое «господину Мозесу» было куда ближе бурлящей язвительности.

В беседах друзья то и дело возвращались к истории, которая случилась вскоре после выхода «Федона». Это была неприятная история, но она заставила Мендельсона проявить твердость, которой от него многие не ожидали. Лессинг письмами поддерживал его и радовался победе. Суть же дела была такова. Иоганн Лафатер, молодой пастор-визионер из Цюриха, увлекавшийся физиогномикой, был представлен Мендельсону и буквально влюбился, считая, что лицо философа есть отражение его прекрасной и благородной души. Прочитав «Федона», написанного в платоновском духе, Лафатер пришел к заключению, что философ-иудей на пороге обращения в христианство. И вот, переведя на немецкий с французского брошюру женеевского евангелического теолога «Об истинном христианстве», Лафатер предпосылает переводу посвящение Мендельсону. При этом он предлагает ему или опровергнуть доводы профессора, или принять их, «как поступил бы сам Сократ на его месте». Мендельсон вынужден был ответить публично. Он вступил в навязанный ему бой.

Лессинг гордился другом. Хотя он не участвовал в диспуте, художник Мориц Оппенгейм через сто лет запечатлеет на своей картине троих: Мендельсона, Лафатера и... Лессинга. И он был прав: мысленно Лессинг был рядом с другом и письмами побуждал его выступить с открытым забралом, тем более что они оказались в этом вопросе единомышленниками.

Замысел «Натана» родился у Лессинга при чтении «Декамерона» Боккаччо. Его заинтересовала знаменитая новелла восточного происхождения о трех кольцах, которую рассказывает султану еврей Мельхиседек. В одном роду от поколения к поколению отец передавал любимому сыну драгоценный перстень. Получивший перстень становился главой и правителем рода независимо от права первородства. Последний владелец реликвии имел трех сыновей, которых он одинаково любил. Почувствовав приближение конца, отец заказал ювелиру еще два перстня, неотличимые от первого, и, умирая, вручил наедине каждому из сыновей по кольцу. После смерти отца начались склоки, свары и вражда. Братья не

мудрость Натана и назвал его своим другом. Тот же воспользовался расположением властителя, чтобы замолвить слово за пленного рыцаря.

Между тем Натану предстоит встреча со старым послушником. Ему патриарх поручил найти преступника-жида, который, приняв у себя христианское дитя, лишил его вечной благодати. И тут выясняется, что пути послушника и Натана уже пересекались. Невольно вспоминается трагедия Софокла «Царь Эдип», предваряющая страшную развязку сцена встречи Эдипа и старого пастуха, владеющего роковой тайной. У Лессинга, восторженного почитателя античности, развязка вовсе не катастрофична. Зритель узнает, что христианскую девочку когда-то вручил Натану нынешний послушник, вручил в страшный для еврея момент: тот жестоко оплакивал гибель жены и семерых сыновей, сожженных заживо христианами во время погрома в Гате. Натан принял девочку как дар Б-жий, посланный в утешение, и возблагодарил Всевышнего, хотя еще недавно корил его и клял. Послушник, отдавая ребенка, сообщил, что мать девочки была из рода фон Штауфенов. Теперь же, при новой встрече, он вручает Натану молитвенник, который снял с груди погибшего в бою близ Аскалона рыцаря, отца девочки, слугой которого он был в ту давнюю пору. Как это ни удивительно, но записи в молитвеннике немецкого графа, носившего имя фон Фильнек, сделаны персидской вязью. Натана это не удивляет: он был знаком и даже дружен с этим славным рыцарем, он знал, что тот по происхождению не немец, хотя бывал в Германии, принял христианскую веру и женился на женщине из рода фон Штауфенов.

Тайна, которую Натан хранил, раскрыта: его Рэха и влюбленный в нее храмовник – брат и сестра. Но это еще не все: их погибший отец, скрывавшийся под именем фон Фильнека, – родной брат султана. Открыв молитвенник, Саладин узнает почерк брата. Финальная сцена завершается молчаливыми объятиями.

Лессинг обещал: «Это будет такая же трогательная пьеса, какие я писал всегда». Но ни одна из его пьес не вызвала такой бури. Лессингу не простили критики христианства. Гете сразу почувствовал, в кого метил автор: «“Натан Мудрый” – пьеса против попов». Единственный отрицательный персонаж пьесы – это патриарх Иерусалима. И если этим еще не все сказано, приведем некоторые критические оценки, которые принадлежат не только мусульманам – султану и его сестре, но самим христианам.

Возражая Саладину, правителю великодушному и щедрому, далекому от фанатизма и предрассудков соплеменников, его сестра указывает на несбыточность его мечты о мире с крестоносцами, который он хотел бы упрочить браком между своими родственниками и родственниками Ричарда Львиное Сердце:

Í á çá ááóóï òñ òðèíðèáí è çá àòíí í í èð í á òí : áéóíí

Ñí áíé áíý èð ñ òáíí òú: í á èð áúí è,

À òðèíðèáí àí è í á áúòú, ò àé ñéúòú

Ááúí ááæá í èéíí òðèá èá Òðèíðè í áí,

Í á çáéóó áí í í á èð ñííááðííí,

Í á : áéí áá: í ñò úð í òáéúí ááò èð,

À òí èúéí ò áí, ÷ òí ò àé ááí àé Ò: è ò áéú

Ááò í èèóú ò òðèíðèáí

Òáðè ò èð áí áú, èí ò ñòð Æííáí ó í èé

Áéí æ èé á ñáðóá áííð æ áí ù èí è í ææ: èí.

Молодой храмовник в беседе с Натаном указывает на иудеев как на народ, который принес в мир идею своей избранности и заразил ею представителей других конфессий:

Í à áí! В í áí ááéíð è í á í è ò àð

Ê íãðíãó àãøàí ó íí íáí íãó

Í áí ðãçèðãòó àã ã ðãííé, í àí è

Áííí ðéíçòíé è í èðíí ì óíéíí àííéèí :

«Èèøóí íãø Á-íí íãíí ãíòó èíòó è Á-ã»

Некоторые иудеи отметили этот критический пассаж и напряглись: не такой уж, дескать, юдофил Лессинг, вот и он бросил камень. Но я, не будучи ортодоксом, в Лессинга камня не брошу. Разумеется, храмовник далек от понимания значимости монотеизма, родившегося у еврейского народа и со временем одолевшего язычество. Он не настолько просвещен, чтобы видеть в иудаизме источник двух других мировых религий. Он определяет идею богоизбранности, родившуюся у евреев, как гордыню. При том этот герой, честный, независимый, нравственно стойкий, преодолев предрассудки, поднимается до осуждения религиозных братоубийственных войн и тем самым осуждает дело, которому служит. Разве этого мало?

Áàí ñòðàí íí, ÷òí ç, ððàí íáí èé, çòí ãáíøð?

Í í ãã, èíãã ñéáí íá è çããáðíòãí

Ñ òãéèí ñéðãííí ðãííéáí ðãøãéííí

Çà áãðó áéòóíç á «Á-ã ñáíãã»,

Í ðíáí çãøàòó ãã èèøóí èíòó ìí Á-ãí,

Í áãçíãòó ãã ãðãéí íãðíáí ?

Èíãã è ãã òãéíá ííéáí éáí íá

Á ñòíéú ÷ãíí íáéééá ñãç çãçéí,

Èáé íá ñé÷ãí è çãííí? Óãééú í íãçéá

Í á óí ããò ñí ðí çããøéð ããç èðãééð?

Í í ñí íòðçò è íá áéãçò!

Это же Лессинг вопиет устами своего героя. Он хочет докричаться до своих соплеменников-современников. Разъяснять его слова нет необходимости, они ясны. Имеющие уши да услышат. Но слышать не хотят.

И если слова храмовника могли как-то «зацепить» евреев, то речь послушника, обращенная к Натану, должна была бальзамом пролиться на их душевные раны:

Á áãóçí ... èðáíáí íøéíáé, í íãéãéé, áãíí ððéíòéáí ñéíé.

Óðéíòéáí éííí ñòàòó ãííããà óíí áãóíí!

Ðííéá áú áãíí÷éá çãíðíáé, áíãðíé,

Í íá áãéòãéííí ìí íáãçíðíí áãøéí, Á-ã

Áá ñí÷éòãé áú òíé, ÷áí òà áúéá

È ðãçáá óðéíòéáí ñòãí ãííá íá áúøéí

Èç èúúéñò áá? Í, éàé ÷ àñòí ÿ

Áíñáí ááé í à òí è ñéáí ééé

Í áá ò áí, ÷ òí òðéñò è áí á çáúúáñò,

× òí è Ñí áñé ò áéü í àø áúé è úúáíí .

Послушник как бы предвосхищает молодого Лютера, который, до того как стать антисемитом, обратился к пастве с памфлетом «Иисус Христос рожден был евреем». Лессинг позволил себе напомнить это своим врагам.

В беседе с послушником молодой рыцарь высказывает другую крамольную, но весьма трезвую мысль:

Ðáééáÿ, éàé ÿ úñí áé í ññò è ÷ ù

Áñòü ò à æá í áððèÿ, è éàé áú ò ú

Í è í íéé ñáÿ áí á í áððèé ñò íÿüéí,

Òú ñáí, ò íñ í á ñ çí ááÿ, áé

Í íéí ò ñí ñéáé è òü

Однако ни султан, ни храмовник изначально не свободны от предубеждений против евреев. Лишь постепенно проникаются они уважением к Натану, который превосходит их мудростью и терпимостью. Философское зерно пьесы составляет притча о трех кольцах, которую Натан рассказывает султану. Сохранив канву новеллы Боккаччо, Лессинг внес в нее новые мотивы, значительно меняющие смысл. Натан наделяет родовой перстень чудесным свойством: «кто с верою носил его, угоден был и Г-споду, и людям».

У Лессинга рассорившиеся после смерти отца братья обратились к судье, чтобы он решил распрю и сказал, какое из колец истинное. И тут последовал ответ поистине неожиданный. Судья напомнил, что кольцо обладало таинственной силой привлекать благоволение, между тем три брата ожесточены друг против друга. Отсюда вывод: все три кольца поддельны.

Áúòüí íæáò, áàø í ò áá í á çáúí ò áé,

Чтоб воцарилась в роде тирания

От перстня одного. Он вас любил,

Как видно, равно всех, не потому ли

Он не решился двух из вас обидеть

На пользу одному? Так подражайте ж

Отцу в любви, и строго неподкупной,

И чуждой предрассудков. Силу перстня,

Какой кому вручен, друг перед другом

Наперерыв старайтесь обнаружить...

И если та же сила неизменно

Проявится и на потомках ваших, -

Зову их через тысячи веков

Предстать пред этим местом. Здесь тогда

Другой судья – меня мудрее – будет.

Он скажет приговор...

Согласно Лессингу, не религиозная принадлежность, а деяния должны служить мерилем при оценке личности и народов. Задача каждого состоит не в том, чтобы провозглашать свое вероучение единственно верным, а в том, чтобы завоевать уважение других своей жизнью, делами. Идеи гуманизма пронизывают не только притчу о кольцах, но и всю драму: герои, разделенные религиями и предубеждениями, встречаются в финале, чтобы узнать о своем родстве и обнять друг друга. Утопия волею автора реализована. Век Просвещения еще питал надежды, но XX век их похоронил.

«Натан Мудрый» – драматизированное изложение начал новой религии, полной простоты и свободы. Имя ей сегодня – экуменизм. В пьесе, по словам Шлегеля, передан «нравственный восторг перед нравственной силой». Христианская среда не готова была принять, с одной стороны, идею веротерпимости, с другой – еврея Натана. То, что имя его вынесено в название пьесы, что он представлен носителем лучших человеческих качеств, что мудрость еврея возвышает его над остальными героями и потому ему доверены революционные для того времени мысли автора, не могло не задеть немцев. Но Лессинг, отстаивая свои позиции, не деликатничал. Он знал цену своим согражданам.

Известен анекдот: к Лессингу пришел директор провинциального театра, напыщенный немец, и торжественно объявил, что он хочет поставить «Натана Мудрого».

– Кто же сыграет Натана? – удивленно спросил драматург.

– Натана буду играть я, – самодовольно ответил гость.

– В таком случае кто сыграет Мудрого?

Анекдоты на пустом месте не возникают.

Многие уверовали – евреи даже в большей степени, чем немцы, – в то, что Натан – это портрет Мендельсона. Они заблуждались: Натан – образ-символ, воплощение идеального человека. Мендельсон послужил моделью для Натана: многолетняя дружба, сердечная привязанность к философу-иудею повлияли на характер и повадки сочиненного Лессингом литературного героя, включая даже такую частность, как увлечение Натана шахматами.

Сразу после смерти друга Мендельсон, оценивший философскую глубину пьесы, пишет письмо Карлу Лессингу, брату покойного. Там есть такие строки: «Говорят, что Коперник открыл свою систему и умер. Биограф Вашего брата сможет сказать, что он написал “Натана Мудрого” и умер. ...В своей деятельности он обогнал свое столетие более чем на один человеческий век».

Гражданская позиция Лессинга неприятно поразила немецкое общество. Это сказалось даже на последующих оценках некоторых историков культуры. Отдаленные потомки, начиная с Дюринга, продолжали обвинять Лессинга в любви к «этим евреям». В 1919 году Адольф Бартельс выпустил книгу «Лессинг и евреи», проникнутую просто зоологическим антисемитизмом. Ее переиздали в 1934-м и очень чттили нацисты. По этой причине сегодня в библиотеках книгу не выдают на дом, ее запрещено копировать. В «исследовании» Бартельса все предсказуемо, но идеи его живучи.

Любопытно другое: Франц Меринг в известной и во многом блестящей книге «Легенда о Лессинге» (1893), борясь с фальсификаторами, наводящими хрестоматийный глянец на великого немца, напротив, представляет автора «Натана» свободным от пристрастий, особенно от симпатий к евреям.

Меринг – левый социал-демократ, его не заподозришь в антисемитизме, но ему бы хотелось провести Лессинга по ведомству марксистов-интернационалистов и потому он утверждает: «Всякая нетерпимость была ему глубоко противна, и он бичевал ее всюду, где находил, – у христиан ли, у евреев или у мусульман». Заявление о том, что Лессинг бичевал еврейскую нетерпимость, представляется спорным. Меринг полагает, что Лессинг вступился за преследуемых евреев, «лишь в той степени, в какой вступился бы за преследуемых иезуитов». Приравнивать притеснения, которым подвергались евреи, с гипотетическими преследованиями иезуитов – явная натяжка. Видимо, левые и правые уклоны в оценках Лессинга ведут к искажению его облика.

Как Просветитель Лессинг верил в действенную воспитательную силу Искусства. Сцену он рассматривал как своего рода трибуну. «Натан Мудрый» был поставлен в Берлине вскоре после смерти автора, но принят был холодно. Лишь после того как пьеса стараниями Шиллера и при содействии Гете была сыграна в Веймаре, разговоры о ее «несценичности» утихли. С тех пор много воды утекло. В век крушения гуманизма увяла и вера в силу искусства. «Каким бы суровым обвинением ни являлось искусство, оно никогда не могло воспрепятствовать победе зла. Все осмысляя, оно никогда не преграждало дорогу самой кровавой бессмыслице», – это горький итог размышлений Томаса Манна.1

И вот 7 сентября 1945-го берлинцы смотрят спектакль «Натан Мудрый». Их жжет стыд позора, но это огонь не смертельный, в нем не сгорают. А о тех, кто сгорел в другом пламени, кто стал дымом и пеплом, им еще не раз придется вспомнить. Более сильного напоминания, чем «Фуга смерти» Пауля Целана, прозвучавшая в 1947 году, я не знаю. Она вся построена на кольцевых параллелях, как притча Натана Мудрого. Приведу начало и финал этой фуги:

xādī fāi fēfēf dānīāō à i ū iūūi āā āā:ādīi
iūūi āā ā i fēāāi ūē ōōdīi iūūi āā fī:īp
i ū iūūi āā iūūi
i ū ā i āāi fāēō ēīiāi ēāēō ūōāi fā ōāīī f
ā āīi ā āēāō ÷ āēīāē fī ēāāō mī cī āyī ē iēōāō
ōāi fāō ā āādī āīēp iēōāō āīēīī ōāīēō cīēī ōī ī ādāāōā
fī iēōāō āīōīāēō ēçāīi ā ā çāçāū fāāēāpō fāēīō ēīi fāēō i mī ā i fāçīāāō
āāāā fāēīō ēīi mī çīāāō āēēō ÷ ōīā i fāēō ēīi āēē
ēdē:ēō fāi ōāi āō ēāāō ū
xādī fāi fēfēf dānīāō à i ū iūūi ōāy fī:īp
i ū iūūi ōāy ā i fēāāi ūm ādō ūyōī i āīōād fāi āēēē
i ū iūūi ōāy āā:ādīi ōōdīi i ū iūūi ōāy iūūi
mī ādō ūyōī i āīōād fāi āēēē āēāç ō fāāī āīēōāīē
dāçēō ōāy i ōēāē fāēī ōīāīē dāçēō ōāy ōāādīē dūēīē
ā āīi ā āēāō ÷ āēīāē āīēīī ōāīēō cīēī ōī ī ādāāōā
fī fāīōō mī ōīēāō fā fāāīī āādēō fāi ā fāāi fāēō
fī ēāāō mī cī āyī ē āīāçēō mī ādō ūyōī i āīōād fāi āēēē

ἀείν ὀαῖεῶ σῆϊοῖ Ἰ ἀάαδὰ

ἀείν ὀαῖεῶ ἰαῖε Νεαῖ εῶῖ

(Ἰ ἀάα Ἐ. Ἐῖεοαῖ ἰαῖε)

Немецкая история оказалась жестким драматургом. Кто несет бремя вины за то, что «Натана» играют в сентябре 45-го как пьесу, которой запоздало хотят исправить непоправимое? Почему в ней раньше не видели поучительной пьесы, почему ее не прочли своевременно, не поняли и не оценили? На эти отнюдь не риторические вопросы немцы отвечают уже полвека. Некоторые устали отвечать, кое-кому вопросы надоели. Австрийский драматург Гуго фон Гофмансталь в юбилейной речи еще в 1929 году высказался очень определенно: «Значение Лессинга для нации состоит в его противостоянии ей». Не захотели прислушаться: против нас – значит, не с нами. Способна ли сегодня Германия следовать за своим Воспитателем?

УШЛИ, НО ОСТАЛИСЬ

Ī āēācāī ēā āāc ī dāñō ōī ēāī ēy

Ā. Ēādāēī

Ī ādāī ā cī āēī ī ñō āī

В послеоктябрьские годы сонмы провинциалов хлынули в Москву. Те, что чувствовали себя победителями в гражданской войне, теперь намеревались окончательно покорить новую столицу. Побежденные предпочитали «затеряться в толпе». Хватало и просто поддавшихся «охоте к перемене мест». Намеревавшихся обновить свое бытие. Дать детям хорошее образование.

Попав в Москву, юный уроженец украинского городка Сновска настолько освоился, что еще школьником стал знаменитым комсомольским активистом, а потом – арестантом.

В школе вместе с ним учились дети, выражаясь тогдашним сленгом, «ответработников». Папаши похлопотали, где надо, и авторитетного среди сверстников комсомольского вожака выпустили на волю. Однако полученный неведомо за что урок Анатолий Рыбаков не забывал до конца дней.

Он вообще оказался не из забывчивых. Память нередко подсказывала ему кардинальные решения и диктовала повседневное поведение. Помогала понять наступивший день и угадать завтрашний.

Популярный московский институт инженеров транспорта он завершил в 1934 году, а вот относительно того, что «долго работал по специальности» («Краткая литературная энциклопедия»), придется кое-что уточнить. До войны оставалось семь лет, до тридцать седьмого – рукой подать. Рыбаков, уже знавший цену громких слов и вкус тюремной пайки, решал, где и сколько ему работать, периодически меняя места жительства. Благо овладел не только инженерно-транспортной профессией, но и высоким мастерством обучения входившим в моду западным танцам. Именно эта вторая специальность выручала его в странствиях. Умело подобранные ученицы – секретарши из различных инстанций, причастных к карательным органам, – давали знать, когда в городе начнется очередной отстрел «врагов народа». И учитель, прервав фокстротное па, исчезал без следа. С началом войны – на фронт. В огонь не лез, но и не отсиживался в укромном местечке. Инженер-транспортник, он ведал службой ГСМ (горюче-смазочных материалов) в одной из полевых армий. Служил на совесть. Это позволило, словно бы невзначай, решить одну из немаловажных задач – снять судимость, висевшую на инженере еще со школьных лет.

Но от всех фронтовых передряг не уберешься. Искупался в ледяной воде – нажил неизлечимый полиартрит...

Научившись трезво оценивать обстановку, Рыбаков не сомневался в послевоенном «закруте» и менее всего мечтал о заполнении «личного листка по учету кадров». (Существовало несколько разновидностей этого документа. Имелся и особый – с деликатными вопросами насчет места захоронения родителей.)

Демобилизовавшись, Анатолий Наумович по возможности подыскивал труд, не сопряженный с заполнением «листка». И нашел. Начав «Кортиком», написал еще несколько популярных детских книг. А спустя десять лет после войны завершил близкий ему по материалу, по ситуациям роман «Водители». За него удостоился Сталинской премии. Человек, чье имя носила эта премия, при обсуждении кандидатур поинтересовался – так, на всякий случай, – не состоял ли автор романа в троцкистской оппозиции. Ко всему готовый А. Фадеев заверил: не только в оппозиции, он и в партии никогда не состоял. Вождь удовлетворенно кивнул и затанулся трубкой.

Должен признаться: в те годы, еще служа в армии, я и в глаза не видал детских книжек Рыбакова. Не брал их в руки и позже, когда он, по праву дружбы, требовал прочтения.

«Водителей» же, едва они появились, осилил без труда. Роман был не хуже, а, быть может, лучше других, отмеченных высокой премией, означавшей, что автор не просто принадлежит к писательскому сообществу, но составляет ту его ценную часть, которая пользуется особым доверием и высоким покровительством. Это выразалось вполне материально: гонорары, жилье в Москве, дача в Переделкине.

Рыбаков ничем не пренебрегал. Но не чувствовал себя купленным или обязанным в знак благодарности каждой книжкой подтвердить свое верноподданничество и лауреатский статус.

Читая «Водителей», я в то время не предполагал, что судьба сведет меня с их автором, что нас свяжет многолетняя дружба.

***

В дверь резко постучали. Так не заведено было в переделкинском доме творчества, где по коридорам ходили чуть не на цыпочках. Однако на пороге уже стоял невысокий кряжистый человек в летней рубашке с распахнутым воротом. Абсолютно незнакомый.

– Рыбаков Анатолий Наумович.

– Очень приятно, – поддержал я светское знакомство. – Видно, вы ошиблись дверью. Но ничего...

– Я не ошибаюсь. Считаю своим долгом выразить вам благодарность.

– Перед строем или лично?

Но Рыбаков шутливого тона не принял. Я же не мог понять, в чем дело. Его творения меня не шибко занимали. Пускай считает, что отблагодарил, и отправляется на все четыре стороны.

Пришелец, тем не менее, и в гостях чувствовал себя хозяином. Не дожидаясь приглашения, уселся в кресло, стоявшее в углу, закинул ногу на ногу и предложил собираться. Он-де докажет мне свою правоту.

Не обладая золотым характером, я охотно послал бы его подальше. Но удерживал возрастной ценз. И, как-никак, положение хозяина. Да и держался гость хоть и весьма свободно, однако не по-лауреатски.

Мы шли сперва улицей Серафимовича, потом по Довженко. Это был уже Мичуринец – поселок, примыкавший к Переделкину. В конце его тянулась одноэтажная дача, напоминавшая трамвай. Одна ее половина принадлежала Анатолию Рыбакову, другая – Маргарите Алигер.

Обстановка у Рыбакова оказалась довольно аскетичная. Книг сравнительно немного. На стене портреты: видимо, родительские. От руки выполнен девиз, явно обращенный хозяином к самому себе: «Чтобы написать, надо писать».

Следов женщины незаметно. Но и холостяцкая запущенность не дает себя знать. Несмотря на их затяжной развод, в будущем мне предстояло познакомиться с женой, с Натальей Давыдовой. Она и поныне звонит нам. Теперь уже из Германии, поскольку в определенный момент вспомнила о своих немецких корнях.

Непредвиденный визит на окраину Мичуринца имел для меня куда более серьезные последствия, нежели можно было предположить в день первой встречи.

Хозяин упорно шуровал в ящике письменного стола, где мне на зависть царил порядок, рылся в папке. Удовлетворенно извлек вырезку – мою недавнюю статью из «Литературной газеты». Красным карандашом подчеркнута фраза. Ее нехитрый смысл: зря критики обрушились на роман «Лето в Сосняках» – лучшее из написанного А. Рыбаковым. Только-то.

- И это все? – искренне удивился я.
- Доброе слово и кошке приятно. Вы-то должны понимать.
- Лично я добрыми словами не избалован.
- Потому и захотелось мне свести с вами знакомство.

Меня несколько настораживал такой рационализм. Но привлекала откровенность.

Относительно этих двух свойств я не ошибся. Но и они были не совсем заурядны. А кроме того, дополнялись многими другими и подчас давали себя знать достаточно неожиданно. Иные поступки Рыбакова удавалось предугадать, иные решения – ни за что.

После чаепития Рыбаков проводил меня к Дому творчества. Из беседы я вынес убеждение, что свои романы он сочиняет отнюдь не по «велению души». Что ж, не такой уж оригинал в советской литературе.

Но при этом хозяин дачи дал понять, что копит силы, не спеша, впрочем, раскрыть, чего ради. В этом было что-то от военной тактики. Я же был научен ее уважать.

Вскоре мы без всякого брудершафта перешли на «ты» и встречались уже постоянно. Наступили времена – ежедневно. Тем более, что Рыбаков чрезвычайно расположился к моей жене и чутко прислушивался к ее замечаниям литературного свойства. Мелочным самолюбием не страдал. Более крупные обиды запивал коньяком. Огрызался: «Ну что привязалась? Ну не перевел я эту повесть на язык художественной прозы. Бывает...»

Ī ōīāēāī à Ī÷āāāī īñōē

Эта проблема нередко возникает перед писателем, когда он в зените творческих сил. Закономерно возникла она и перед Анатолием Рыбаковым. Но делиться своими планами он не торопился. Он вообще не принадлежал к тем, кто спешит откровенничать, когда дело касается того, что вышло из-под его пера.

Мы с женой были среди первых слушателей двух главных его романов, принесших ему известность в стране и за ее пределами. Создавались они на наших глазах, читались по частям. Мнение о них складывалось годами. В том числе и тогда, когда Рыбакова не стало...

Я стараюсь не преувеличивать значение нашей дружбы, помня, помимо прочего, что она знала разные стадии. Но если далеко не всегда воцарялось единомыслие, то чувство солидарности, искренняя товарищеская поддержка романиста, одним из первых рвавшего пути соцреализма, была величиной постоянной. Моя близость к «Новому миру», возглавлявшемуся А.Т. Твардовским, вполне закономерно и логично определяла и мое отношение к А.Н. Рыбакову, явно вступившему в новую стадию работы, то и дело прерываемой поездками, встречами, – как правило, небезотнотительными к новой рукописи.

Замысел «Детей Арбата» меня радостно поразил. При всей своей дерзости замысел этот – истинно рыбаковский. Даже если сюжет и отличен от тех, что остались у Рыбакова позади. Отличный рассказчик, А.Н. умел, беседуя, передать главное, постоянно следя за твоей реакцией, иногда нарочно мог спровоцировать спор, дабы выйти победителем.

Но победит ли он в неравном единоборстве с редакторами, цензорами?

Этой стороны, однако, мы до поры, до времени не касались, по возможности старались избегать. «Чтобы написать, надо писать».

А вот «Тяжелый песок», винюсь, оценил отнюдь не сразу. К тому же работа над ним означала, что «Дети Арбата», на моих глазах ставшие частью Толиной жизни, откладывались на неопределенный срок.

Признаться, мне это казалось странным, я чего-то не улавливал, преувеличивая, видимо, рыбаковскую рациональность и не замечая внутренних борений.

Знал о его давнем романе с Таней В. Но не представлял себе меры серьезности. А в планы будущей жизни он тоже не торопился меня посвящать. Неожиданно попросил как-то отвезти их обоих на Внуковский аэродром. Лишь тогда до меня что-то дошло. Согласившись доставить пассажиров по указанному адресу, я тут же смотался в Москву и купил цветных шариков, какими украшали машины, едущие в ЗАГС.

Назавтра в урочный час «жигуленок» с разноцветными шариками затормозил у рыбаковской дачи. Вызвав у Толи ярость. Лишь Танино присутствие удерживало его от мата. Она же хохотала, как безумная.

Так в машине с шариками я и доставил их во Внуково. Отсюда начинался новый этап рыбаковской жизни и работы.

Я не сразу сообразил, что чувство к Тане побудило Рыбакова безотлагательно приняться за «Тяжелый песок». Хотя Танин отец сгинул не в гетто, а в Гулаге.

Уже после возвращения с юга Толя ездил куда-то, кажется, на Черниговщину, и, вернувшись, позвал к себе. Пустил магнитофонную пленку. То был рассказ его тетки. Мы слушали, словно зачарованные.

Только теперь начинал я понимать подспудную историю «Тяжелого песка». Только теперь начало проступать и особое авторское отношение к новому роману. Он не «собирал» для него материал. Он погружался в эпоху, в человеческие судьбы, и теткин повествование, сюжетно не совпадающее с романом, было необходимо для него. Сама повествовательная интонация играла роль колоссальную.

Да, завоевание белокаменной, столичные вузы и столичные романы, война и послевоенные времена, горестно не совпавшие с теми, о каких мечтали в окопах. Но сверх того в чьи-то сердца стучал пепел гетто...

Прослужив большую часть войны в стрелковой дивизии (до дивизии – Особая бригада Судоплатова, окутанная строгими тайнами), я ни разу не видел гетто, не слышал о нем. И не потому лишь, что гетто ни разу не попадалось нам на боевом пути. Сама тема эта отсутствовала в информации, в пропаганде. Годами из памяти методично вытравливали Бабий Яр. А когда Виктор Некрасов напомнил о нем, на писателя обрушились с небывалой яростью. Словно он разгласил государственную тайну. Вызвали в киевский ЦК, и высокий чин, прежде чем начать официально драконить самоуправца, доверительно склонился у него над плечом: «Что, Виктор Платонович, трудно быть порядочным человеком?» (Воспроизвожу эту трогательную сцену со слов В. Некрасова.)

Наверху сознавали всю подлость замалчивания и – замалчивали. Особенно еврейское сопротивление, восстания в гетто.

Государственный антисемитизм не ограничивался кампанией космополитизма, «делом врачей», шутловством антисиионистского комитета. Выдающийся летчик-испытатель, участник поединков с гитлеровскими ассами, наставник первых советских космонавтов Марк Галлай рассказывал мне, как, спасаясь от участия в пресловутом антисиионистском комитете, скрывался в полку известной летчицы В.С. Гризодубовой, прекрасно понимавшей его положение. Мне это было особенно приятно: в войну довелось прыгать с ее самолета, а когда спустя много лет на каком-то сабантуе я робко ей об этом напомнил, она обняла меня: «Спасибо, что живой...»

Потокам государственной лжи, дружно распространявшейся всеми средствами информации (замалчивание – разновидность лжи), Анатолий Рыбаков противопоставил полновесное художественное слово, выстраданную боль. Беспримесную правду бытия. Он создавал роман о великой любви и великой отваге. Во главе готового к битве гетто встанет женщина, красавица, способная на высокую страсть и на испепеляющую ненависть.

Сюжет захватывал читателя безотносительно к его национальности. Самое невероятное в книге совершалось так, будто было предначертано заранее.

Такое по плечу автору, способному постичь суть высокой трагедии, даже не имея доступа к каким-либо документам. Личным или государственным. Не берусь настаивать, но предполагаю: «Тяжелый песок» исподволь вызревал в Рыбакове годами, начиная, возможно, еще с фронта. Когда советская пресса лукаво избегала не только слова «Холокост», но и упоминаний о фашистских зверствах по отношению к евреям.

Не говорю уже о замалчивании еврейского сопротивления, о котором теперь столько известно.

Рахили Рахленко суждено было стать женой Якова Ивановского, полуеврея-полунемца, родившегося в Базеле, в благополучной профессорской семье. Профессорский сын покинул мирную счастливую Швейцарию и предпочел сапожничать на Украине, выращивая многочисленное их с Рахилью потомство.

Вот что такое любовь...

Одна из писательских особенностей Рыбакова – доскональная разработка каждой сюжетной линии. Ему постоянно необходимы достоверные подробности. Житейские, психологические, трудовые. Необходим фон. А он постоянно меняется на протяжении более чем тридцати лет, – начиная с судьбоносной встречи Рахили и Якова и кончая гибелью обитателей гетто, поднявших восстание...

Рыбаков принял на свои плечи великий груз бесчестно утаиваемых его страной трагедий, но не смел игнорировать стоявшие на пути препоны – редактуру, цензуру. Не смел отказываться от тактики.

Роль повествователя он доверил сыну Рахили Борису, поделившись с ним отдельными эпизодами собственной биографии (московский вуз, Отечественная война, русская жена).

Иные шероховатости в речи Бориса, иные упрощения подлежали амнистии.

01æäi1 èà i1 i óèi1

Куда лучше многих улавливая ситуацию, ее повороты, вероятные последствия, Анатолий Рыбаков предпочитал семь раз отмерить, а резать потом. Чувствуя «перепады» конъюнктуры, он не спешил с завершением «Детей Арбата», а вот с «Тяжелым песком» торопился, не разрешая себе малейшей передышки. Возможно, это было отчасти бессознательно. Но он ни на день не оставлял «Тяжелый песок». Когда мы отправились в Ялту, он едва не каждый вечер читал мне новые либо заново переписанные страницы.

Лишь сочтя роман во всех отношениях готовым к печати, Рыбаков, не исключая, естественно, всевозможные сюрпризы, понес его по редакциям. Начал, понятное дело, с «Дружбы народов». Получив отказ, продолжил тягостные странствия. И не прекращал их, покуда Анатолий Ананьев, возглавлявший в ту пору «Октябрь», не дал принципиального согласия. Но, зная службу, отнес рукопись в ЦК, где она вызвала легкую оторопь.

Однако «завернуть» ее не отважились: что-то уже менялось в воздухе.

Старая площадь, избрав иезуитскую тактику, передавала свои замечания отдельными порциями. Подобно лекарственным вливаниям.

Тактика эта не лишена коварства: всякий раз автор уповает – вот и последняя «инъекция». Ан нет, не последняя. А психика-то у человека не железная...

В кабинетах на Старой площади сидели не дармоеды, сидели читатели особого ранга, высокой квалификации, доподлинно ведавшие: что сегодня «проходимо», а что – извините. Впрочем, до извинений не опускались.

Высокое внимание привлек, например, Лева, один из членов семьи Рахленко. После успешной комсомольской карьеры Лева продолжал было беспрепятственно продвигаться вверх. Пока по пути его не подхватил «черный ворон» – распространенный вид транспорта в тридцать седьмом году.

В ЦК простодушно улыбнулись. Никакого тридцать седьмого года отродясь и не было. Да и о репрессиях никто из служивших на Старой площади не слышал. Откуда у Рыбакова такой вздор? Такие наветы?

Совершенно подавленный Анатолий вернулся из очередной поездки в столицу. Даже в его идеально продуманные расчеты такой «хук справа» не входил..

Мрачнее тучи уселся под плакатик «Чтобы написать, надо писать».

Оставалось только заменить Лева биографию и, соответственно, характер. Убрать «черный ворон», тюремную камеру. Иными словами, заменить «клевету» «правдой-маткой».

Заново рожденный Лева Рахленко вместе с женой нечаянно гибнет под колесами поезда, который, видимо, ожидал их на запасном пути.

Попутно выясняется, что по служебной лестнице он вообще-то продвигался не слишком легко. Не всегда отвечал «высоким требованиям». Его даже с понижением перевели в другой город. А тут, откуда ни возьмись, поезд на всех парах... Не больно, конечно, оригинально, однако вполне правдоподобно. У автора тоже когда-то не задалась комсомольская карьера...

Ну что? Уже все? Почти все. Только еще кое-что.

Празднества в городке по случаю приезда в гости Левиного брата, боевого летчика Генриха, в принципе вполне оправданны. Когда жизнь все лучше и веселее, радостному застолью непременно найдется место. Но вообще-то праздник – мероприятие политическое, и живописать его надлежит с учетом политических факторов.

О «политических факторах» Рыбаков и сам не забывал, поручая повествование Борису, пламенно вещавшему про интернационализм, «Интернационал», про нерушимую дружбу народов Советского Союза.

Между тем, «Интернационал» уже дышал на ладан. 1 января 1944 года его сменил изготовленный С. Михалковым гимн во славу «Великой Руси». Предвидя это, писатель должен был прежде всего увеличить на празднике численность русских, украинцев и белорусов. В разноплеменной массе, разумеется, могли оказаться и евреи. В разумных, конечно, пределах. Дружбу народов никто не отменял и не отменит...

Едва удерживаясь от солдатской брани, Рыбаков заново пишет приезд Генриха в родной городок. Теперь славный гость, дай ему Б-г здоровья, окружен «детьми разных народов».

Когда Толя прочитал новые страницы, я, не выдержав, посоветовал добавить в теплую компанию эфиопа или китайца. Какое еврейское местечко без ихнего брата?

В подобных случаях Рыбаков обычно за словом в карман не лез. Но теперь, почесывая затылок и смущенно глядя на меня, пробормотал что-то вроде: «Переборщил?..»

Четко определив границы компромисса, он заново написал праздничную гулянку. Эдакий пир накануне чумы.

Вот-вот разразится война, не предусмотренная дальновидными мудрецами в Кремле, вот-вот городок, дружно ликовавший по случаю приезда Генриха, захватят нацисты. Обладателей нашивок с шестиугольной звездой ждут кошмары гетто. Восставших жителей гетто поведет Рахиль Рахленко. На бой против гитлеровской солдатни и украинских полицаев...

Тела Рахили и Якова не удастся обнаружить. Могильная плита лишней раз подтвердит великую библейскую мудрость: «Все прощается, пролившим невинную кровь не простится никогда». Эти вещи слова я услышал от Рыбакова, когда тот еще только принимался за свою книгу в надежде донести до современников глубинный смысл слов, небезотносительных ко всей истории человечества.

Само время выявило истинный уровень романа, устранив все начальственные «поправки» и наслоения, явившиеся на его страницах по воле некогда высшей партийно-государственной инстанции, одинаково уверенно разбиравшейся в литературе, генетике и законах природы. Инстанции, ничего, кроме лжи, абсурда и зла, не оставившей по себе. Замечания, покорно передаваемые автору редактором «Октября», словно канули в бездну. Так нередко случается и с дурацкими, и с подлыми советами и рекомендациями.

«Тяжелый песок» возвращен к окончательной авторской редакции и существует в своем исконном виде. Роман о величайшей трагедии времени, сказавший о ней только правду, всю правду, ничего кроме правды. Сказавший так, как должно говорить о подобных событиях, – словно впечатывая в человеческую память каждое слово.

Γ ο ῖ ῶ ο ἰ ε ἰ ε ἰ ε ἰ ε ἰ ε

Замалчивание Холокоста и героического еврейского сопротивления на советской земле относилось к решениям принципиальным, программным. Лишь сейчас мы узнаем о подлинных масштабах трагедии и об отваге обреченных. Узнаем, в частности, из превосходной документальной книги И.А. Альтмана «Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР». Эта книга на свой лад перекликается с романом А. Рыбакова. Но, завершая разговор о романе, позволю себе обратить внимание на еще одну сторону дела. О ней негоже забывать всякому, кто пытается прикоснуться к еврейским судьбам давнего и недавнего прошлого.

Бессмысленно и нелепо требовать от любого пишущего незаурядного художественного дара, высокого литературного мастерства. И все же хочется, чтобы каждый, оглядываясь на «Тяжелый песок», сознавал меру собственной ответственности и старался не опускаться ниже предельных отметок.

Не так уж редки в наши дни и публицисты, и прозаики, и поэты, не умеющие, а то и не желающие понять, что их профессиональная беспомощность, их небогатый интеллект невольно дискредитируют и тему, и героев. Зато радуют антисемитов, коих на Руси хватает и поныне.

Многолетняя дискриминация по «пятому пункту» не могла, разумеется, не повлиять на сознание многих пишущих, на их самооценку. Но эта причина бессильна оправдать тщеславный напор, с каким иные люди, и в малой мере не обладая писательскими данными, рвутся в печать, делая ставку на свои «пробивные» возможности.

Журнальные заметки – не место для подобных увещеваний. Просто хочется, чтобы помнили не только сюжет «Тяжелого песка», но и подвижнический труд прозаика, смело пошедшего против течения. На такое решаются единицы, движимые отнюдь не жаждой успеха, но побуждениями куда более высокими и благородными. Естественно, сопряженными с риском. Анатолий Рыбаков отлично сознавал риск задуманного, но спрашивал с себя без малейших скидок, как и требуют того традиции отечественной литературы.

Когда эстетическими требованиями пренебрегают, наносится досадный урон той части литературы, что тяготеет к теме еврейства.

Всякий пишущий на эту тему – в России ли, в Израиле, в США, где угодно еще – не должен забывать, каков уровень письма Анатолия Рыбакова или, к примеру, выдающегося современного прозаика Григория Кановича, ныне жителя Израиля.

Любые послабления автору по национальному признаку или «за проблему», на мой взгляд, просто опасны. Они чреваты гибелью литературы. Многие книги минувшей эпохи в том убеждают без большого труда. К сожалению, сочинения такого уровня проникают и на страницы «Лехаима».

Избавь Б-г от непонимания этого нынешних редакторов и издателей, чья деятельность сопряжена с выпуском художественных и публицистических произведений авторов-евреев. Среди последних неизбежны и те, кто обделен дарованием, элементарной профессиональностью, культурой. Кто попросту не владеет русской литературной речью.

Русскоязычные издания, так или иначе связанные с еврейскими проблемами, не должны, по-моему, уступать по уровню изданиям, для широкого читателя, независимо от его национальности. Им надлежит занимать достойное место в общероссийской жизни, иметь свое мнение и касательно коренных проблем нынешней России.

Наконец, еще одно. Вряд ли возможно забыть, что неотъемлемая часть великой русской литературы, созданная писателями-евреями, была не ниже ее всемирно известного уровня. Назову в этой связи хотя бы имена Б. Пастернака, И. Бабеля, И. Эренбурга, О. Мандельштама, В. Гроссмана, И. Ильфа, Э. Багрицкого, Б. Слуцкого, В. Ходасевича, Э. Казакевича, М. Кольцова, Б. Ямпольского, Л. Лиходеева...

Когда же память отказывает, не хватает взыскательности, лучше, сделав над собой усилие, промолчать, не полагаясь на собственное нелегкое прошлое, на спасительный монтаж из цитат, на мягкость или равнодушие редакторов или на собственные заслуги в областях, далеких от словесности.

Снятие гнусного запрета с «еврейской темы» вовсе не означает, что за нее может браться любой тщеславный дилетант, не владеющий пером.

Таковы, между прочим, некоторые уроки «Тяжелого песка».

хòí òàéíá áéáã ðíãñòáí

Не разрешая себе ни малейшей паузы, что называется, не переводя дыхания, Рыбаков вернулся к «Детям Арбата».

Коли «Тяжелый песок», помимо всего прочего, звучал приговором нацизму, то «Дети Арбата» обвиняли систему, тяготевшую к гитлеровским порядкам, дозревавшую до стадии, когда эти порядки войдут в повседневность.

Среди «детей Арбата» один, поставленный в центр повествования, несмотря на свою молодость безотчетно противостоит системе, которую сам считает если и не совершенной, то вполне правомерной. Более того, в принципе совпадающей с его представлениями о добре и зле.

Убежденный сторонник системы, он отличается от других ее адептов личным благородством, упроченным наивной верой: система, мол, отвечает коренным человеческим запросам.

Саша живет безотносительно к сиюминутным обстоятельствам или категориям вроде: «выгодно» – «не выгодно», «опасно» – «безопасно» и т.д. Принадлежа своему времени, он чем-то напоминает героев литературы предшествующего века. Но не чувствует связи с ними.

Идеальность Саши отлична от идеальности Рахили Рахленко. Рахиль идеальна в запредельных обстоятельствах. Она совершает нечто из ряда вон выходящее. Жребий ее исключителен.

Саша Панкратов не видит ничего невероятного в своей участи ссыльного. Действительность не исключала такой судьбы для человека, ни в чем не повинного. А в чем вина остальных ссыльнопоселенцев 30-х годов: меньшевиков, эсеров, анархистов, некогда бредивших справедливым мироустройством?

Разумеется, это уподобление хромает. Но все же. Разве обитатели гетто в чем-либо повинны?..

Между двумя главными романами А. Рыбакова ощутима едва уловимая связь. Она продиктована исходной преступностью двух систем.

Не заглядывая слишком далеко, Саша мог вообразить своих заступников в эковских теплушках, в расстрельных подвалах. Но ему не достает понимания, чтобы ответить себе на вопрос: почему эта мразь, шовинист, изувер Юра Шарок держится хозяином жизни?

Разрыв между автором и героем нарастает. Саше не постичь многое из того, что происходит вокруг Арбата, в Москве, откуда он сослан поближе к Макару, пасущему телят. Его отвага, благородство в какие-то минуты помогают тем, кто стал ему близок. Но, увы, не только им. Неспособность постичь жизнь, кипевшую на Арбате, на Петровке, в Охотном ряду, словно бы отдаляет его от писателя, разгадавшего «загадки», сопряженные не столько с местом действия, сколько со временем. Роман охватывает ровно год – 1934-й. «Съезд победителей», предвещавший расправы с «победителями» и «побежденными». Приход к власти Гитлера, предвещавший войну и Холокост.

Благодаря Панкратову роман обретает глубину подлинной трагедии. Трагедия, помимо всего прочего, – в объективном противостоянии: Саша Панкратов – Иосиф Сталин, за спиной которого встает Гитлер.

С доскональностью, присущей «Детям Арбата», приоткрывается кухня, где повар готовит острые блюда, начиненные смертельным ядом. Локальный по первому впечатлению, роман внутренне раздвигается, являя читателю широкую картину мира, неотвратимо движущегося к войне.

Àì àíò ì çàèëþ:áí èÿ

Ì á:àòùé àíà á 1966 áñó ðì ì áí «Áàòé Áðààò» ì ñèá ì àðáðùáá, áéáñò ì ì ò ðááí ááí ì ì á «Ïÿæáëù ì áíè ì», àùé çááðòáí á 1983 áñó Ì íáí ì èèòù áí ãáðáçéòù, éáèéð áðòááí ùò çáòðáò ì ì ò ðááí ááèé ì ò Áí àò ì èÿ Ðù ááé ì áá ÿòé áñó, ì áíÿòù, áí é.

×éòáÿ ì áíèé ñì áòé ì ì èì ù ì é òáéñòáì é, èì ù ò ù ááÿ áíèéçþ ðááí ò ù çá Ðù ááé ì áá, ÿ ì á ì ì á è çáááèéòù ì ò ò ðááí áé çá ñááúò ðì áí á, ì ò ì ÿáòáá ò ò ì è ì áðòááí ùò ñé, ì ì áíÿ éé ñééáòáá ì áááéáù ì á ì áéééáòéþ.

Áéÿ Ðù ááé ì á ì ì ì áí é á á áúè ì ò è ð ò é áí À ì áðéé. Ñé ò ááòéþ ì ð ñ:é ò ù ááòù ì ì ò ì áé. Ñ ì ì é áááé: ì áá ì á ááðáòù ì ò áá ì á éÿ. Ì ì ì á áé áé áé ááòù ò ì ì òÿ ì ì áááù.

Ïé ì ì ò ù, ì áí áé ì, ì é:áá ì á áááéé. Ïé áááúò áúé ì ì ò áí ì á áíò ì áí ðááéáí éÿ. Èèòù ñ ì ò òÿ ááá ááá – áí çá ì á Ì ò ááòþ ì è ì ù ááú ñéáá ì áí áááééááþ ù éá ò ðáçì.

Ì ì è ì áá ÿ ñéáçé: «Áí áÿ ò çá ì ì», – ì ì ðááí ðáééñÿ. Éáé áíÿ ñ é ò ñÿ ì ì çéá ì ò ááí ò á áúéá ì á áá ò ò ò ò ì á. Ì ðéòáé áñ ñá ù ááñÿ ò ì ÿ ò ù é áá, é Ðù ááé ì á áá çá é áí: ì ì ì ì:áá ò áí ááé: áá ò áð ì á ááááò áá ì á ð ù á.

Ïðááí ì áí ãáðáçéòù ñááá ðì áí, áí é áá ì ò áá:áþ ù éé ò áí ááí ò èÿ ì é ò ò ðááí é áí éÿ ì áðáá:ááé ì é ì ááá ò ð é éé. Ïì òÿ, éáçáé ì ñú áú, è ì ò ò ááí ò ì çéáí áúé «ñáçá ì ì áááé ò áé áé» é ì:áðááí ì á ðáçì áé á:áí é á «éèé ù ò»?

БИБЛЕЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Владимир Бурсановский

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ. יְהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ.

י. : צִיּוֹן א., יְעָנִי י, 2002 — 367 ה'

С трепетом беру в руки Книгу. На гладкой, как зеркало, обложке – юноша, вдохновенно трубящий в шофар. Голова покрыта талесом, тонкие музыкальные пальцы едва прикасаются к бараньему рогу. Почти явственно слышу могучий прерывистый звук... Одну за другой перелистываю страницы. Текст занимает половину каждой из них по вертикали. Вторая половина отдана авторским ремаркам и шедеврам изобразительного искусства. Фотографии золотых украшений, статуэток из Ура Халдейского, оттисков старинных печатей, барельефов египетских фараонов. Снимки творений титанов Ренессанса – итальянских скульпторов Филиппо Брунеллески и Микеланджело Буонаротти... Если такова форма, то можно себе представить, каким должно быть содержание?!

Нелегко найти в четырехтысячелетней еврейской истории период, который можно было бы считать спокойным и безоблачным. Но первые 2000 лет, которым посвятил свою книгу Михаил Вольпе, ознаменовались эпохами и событиями, ставшими для нашего народа в полном смысле этого слова судьбоносными. Озарение Авраама и постижение им непреложной истины: у мироздания есть Творец, и Он Един, формирование первой монотеистической религии – иудаизма, становление и развитие еврейской нации, египетское рабство и Исход, дарование евреям Всевышним Святой земли, жесточайшая борьба за право жить на этой Земле, возведение царем Шломо первого Иерусалимского Храма, трагический раскол некогда единой страны на два царства – Иудейское и Израильское, кровавая междоусобица, разрушение первого Храма Навуходоносором, вавилонское пленение, возвращение из неволи в Эрец Исроэл, сооружение второго Храма, подвиг Эстер и Мордехая как пример спасения евреев диаспоры от полного уничтожения, войны Иудеи с чужеземными захватчиками, восстание Маккаби, гибель второго Храма от рук легионеров римского полководца Тита Флавия Веспасиана, изгнание евреев из Святой земли, рассеяние – вот основные вехи пути, пройденного евреями за эти 2000 лет.

Масштаб тем требует от автора не только отличного знания истории, но и ощущения неразрывной связи иудеев с Всевышним, связи, утерев которую, наш народ уже давным-давно прекратил бы свое существование...

«Евреев называют семитами, так как по Библии Авраам – потомок Сима (Шема) в девятом поколении. “Семит”, “семитский” – определения из области лингвистики... Так нужно лингвистам, чтобы изучать языковые закономерности», – пишет г-н Вольпе. Книга «Евреи. От патриархов до римлян», увы, изобилует подобными замечаниями, произносимыми уверенно и глубокомысленно.

О том, как «потомок Сима» пришел к монотеизму, М. Вольпе, ссылаясь на Мидраш, пишет доступно, незатейливо. Наблюдая в одну из ночей за небесными светилами, Аврам «размышлял о том, что звезды являются божествами». Однако утром взошло солнце, «от звезд не осталось и следа... Вот бог, которому надо поклоняться, подумал Аврам». Но вечером солнце скрылось за горизонтом. «Взошла луна, осветив все вокруг серебристым светом. Может быть, это божество? Прошло короткое время, и Аврама осенило: есть кто-то, кто создал и звезды, и солнце, и луну – верховный всемогущий Б-г».

Уделив рассказу о рождении первой из мировых религий аж полторы страницы, автор книги «Евреи. От патриархов до римлян» приступает к описанию странствий Аврама и его жены Сарай по земле Ханаанской, откуда свирепствовавший в тех краях голод заставил супружескую чету «спуститься в Египет». Пребывание в стране фараонов «непоседливый месопотамец», как характеризует его М. Вольпе, «начал с обмана». Опасаясь, что, увидев красавицу-жену, египтяне овладеют ею, а его самого убьют, Аврам условился с Сарай называть друг друга братом и сестрой. Египтяне восхитились красотой Сарай, и «взята она была в дом фараона». «Что это значит, пусть каждый догадается сам», – лукаво подмигивает М. Вольпе.

«Спустя несколько лет Аврам и Сара провернули тот же трюк с Авимелехом, царем Герарским. Видно, Сарай обладала потрясающей красотой и шармом, что на нее, старуху, “западали” фараоны и цари», – рассуждает г-н Вольпе.

Применяя лексические формы, культивируемые определенными группами населения, он бросает вызов набившим оскомину стереотипам, по непонятным причинам не допускающим использования в научно-популярных изданиях, к каковым, безусловно, относит свой труд М. Вольпе, сленговых оборотов. ...Двинемся, однако, дальше. Автор предстает перед читателем не только как историк, но и как реформатор русского языка.

Знаком Союза между Творцом и еврейским народом стал обряд брис-мила (обрезание). «Обрезан да будет у вас всякий мужчина. Восьми дней от роду да будет обрезан у вас каждый мужчина во всех поколениях ваших» (Брейшис, 17: 10, 12). М. Вольпе приводит подробную справку об истории этого обычая, демонстрируя глубокие познания и в других областях. Он предостерегает от злоупотребления указанной процедурой, утверждая, со ссылкой на современных докторов, что «обрезание может привести к нежелательным медицинским последствиям». Одним словом, минздрав предупреждает: обрезание опасно для вашего здоровья. Эх, если бы такое фундаментальное открытие было сделано чуть-чуть, хотя бы на 1000 лет, раньше! Сколько несчастных удалось бы спасти! Ведь многие, дожив до 120 лет, так и не узнали, какой непоправимый вред причинили они своему здоровью.

Осваивая Землю Обетованную, Авраам приобрел в Хевроне пещеру Махпелу, ставшую впоследствии родовой усыпальницей праотцев еврейского народа и их жен. Рассказывая об этом, М. Вольпе проявляет способности к ассоциативному мышлению. «25 февраля 1994 года. Хеврон, западный берег Иордана. Через несколько лет это будет территория Палестинской автономии. Пока же – оккупированная Израилем земля. Теплый солнечный денек, начало весны». Так, используя скупые изобразительные средства, приступает к описанию разыгравшейся здесь трагедии автор обсуждаемой книги. В этот день доктор Барух Гольдштейн, американский еврей, сторонник «экстремистского раввина Меира Кахане», возглавлявшего запрещенное в Израиле движение «Ках» и убитого арабскими террористами в Нью-Йорке в начале 90-х годов, о чем М. Вольпе предпочел умолчать, войдя в мечеть во время общественной молитвы, уничтожил несколько десятков молившихся мусульман. «В тот день сумасшедший потомок Авраама на святом месте убил 29 других потомков Авраама», – подводит мрачный итог М. Вольпе.

Да, это – ужасное преступление. Но было бы любопытно спросить г-на Вольпе: приведенный пример – единственный случай экстремизма на Ближнем Востоке, который ему известен? Знает ли он, что Хеврон – один из главных рассадников палестинского террора, что несколько сотен жителей еврейского квартала этого города, расположенного южнее Иерусалима, подвергаются постоянным провокациям и диверсиям со стороны арабских соседей, что, наконец, именно отсюда ушло на свое черное дело под зеленым знаменем ислама немало обвязанных «поясами шахидов» «других потомков Авраама»? Жертвами террористов из одного лишь Хеврона стали не десятки, а сотни израильтян. Однако об этом М. Вольпе не обмолвился ни словом.

Создается впечатление, что уважаемый автор книги о глубокой древности, попав в новейшую историю, стал жертвой весьма опасной болезни под названием «политкорректность». Но медицина здесь, увы, бессильна.

Эпохальным событием, более 3300 лет назад определившим всю дальнейшую историю нашего народа, стал Исход евреев из Египта. Лапидарным стилем автор книги описывает перипетии обострившегося накануне Исхода противостояния Моше (Моисея) и фараона, который, в ответ на требование еврейского лидера «Отпусти народ мой!», по меткому, но слегка неграмотному выражению М. Вольпе, «усилил гнет на рабов». Только после того как Египет подвергся десяти казням, называемым г-ном Вольпе «десятью ударами», фараон разрешил евреям покинуть страну. М. Вольпе справедливо замечает, что «после избавления от египетского рабства евреи осознали себя народом». Вместе с тем, само «избавление от рабства» занимает автора книги значительно меньше, чем выяснение вопроса об этническом происхождении Моше. «Но все-таки, кем был Моисей на самом деле? Не превратился ли он в еврея усилиями библейских писателей, в своих целях подправивших древнюю легенду?» (курсив мой. – В.Б.). В стремлении докопаться до истины М. Вольпе не ограничивается персоной Моше. Он формулирует проблему со всей определенностью: «Уместно ставить вопрос не только о том, был ли Моисей евреем, но и о том, евреев ли он выводил из Египта». Следующий в этой логической цепочке вопрос: «А был ли Исход вообще?»

Вольный пересказ почти всего «Хумаша» («Пятикнижия Моисеева») занял у М. Вольпе чуть более 60 страниц. Вот уж воистину: «краткость – сестра таланта».

«Разобравшись» с Торой, М. Вольпе, не теряя времени, переходит к другим, более поздним периодам еврейской истории.

Эпоха следует за эпохой. Едва поспевая за ними, М. Вольпе подробно, в деталях, приводя географические карты, родословные сильных мира сего, царей и правителей, рассказывает о войнах, восстаниях, заговорах, кровавых междоусобицах, жестокости, предательстве... (между прочим, именно эти слова являются ключевыми в той интерпретации еврейской истории, которую предлагает г-н Вольпе).

Правда, в стройное повествование продолжают вкрадываться огрехи. Например, в одной из глав М. Вольпе пишет: «Весной... по правилам отметили праздник Кушей (Суккос. – В.Б.)», хотя общеизвестно, что это – один из главных осенних праздников... Пустяк, может быть, но все-таки отчего-то неприятно.

Свои воззрения в связи с животрепещущей проблемой взаимоотношений власти и общества автор книги излагает в главе о царе Ироде Великом, правившем Иудеей с 37-го по 4-й годы до н.э. «Простолюдины любят строгих правителей. А жестоких обожают», констатирует М. Вольпе. «Он (жестокий правитель. – В.Б.) мучит подданных, а те наслаждаются этим мучительством, испытывая мазохистское удовлетворение. Чем больше казней, тем меньше томительной неопределенности... Срабатывает психология жертвы, влюбленной в своего палача», – резюмирует новоявленный психоаналитик.

«Все это так, – возражает самому себе г-н Вольпе. – Только люди готовы терпеть жестокости правителя, если считают его родным по крови... Ирода же не принимали за своего. Против него возмущались (курсив мой. – В.Б.)».

...В 66-м году н.э. в Иудее, самой мятежной провинции великой империи, где Рим правил уже более 100 лет, вспыхнуло восстание, с точки зрения так называемого здравого смысла, безнадежное и бесперспективное. Плохо вооруженные, не имевшие единого командования, раздираемые внутренними противоречиями, еврейские отряды противостояли армии сверхдержавы I века н.э. В ходе продолжавшейся несколько лет «Иудейской войны» отчаянно дравшиеся евреи потерпели сокрушительное поражение. В 70-м году н.э. после длительной осады Иерусалима легионы будущего императора Тита Флавия Веспасиана взяли город штурмом. Большинство защитников града Давидова пали в бою. Другие были взяты в плен и казнены. Немногих, преимущественно молодых и сильных, доставили в Рим для участия в схватках гладиаторов на потребу столичной публике. Женщин и детей обратили в рабство. Второй Храм, сердце Иерусалима, разрушили и сожгли (уцелела лишь его внешняя, Западная стена, или Стена плача, являющаяся поныне главной иудейской святыней). Еврейский народ почти на 2000 лет лишился своего государства.

М. Вольпе искренне недоумевает: «Почему они не проявили благоразумия, чтобы избежать катастрофы? Ведь и тогда было понятно, что римлян не одолеть. Так, может быть, стоило проявить гибкость, набраться терпения, найти компромисс?» И далее: «...Поведение людской популяции, называемой народом, редко бывает рациональным». Сходные мысли автор высказывал и в главе о падении в 586 году до н.э. первого Иерусалимского Храма.

И в самом деле, так ли уж необходимо, не имея ни единого шанса одержать победу, сражаться за свою свободу, свободу родных и близких, за свою землю, за право жить на этой земле, исповедовать свою веру? Не лучше ли сдаться на милость победителей, раствориться в других народах и со временем исчезнуть, как растворились и исчезли древние египтяне и финикийцы, этруски и галлы?.. Вот вопросы, для одних представителей «людской популяции» риторические, для других, например для М. Вольпе, вполне закономерные. Его явно раздражает извечное еврейское упрямство.

Вообще, надо отдать ему должное, М. Вольпе проявляет своеобразное отношение к народу, к которому сам принадлежит. «Женщина в еврейской истории чаще всего совратительница. От женщин все беды». Это одна из любимых его идей.

Многих правителей древнего Израиля автор книги представляет «галереей ветхозаветных персонажей с психопатической симптоматикой...» Соглашения, заключенные между Римом и Иудеей в середине I века до н. э., он воспринимает не иначе, как договоры великана с пигмеями.

М. Вольпе дает иудеям и другие «лестные» характеристики, называя их «свирепым еврейским племенем», утверждая, что «особенной шкодливостью отличалось колено Даново».

Предположительно где-то в районе Яффо, «лежа на газоне под финиковой пальмой» (идиллическая картинка, созданная самим г-ном Вольпе), предаваясь размышлениям «о быстротечности времени и вечной людской суете» и обозревая пройденный еврейским народом путь, беспристрастный историк приходит к неутешительному выводу: «Самоизоляция – не лучший путь к выживанию, но дорога к дикому фанатизму. Она формирует менталитет изгоя. Восприятие мира становится фрагментарным, узко националистическим. Гетто, местечко – то, что спустя века стало проклятьем евреев, – порождение такого менталитета».

Нормальный юдофобский бред: во всех своих бедах виноваты сами евреи. «Изюминка» здесь лишь в том, что этот «поток сознания» изливается сыном «племени Авраамова».

Логическим завершением, апофеозом исканий М. Вольпе служит следующее изречение: «Весь современный иудаизм – результат вольной интерпретации библейских текстов». Великолепно! Но причем здесь юноша с шофаром на обложке? Что это, мистификация или «добросовестное» невежество?

Акцентируя внимание, главным образом, на жестокости и коварстве, царивших в древние времена, М. Вольпе демонстрирует нарочитое непонимание сути иудейского гуманистического мировоззрения, в основе которого – человек. Венец Творения, созданный Всевышним. Недаром первой из заповедей, с которой начинается ежедневная утренняя молитва: «Люби ближнего своего, как самого себя». Этические принципы, провозглашенные в десяти заповедях, стали идеологической основой современной западной, или, как ее нередко называют, иудео-христианской цивилизации. Ярчайший пример тому, помимо Израиля, – Соединенные Штаты. Но обо всем этом в книге нет ни слова.

Если, как принято считать, Ветхий завет представляет собой вульгарное изложение Святого Писания, то книга М. Вольпе – его прямая профанация.

«Винегрет» из фактов и домыслов, Ветхого и Нового заветов, небрежность изложения и, мягко говоря, не слишком убедительные выводы автора – это и есть труд М. Вольпе «Евреи. От патриархов до римлян».

Сказанное, однако, не означает, что книга лишена достоинств. К числу таковых, как уже не раз отмечалось, относится первоклассное ее оформление, к сожалению, диссонирующее с содержанием. Кроме того, безусловно, заслуживают внимания рекомендуемый Михаилом Вольпе и насчитывающий более 20 наименований перечень книг по еврейской истории на русском и английском языках, а также хронологический справочник событий, относящихся к описываемым эпохам.

Все остальное – от «Как бы вступления» до «Некоего послесловия» вызывает, в основном, уныние. И ничего с этим не поделаешь.

ИСТИННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Ἀεὶαὲὶ ἐδ' Ἀόθῆναι Γαῖεεε

Ἐπιλαγῆ Ἰ ἀεὶ ἄ-Ἐἴῡ.

Ἰ ὈἈἘἸ ὈΝῶΑ ΝἈἸ Ἐ Ἀ Ἰ ΔΕῶ×Ἀ

Ἰ : Ἰ ἡὸ ἡ ἐεῦὸ ὀδῡ ;

Ἐἰδῡῖεεὶ : Ἀἰσᾶδῆι, 2003 — 288 ἡ

В книгу, о которой пойдет речь, включены около 100 притч, собранных из более чем 20 трудов, составляющих основу творческого наследия автора – выдающегося еврейского религиозного мыслителя, имя которого широко известно на Западе, но, по понятным причинам, пока мало знакомо российскому читателю.

Предисловие к книге, написанное одним из ее составителей с израильской стороны, Менахемом Ягломом, знакомит читателя с биографией р. Исроэла-Меира и дает представление о масштабе личности праведника.

Родившийся в 1838, а по другим данным в 1839 году в белорусско-литовском местечке Дятлово, которое евреи, имевшие страсть придавать географическим названиям некий комический оттенок (вспомним Шолом-Алейхема), именовали не иначе как Жотл, Исроэл-Меир уже в раннем детстве проявил феноменальные способности к учению.

Денно и ночью он учился, постигая Святое Писание, и уже в возрасте 24 лет, в 1873 году, опубликовал свою первую книгу «Хофец Хаим», что по-русски означает «жаждущий жизни». Этот труд прославил автора, которого с тех пор чаще называли Хофцем Хаимом, нежели его собственным именем.

Очевидно, «Хофец Хаим» это все-таки – «жаждущий жизни вечной», удела в грядущем мире. Сам же Исроэл-Меир готов был отказаться от райской участи во имя постижения Торы. Главным делом своей жизни он считал изучение Священной книги ради нее самой.

Менахем Яглом пишет: «Даже в своем поколении, давшем миру множество великих праведников и мудрецов Торы, Хофец Хаим был единственным и уникальным». Современник р. Исроэла-Меира, один из ярчайших представителей движения Мусар, стремившегося к улучшению всего народа посредством нравственного совершенствования отдельных личностей, рабби Нохум Велвл Зив из Кельма, говорил: «Я знал гениев в Торе, праведников согласно Торе, но настоящего еврея Торы не сподобился узнать, пока не встретил Хофец Хаима». Эти слова вынесены на обложку книги притч.

Рабби Исроэл-Меир был человеком невероятной скромности и повторял, что его первый труд был создан «заслугами всего Израиля», что участие в нем автора «не больше, чем всех остальных евреев».

Миропонимание Хофец Хаима отвечало самым высоким критериям морали. Нравственные императивы, которым он непреклонно следовал, не позволяли ему брать плату даже за преподавание в доме учения, где он вел ежедневные занятия. По его собственным словам, он всю жизнь стремился «соответствовать определению человека», а его близкие помогали ему в этом.

Разъезжая по городам и весям западных окраин Российской империи, р. Исроэл-Меир нес в народ Слово Святого Писания. «Слух о безграничных познаниях Хофец Хаима разнесся по всем окрестностям, – пишет Менахем Яглом, – и, когда в близлежащем местечке освободилась должность раввина, ее предложили именно ему». Хофец Хаим категорически отказался, заявив, «что... у него недостаточно знаний для того, чтобы принимать галахические решения».

После того как открылась вакансия раввина в самом Радине (ныне Радунь в Белоруссии), где р. Исроэл-Меир проживал со своей семьей, горожане буквально настояли на том, чтобы он возглавил местную еврейскую религиозную общину. Он согласился при условии, что не будет получать плату за служение. Однако вскоре отказался и от этого назначения.

В конце 1869 года р. Исроэл-Меир основал в Радине ешиву для взрослых, вошедшую в историю под названием «Йешиवास Хофец Хаима» и на протяжении шестидесяти лет служившую образцом для всего еврейского мира.

После большевистского переворота Хофец Хаим, опасаясь преследований, был вынужден перевести ешиву в Черниговскую область. Затем, под давлением обстоятельств, возвратился в Польшу, где продолжал свою подвижническую деятельность.

В 1925 году Хофец Хаим, к тому времени уже достигший преклонных лет, принял решение уехать в Эрец Исроэл, дабы «провести в Торе и служении остаток дней». Но ему так и не суждено было увидеть Святую землю, где его почитатели приобрели для любимого учителя дом в Петах-Тикве по соседству с ешивой Ломжа. Польские раввины уговорили р. Исроэла-Меира остаться в Европе – «ради благополучия изучающих Тору».

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер, во всеуслышание заявивший о намерении уничтожить еврейский народ. Отвечая на вопрос: «За что евреи терпят такие страдания?», Хофец Хаим говорил: «Все эти беды ниспосланы нам в наказание за прекращение изучения Торы... За пренебрежение Торой и нарушение Субботы на мир насылаются “меч и грабеж”».

Вместе с тем, предвидя грядущую Катастрофу, он утверждал: «Ничто не сможет уничтожить весь Израиль». И в обоснование своей уверенности приводил слова пророка Овадии: «На горе Цион будет остаток (еврейского народа. – В.Б.), и она будет свята».

Какими эпитетами объясняется Хофец Хаим в любви к Торе! Повторяя слова Писания, он называет ее «уделом благим», «скрытым сокровищем»; восклицает: «Дороже она, чем перль!» Вновь и вновь напоминает: «Писание криком кричит, что цель создания мира – это Тора, что только ради нее сотворены небеса, земля и природные законы». И далее: «Тора была приготовлена для передачи человеку с самого момента сотворения мира», который, по словам наших мудрецов, будет существовать шесть тысяч лет (вот-вот закончится 5763 год! – В.Б.). И только грех первого человека, Адама, помешал ему получить Тору уже в райском саду. А ведь не будь этого греха, говорят толкователи Талмуда, и люди жили бы вечно!

Хофец Хаим сравнивает изучение Торы и исполнение заповедей с заработками. Но если человек, не жалея себя, затрачивает колоссальные усилия, зарабатывая деньги, то «во сколько же раз больше его обязанность сделать то же самое ради собственной души, чтобы достичь страха перед Б-гом и понимания Торы Его!» восклицает он. Это следовало бы иметь в виду очень многим в стране «победившего капитализма».

Как замечает Менахем Яглом в предисловии к книге, «любовь р. Исроэла-Меира к Торе сравнима разве что с его человеколюбием». Своей любовью к людям Хофец Хаим пытался достучаться до их сердец, наставить на путь истинный. Р. Исроэл-Меир главной задачей своей жизни, – продолжает автор предисловия, – считал «исправление этого материального и чувственного мира, а вместе с ним смятенных, ошибающихся, безгрешных людей». Жестокость, вероломство, алчность, злоязычие, неблагодарность – язвы, от которых мечтал излечить человечество Хофец Хаим. Совершая каждый из этих грехов, человек создает себе по одному ангелу-обвинителю, который на Высшем суде будет свидетельствовать против грешника.

Но главным преступлением, на которое способен человек, р. Исроэл-Меир называет пренебрежение изучением Торы. Соответственно и наказание здесь – самое тяжкое.

Однако мы часто задаем себе вопрос: почему люди, не только пренебрегающие Торой, но и отвергающие ее, преуспевают в этом мире? Хофец Хаим утверждает, что рано или поздно богатство злодеев будет проклято и полностью исчезнет.

Для иллюстрации этого тезиса р. Исроэл-Меир приводит притчу о богатом царедворце, восставшем против правителя. Монарх заключает преступника во дворец, роскошное убранство которого

соответствует высокому рангу узника. Но морит голодом. В страшных муках несчастный начинает грызть собственную плоть и в итоге погибает в «золотой клетке».

В другой притче Хофец Хаим рассказывает о министре, посягнувшем на власть царя. Суд приговорил мятежника к смертной казни. Государь же сделал ему поистине царский «подарок»: перед приведением вердикта в исполнение состоялся концерт того же оркестра, что в свое время выступал на церемонии коронации его величества.

Р. Исроэл-Меир резюмирует: людям, совершающим преступления, оскверняющим Субботу и пренебрегающим Торой, Творец нередко ниспосылает процветание в этом мире, чтобы лишить их мира будущего. «Это то же самое, что музыка перед казнью», заключает он. Одним из основополагающих в книге является постулат о неотвратимости наказания за пренебрежение Торой и несоблюдение заповедей. Человек, совершивший грех, – не только преступник, но еще и глупец. «И как глупы те люди, которые всю жизнь занимаются тем, чтобы собрать побольше денег, не задумываясь, для чего послали их сюда!» – с гневом восклицает Хофец Хаим. Они полагают, что, став богатыми, достигли в жизни многого и весьма этим удовлетворены. «Все время, пока стремления и страсти материального мира ослепляют человека, он, как пьяный, не понимает, где оказался, не видит он, что валяется в грязи». Поведение этих людей р. Исроэл-Меир характеризует словами «позор», «стыд» и подчеркивает, что те, кто совершает такие ужасные грехи, не досаждают Всевышнему, а губят самих себя.

Р. Исроэл-Меир, будучи праведником, относился резко отрицательно к малейшим отступлениям не только от религиозных канонов, но и от уклада жизни ортодоксальных евреев. С этих позиций он резко критиковал Соединенные Штаты как страну нечестивую. Он писал: «Каждый праведный человек, попадая туда, испытывает жестокие душевные терзания, когда видит, какой ущерб понесла вера множества людей, проклиная тот день, когда решил посмотреть на это собственными глазами. ...А уж что касается его детей – ясно ему, что ни в коем случае, Б-же упаси, не привезет он их туда, чтобы затерялись они среди идолопоклонников». «Достигнутый там успех, говорил Хофец Хаим, не стоит и гроша».

В отличие от людей, как правило, не прощающих ближним их слабости и недостатки, Всевышний милостив и милосерден. Об этом – притча. Два еврея решили породниться и договорились передать надежному человеку на хранение до свадьбы их детей необходимую для приданого сумму денег. Отец невесты свою долю внес, а отец жениха, столкнувшийся с серьезными финансовыми проблемами, этого сделать не смог. После нескольких великодушно предоставленных своему свату отсрочек отец невесты выдал дочь замуж за более состоятельного человека. Когда в молодой семье появилось прибавление, счастливый дедушка устроил по случаю обряда «брис-мила» (обрезание) внука большой пир, созвав множество гостей. Слуга спросил хозяина, не пригласит ли он за праздничный стол своего прежнего незадачливого свата. Тот ответил решительным «нет».

«Совсем не таков путь Святого, благословен Он», пишет Хофец Хаим. «Того, кто желает породниться с Всевышним, благословен он, но по не зависящим от него причинам не смог исполнить соответствующие заповеди, Создатель, благословен он, невзирая на это, приглашает на Свой пир».

Философия иудаизма зиждется на «трех китах»: на преданности Торе, верности заповедям и стремлении творить только добро. Казалось бы, так просто. Но лишь единицам из миллионов удается воплотить сию нехитрую мудрость в жизнь. Эти единицы, по словам р. Исроэла-Меира, «подобны драгоценным камням, стоящим в глазах Б-га благословенного сотни обычных людей; заслуга их в Вышнем мире также необычайно велика».

Одной из таких «единиц» был сам рабби Исроэл-Меир а-Коэн из Радина, прозванный Хофец Хаимом. Он прожил долгую и праведную жизнь и покинул этот мир в 1934 году в возрасте 96 лет. Пусть душа его пребывает в Ган-Эдене!

ПОСТОЯННЫЙ КЛИЕНТ

Аади ади І аеаи аа

Дневные официантки узнали печальную новость от мистера Моллендорфа в пол-одиннадцатого, как пришли на работу, и до самого конца рабочего дня глаза у них были красные и на мокром месте. После обеда, когда делать было нечего, они сидели на скамейке за залом, перед стенным зеркалом, и, как посмотрят на пустые столики Айлин, – снова ударялись в слезы. В четыре часа две девушки для вечерней obsługi повесили свои дождевики и зонты, переоделись в форму, и тут Грейси с Кларой им сказали, и все вместе опять заплакали.

– Всего двадцать восемь годков прожила, – простионала Мэри, и плач сделался громче, когда они вспомнили о том, что Айлин, мертвая, лежит там в больнице после этой операции желчного пузыря.

В полпятого мистер Моллендорф, шеф-повар и хозяин ресторана, вышел из кухни в своем фартуке и колпаке и попросил – пожалуйста, взять себя в руки и накрывать столы к ужину. Случилась печальная вещь, да, но дело есть дело, все они с него кормятся, и клиенту совсем не понравится, если его будет обслуживать кучка ревущих баб. Он отправился было на кухню, но тут кое-что пришло в голову мистеру Моллендорфу, и он спросил:

– Девочки, кто хочет сегодня обслуживать столики Айлин?

Все молчали. Мысль показалась им просто жуткой.

– Кто сегодня их будет обслуживать, за тем они и дальше останутся, – сказал мистер Моллендорф.

Никто ему не ответил. Столики Айлин – лучшие в ресторане, все это знали, чуть не на доллар каждый вечер потянут, но никто ничего не сказал.

– Ну, а ты, Грейси, ты как? Ты ее лучшая подруга, – сказал босс.

– Нет, не надо, пожалуйста, мистер Моллендорф. Честно, я просто не могу.

– Клара? Тебе лишние деньги не помешают.

– Нет уж, спасибо, мистер Моллендорф.

– Мэри?

– Нет, сэр.

– Элси?

– Нет, спасибо.

Мистер Молл

ендорф пожал плечами.

– Ну ладно, – сказал он, – придется, значит, вызывать новую девушку через агентство и отдать ей лучшие столики.

Девушки, все в хорошеньких униформах – черное с белым, – промолчали. Вид у них был такой испуганный, что мистер Моллендорф их даже пожалел.

– Ну ладно, девочки, – сказал он ласково, – вы не беспокойтесь лишнее-то. Я и сам переживаю. Такой человек, просто замечательный человек, и всего двадцать восемь лет...

Он утер глаза рукой и ушел на кухню.

– Нормальный человек, – сказала Мэри. Все согласились, что мистер Моллендорф – то, что надо. И стали накрывать столики к ужину. Время шло, дождь припустил сильней.

– Вся природа плачет, – вздохнула Мэри.

– Ужин испорчен будет, – сказала Клара.

– И пусть, – сказала Элли. – И работать не хочется, как вспомнишь, что она там в больнице мертвая лежит.

– Ой, знаете чего? – тихо сказала Грейси.

– Чего?

– Ее... ее клиент постоянный ...

Про него они и забыли. Слезы сами опять потекли из глаз.

– Как придет, я не дам новенькой его обслуживать, – сказала Грейси. – Сама обслужу.

– Правильно, Грейси, – одобрила Клара. – Нельзя, чтоб чужой человек ему сказал. Это будет просто... ну неправильно это будет.

В полшестого пришла новенькая из агентства. Форму принесла в коробке от Клайна. Мистер Моллендорф велел Грейси отвести ее вниз переодеться, показать меню, ввести в курс дела. Грейс повела новенькую, Роза ее звали, вниз, к раздевалкам. И рассказала про Айлин и ее операцию.

– Мне очень это неприятно слышать, – сказала Роза, – нет, правда. Совсем не хочется обогащаться за счет чьей-то смерти.

– Кому же хочется.

– Мне тем более.

Грейси ей сказала про постоянного клиента Айлин.

– Как он придет, ничего, если я его обслужу? – спросила она. – Понимаешь, это ведь настолько личное.

– Конечно я понимаю, – сказала Роза. – Все, что могу, – я пожалуйста.

– Спасибо.

– А они встречались?

– Ну не то что, но к тому поворачивалось. Он два года уже сюда ходит и всегда садится за столик Айлин. Она точно знала, что ему нужно. Он только насчет мяса распоряжается, остальное всегда одинаково. Сперва закажет фруктовый салат, потом суп гороховый с гренками, или овощной – как у нас подают, потом насчет мяса распорядится – чтоб не слишком зажаренное, со стручковым горошком и пюре картофельным, потом яблочный пирог нашей выпечки или с черникой пирог, если сезон, и кофе с двумя сливками, он черный не любит. Айлин все точно знала. Почти без слов понимала его.

– Небось, привык он к ней.

– А то. И она ему нравилась. Сначала стеснялся, не разговаривал, но месяцев через пять-шесть она его покорила буквально своей улыбкой, своим поведением, и он с ней разговорился. Айлин говорила, он такой умный. Все всегда знает насчет текущих событий, про войну и так далее.

– Думаешь, очень будет переживать?

– А то, – сказала Грейс, – думаю – очень даже, поэтому и хочу сама ему сказать. Ведь ты понимаешь.

– Я понимаю, – с чувством сказала Роза.

Роза переделалась в свою форму, тоже – черное платье, белый воротничок и манжетики, белый фартучек. Завсегдатай все же заметил бы, что она новенькая: туфли черные, а у других девочек белые туфли.

Грейси познакомила Розу с девочками, показала столики Айлин.

– Он вон там садится, – она показала третий столик по стенке. – Ты его сразу узнаешь, худой, блондинчик такой, и он всегда «Уорлд телеграм» читает.

– Как увижу, сразу тебя позову, – сказала Роза.

– Ладно.

Снова они сели на ту скамейку под зеркалом, и все вместе тихонько разговаривали. Розе рассказывали, какая была Айлин – даже замуж не вышла через свою доброту, за матью за старой смотрела, а братья женатые плевать хотели на мать, и такая вся из себя хорошенькая, и характер такой добрый, вперед нее на кухню протиснешься – в жизни не огрызнется, всегда улыбается, все ее обожали просто.

Они смотрели, как дождь сбегает по окнам. Ресторан был пустой и казался вдвойне пустым, когда они смотрели на аккуратно накрытые столики, серебряные приборы, белые салфетки и скатерти. Кассир у парадного читал книгу, а девушки сидели за залом, в сумраке, и думали про то, про что всегда люди думают, когда кто-то умрет.

– А когда он приходит, этот молодой человек? – спросила Роза у Грейси, когда они брали десерты на кухне.

– В полвосьмого всегда.

Роза глянула на свои часики:

– Без десяти восемь уже.

– Ну, он иногда не приходит. Может, сегодня не придет, из-за дождя, – сказала Грейси.

– Лучше бы уж пришел.

Когда Грейси снова вышла в зал, она увидела, как он вешает дождевик и зонт возле обычного своего столика, и сердце у нее перестукнуло нежданно. Она подавала десерты и поймала взгляд Розы. Роза глянула, увидела – он читает «Уорлд телеграм». Она понимающе улыбнулась. Остальные официантки заметили, как они переглядываются, и атмосфера сделалась напряженной.

Грейси расправляла фартучек и старалась успокоиться. Ничего ему не скажу, решила она, пусть сам спросит. Она прошла к столикам Айлин и налила для него стакан воды. Он поднял глаза от газеты.

Глаза у него были какие-то скучно-голубые, а волосы сухие и на макушке редкие. Он слегка удивился при виде Грейс.

– Могу я... могу я сделать заказ?

– Да, сэр. – Она скажет ему, когда он спросит, где Айлин. Грейси готовилась к этой страшной минуте. Девушки, занятые своей работой, поглядывали на этот столик.

– Итак, – сказал он и легонько почесал щеку длинными, костлявыми пальцами, – я всегда беру фруктовый салат, гороховый суп с гренками. Сегодня я попрошу – говяжью отбивную, пожалуйста, не слишком зажаренную, с картофельным пюре и с горошком.

Грейси быстро-быстро записывала.

– На десерт я обычно заказываю кофе с двойной порцией сливок и пирог с черникой.

Грейси закрыла блокнот и еще постояла минутку, думая, что он спросит про Айлин, но он уже уткнул глаза в газету. Она была разочарована. Он снова поднял глаза.

– Я... что-то не так?

– Нет-нет, сэр, – и она заторопилась на кухню со строгим лицом.

Две девочки к ней подбежали на кухне.

– Ну? Сказала? – спросила Мэри.

– Он даже про нее не спросил.

У Мэри вытянулось лицо.

– Да ты что! – крикнула она.

– Все они такие, – сказала вдумчиво Клара. – Жива ты, умерла – им и дела нет.

– Да уж, – сказала Грейси.

– Может, он думает, выходная она? – предположила Мэри.

Грейси просияла:

– Ага, вот ты умная какая, – сказала она. – Да нет, он же знает, она же выходная была по четвергам, а сегодня вторник.

– Ну, может, забыл.

– Скажи ему прямо, – сказала Клара, – возьми и скажи, и поглядишь, что он скажет.

– Да, наверно.

Грейси взяла хлеб и масло, кое-какие овощи и фруктовый салат. Поставила все перед ним, и он опустил газету.

– Сэр, – начала она.

Он поднял глаза, какой-то испуганный.

– Поскольку вы постоянный клиент, – сказала Грейси, – наверно, вам интересно будет узнать, что Айлин, девушка, которая всегда вас обслуживала, она... она скончалась сегодня в больнице от операции желчного пузыря.

Грейси не смогла с собой сладить. Губы у нее расплзлись, и слезы полились по щекам. Девушки поняли, что она ему сказала.

Он не знал, что ответить. Переглотнул, сконфузился, стал беспокойно оглядываться на другие столики.

– Да... понятно, – сказал он, и его странно не слушался голос. – Мне очень жаль.

Глаза его снова уткнулись в газету. Грейси сморгнула слезы, чуть поджала губы. И поскорее ушла.

– Да ну его к дьяволу, – на кухне сказала она Кларе. – К дьяволу. Хоть бы он подавился.

– Так бы ему и надо, – сказала Клара. Грейси вызвала Розу. Вырвала свой чек из ее блокнота. – Вот. Обслужи его. Я видеть его не могу.

– Ты ему сказала? – спросила Роза.

– Сказала, сказала, не говорила бы лучше.

– Все они такие, – сказала Клара.

Весть обошла всех девочек, и они пронзали его презрительными взглядами, когда пронесли мимо заставленные подносы. Роза машинально его обслуживала. Убрала фруктовый салат, плюхнула на стол суп. Он и не заметил. Уткнул глаза в свою газету.

Девочки разозлились, они его обсуждали на кухне.

– Хоть бы для приличия попереживал, – сказала Мэри.

– Так ничего и не спросил?

– Не-а. Только: мне очень жаль, говорит, равнодушно так, и больше ни словечка.

– Хоть бы он подавился этой

своей отбивной, – выпалила Роза.

– И правда, – сказала Клара.

Они опять вышли в зал, но не могли с собой совладать, все время на него поглядывали. Скоро другие клиенты стали смотреть на него. По злым лицам официанток они понимали, что что-то не так.

И вот, подняв глаза, он увидел, что все на него смотрят. Он сразу опустил глаза, но рука его дрожала, когда он резал мясо. Потом он вдруг утер губы и бросил салфетку на стол. Взял чек, снял с вешалки дождевик и шляпу. Лицо у него было белое. Он быстро заплатил и ушел.

Девушки остолбенели. Стояли, забыв о работе. Когда дверь за ним захлопнулась, они поскорей собрали грязную посуду и бросились на кухню.

– Видали? – сказала Клара. – Аж отбивную свою не доел.

– Наверно, из-за Айлин переживает, – сказала Мэри.

– А может, заметил, как мы про него думаем, – сказала Грейси.

– Да нет. Вряд ли. Мэри правильно говорит, – сказала Клара. – Бывают такие мужчины. Слова тебе не скажет, а сам мучается, изводится.

– Ну, не знаю, – сказала Грейси.

– Г-споди, девочки, – крикнул мистер Моллендорф. – У меня ресторан, а не зал для дебатов. Кто работать будет?

Группка разбилась. Одна за другой девочки вошли в зал через вращавшуюся дверь.

– Нет, я уверена, – убеждала Клара Грейси. – Уверена, он всем сердцем ее любил.

1943

Гарриет А. Нобл

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Etāā ā1843 āāō āīāī ūā āāī ēdāēā Nōāīpēīāē-ā dīāēēīy ī āēū-ēē, dīāēōāēē ī-ēōāēē, -ōī āāī īāūāā īōāāīōāāēāīā: ē āāā, ē īōāāā āūēē īōyēāī ē. Āāōōūēē īēīāōāēū ō-ēēīy ā ēāāōīēīī ēīōīōīā, āāā āīōīāēē īōēōāīā ōēīōā. Īāīāēī īā-ōāē ī Īāōāāōōāīēīī ōīēāāīēōāōā, ōāēāēēīy ēēōāāōōōīē, īēīāē īōēōē.

Īīāīūp 1860 āāā ēīīōāīōēī Īēōāēīāē- Nōāīpēīāē- īōīōāēēīy ēē ēdīōōāōōā ā ōdāōāē-īīā ēōūāīāōīīā īēāāīēā Īā ēīōāēā īī īōīāīēāē īēīāōū Nōēā īō-āōū īōāāōūāē ā īōdāīōīōā īīēāī ē-āīēēā īōāōūē. xāōāē 30 ēāō Nōāīpēīāē- īāīēōāō āāōīāēīāōē-āīēōp īīāāīōū «Āīēōōāīāōā īā “ēīōōōīā”». Āāīē yōīē īīāāīōē, ēāē ē āā āāōīō, «ēpāīāīē īāōīāō īōōāī ēē... īā āīp āēēīū īīāēāā āā ōōēīāīyūvēī īā-āēīī āīāē īāīāē āīyōāēūīīōē».

Īā-ōū ī ēō-ōāī āāōōāī āēy īāōīāā ēēīāīēē ē āēēīū īāī īā Nōāīpēīāē-ā Īī āāē ēīēāāīēē īōēāēēīy īō āēāīōyūāē āīāīīē ēāōūāōī, īōāīī-ōy āē īāēāēōp āēēīū āōīāēēīōā, īōīōāīēīīāēūīīā ēēōāāōīōā.

Āāīōāēēīīā Īāōāāōōā Nōāīpēīāē- īīā ē ōīōīī īēīāē, īōīāōy īāy ā dāēīūō āēī dāō Īā-āōāē ī-āōēē, ōāēūōīū. Ā 1880-ō āāōō īōāē īīōīyīīūī īōdōāīēēīī, dāāēōīōī, ā īīōī ē āēāāēūāī īāōāāōōāīēīā āōīāēā «Āāēī», ēīōīōīē ōāīēōī ī-ēōāēē īāēāīīāāāēīūī, īōīā-āy āāī «āōāīūē ōāāēōāō». Nōāīpēīāē- āāē ā āōīāēā īīōīyīīōp ōāāēēō «Ēāōōēīēē īāūāīōāīīē āēēīē», āāā īīōāāēūīīē īōēōīāīīōp āīāīōēē ī «āīēy-ēāō āōāī āīē». Ā ōāāēōēē āā īāēīāēē «āēāīē īāāīōp», «īōīēōōīōī īōāāū». Īāāōīī īāēī ēē āā īīāāīēīīā - «Īōēōīāīūē īēīāōāēū».

Nōāēē «āīēy-āē āōāī āīē» āūē ē āīōēīāēōēēī. Īīāēēīūē ōūīēē ēīōāēēāīō, īōīōēāīēē ēpāīē īāīīōāāēēāīōē, Nōāīpēīāē-, ēīīā-īī āā īā īīāīōēōē ī ēīī yōīā yāēāīēy. Nāēāōāēūōāīī ōīō - ī-āōē («Ēāōōēīēē īāūāīōāīīē āēēīē»), īīāyūāīūē īā-āēūīī ēīāī āīēōīō «ēōōāēīēīīō īōīōāīīō», ēīōīōēē ī-āāāīīā ēōīāāīā īāāōā īā āāōāā Īāīā-āōāī «Ēāōōēīēē...» ā 1 5 āēōīāēā «Āāēī» ēā 1879 āā, īīāīēīāī - «Īōēōīāīūē īēīāōāēū». Īāēī ēē āāīāā īāīīāīēē ēīāē, īāāōīyēā īōēīīīēēīy āāōīōō ē āī āāīy ōāīōū īāā ēīāī āīēōūī dāīīēāēī «ēīīēēā».

Īōāēēāōēy ē āīōōīēōāēūī īāīēīāī ē. Īīēēēīāīēē

Я прочитывал кутаисский процесс. Когда я читал показания свидетелей, припомнил мне далекое прошлое. Вспомнил я, как однажды старуха-няня, женщина бесконечно добрая и мягкая, испугала меня, рассказывая тем замирающим шепотом, который так жутко слушать в детском возрасте, самые достоверные рассказы о том, как «жиды» накануне пасхи ловят христианских детей. Я слушал замирая. Верил и не верил, так как у меня был один приятель «жид» Исай, арестант, шивший сапоги на все наше семейство.

В том городе, где я провел детство, были арестантские роты. Арестанты приходили в казенный дом, где жило наше семейство, каждый день для исполнения почти всех работ. Одни убрали громадный сад, пололи траву, чистили дорожки, поливали цветы, убрали двор; мастеровые засаживались на целый день в мастерство. Между последними был Исай, сапожник, добродушный еврей, который снисходительно отвечал на мои ребячьи вопросы, когда я прибегал к нему в комнату на дворе, где он тачал сапоги и башмаки; бывало, он гладил своей рукой мою голову, вспоминая, вероятно, глядя на меня, своих малолеток, и давал мне кусок арбуза с черным хлебом, посыпанным крутой солью, – завтрак, казавшийся мне самым вкусным завтраком на свете.

Я не знал конечно, за что попал Исай в арестантские роты, да и вообще ничего не знал об арестантах, приходивших к нам в дом. Несмотря на то, что они были в кандалах и что при них всегда были конвойные, спокойно, впрочем, спавшие большей частью где-нибудь в укромном уголке, я относился к ним совсем не так, как следовало бы с точки зрения прокурорского надзора. Я безбоязненно, особенно если не рассчитывал наткнуться на отца, подходил к ним, смотрел, как они работали, присаживался, когда они

аппетитно закусывали черным хлебом, и всегда получал свою порцию: нередко они гладили меня по голове, предварительно поглядев, однако, по сторонам, смеялись и рассказывали мне сказки. Правда, я слышал в доме, как несколько лет тому назад один арестант, работавший у нас в саду, убежал, переодевшись в женское платье, но этот рассказ не только не пугал меня, но не раз заставлял даже спрашивать у арестантов, отчего и они не поступят таким образом, как поступил их товарищ? Подобные вопросы вызывали обыкновенно веселый смех и самое дружеское трепание по моему плечу, что, признаюсь, мне было в то время крайне приятно. Таким образом, повадился я бегать к Исаю. Он был престарелый арестант, с большим носом и черными умными глазами. Шить сапоги и башмаки он был большой мастер. Он всегда ласково встречал меня и не гонял, несмотря на то, что я мешал ему подчас работать. Он вырезывал мне из дерева разные замысловатые фигуры и показывал мне, как надо шить башмаки, и как-то ласково советовал уходить, если я засиживался у него в комнате, боясь вероятно, что за это мне будет нагоняй. Обыкновенно няня уводила меня и грозила, что будет жаловаться, но так как я знал цену ее угроз, то на другой день я снова убежал к Исаю и снова лакомился, ранним утром, арбузом с солью.

И вдруг, по словам няни, этот самый Исай режет детей и добывает из них кровь, без которой, по рассказам няни, они не могут справлять своей пасхи.

– Если ты станешь ходить к нему, он и тебя зарежет!

Так закончила добрая старушка свой длинный рассказ, подкрепленный авторитетной ссылкой на разных очевидцев, которые видели, как евреи перед своей пасхой шляются по городу и ищут ребенка, из которого надо добыть крови.

Хотя няня и не обвиняла непосредственно Исаю в этом кровожадном поступке, но она объяснила, что по еврейскому закону всякий еврей должен так поступать, а, следовательно, и Исай должен был резать детей, тем более (подумалось мне), что у него столько ножей в распоряжении. Но, с другой стороны, не может быть, – он такой добрый, ласковый. Он не только никогда не грозил меня зарезать, но даже никогда не сказал мне грубого слова. Тут что-нибудь да не так. Верно, няня напрасно Исаю обвиняет.

Тем не менее я несколько дней не забегал к Исаю. Забегать хочется, но и зарезанным быть не хочется.

– Каких детей они мучат? – спросил я у няни, снова подымая этот, мучивший меня вопрос.

– Всяких детей... ну, разумеется, которых родители победней. Полковничьих или генеральских детей они не трогают, ответа боятся; ну и шума больше...

Через полчаса я уже был на пороге комнаты Исаю. Сколько помнится, сердце мое сильно стучало, когда я переступал порог комнаты. «Разве убежать?» – подумал я, тем более, что в это самое время Исай как нарочно натачивал свой сапожный нож. Но было уже поздно. Исай взглянул на меня. Заметив испуганное мое лицо, он участливо спросил:

– Что с вами, барчук?

Я взглянул ему в глаза. Они так ласково на меня смотрели, что я забыл свой страх и подошел к нему.

Он провел своей рукой по моей голове и заметил:

– Давно не был, барчук. Больны были?

Я солгал и ответил, что был болен.

Страх мой около Исаю стал понемногу проходить. Я принял от него обычную порцию арбуза с хлебом и, когда кончил свой завтрак, спросил его:

– Исай, ты мучил христианских детей? Скажи мне!

Он взглянул на меня удивленным взглядом и сказал:

– Как мучил?

– Резал их? Собирал кровь?

Он (я хорошо помню) улыбнулся грустной улыбкой и тихо заметил:

– Тебе кто сказал?

– Няня сказала.

– Не верь ей, барчук. У меня у самого дети есть. Зачем я стану детей резать? Это про нас, евреев, говорят, веру нашу гонят. Нет, барчук, я детей не резал! – Повторял он тихим ласковым голосом, отворачиваясь от меня.

Он помолчал. Когда он повернул свое лицо, мне оно показалось таким грустным, что я тотчас же заметил:

– Ты, Исай, не сердись. Я больше не буду говорить, что ты детей резал!

В ответ он взял мою руку и поднес ее к своим губам.

Когда я ушел от Исае, я вполне был уверен, что няня ошиблась, что Исай не мог резать детей...

Эта сцена вспомнилась мне, когда я штудировал знаменитый кутаисский процесс.

Я проштудировал его сразу, когда печатание, наконец, окончилось в газетах. По моему мнению, для того, чтобы впечатление было цельнее, подобные процессы не следует читать отрывками. В целом картина является ярче, законченней и поучительней. Процесс этот, действительно, заслуживает названия знаменитого и даже исторического процесса как характерное отражение невежества и дикого суеверия, обнаруженного во второй половине текущего столетия не одними только наивными «детьми кавказских гор», пребывающими в первобытной простоте невежества, неразлучного, впрочем, в положении этих детей, как «платежных единиц», занятых исключительно исполнением своих обязанностей, сопряженных с этим почетным званием. Сам Г-сподь Б-г разрешил им верить во все то, что заповедало им вековое суеверие, про что говорят им высокие горы, нашептывает лес и насвистывает ветер. И у кого поднимется язык обвинять «платежную единицу» – будь она русская, армянская, немецкая или зулусская – за то, что она подчас видит черта совсем не там, где он, по уверению знающих людей, находится.

Но дело в том, что в процессе, о котором мы повели речь, люди, претендующие на звание людей образованных, «дети культуры», обнаружили такое же суеверие и такое же невежество, какое обнаружили и «дети гор»... Стоит посмотреть некоторые наши газеты и увидеть, как наши свободные «дети прессы» отнеслись к процессу, чтобы убедиться, что многие из этих сынов отечества благодаря лишь случайности да развеселому времени, в котором мы живем, занялись руководством общественного мнения, вместо того чтобы занять какой-нибудь, более подходящий к способностям их пост, на котором они проявляли бы полные свои таланты и развились бы пышным цветом, вместо того чтобы отцветать, не успевши расцвести во всей своей красе.

Все это было, все это былем поросло и опять словно бы восстают призраки прошлого. На сцену снова является обвинение в употреблении евреями христианской крови... обвинение, уже давно потерявшее силу в Европе, обвинение, по поводу которого император Александр I еще в 1817 году издал повеление следующего содержания: «по поводу оказывающихся и ныне в некоторых, от Польши к России присоединенных, губерниях изветов на евреев об умерщвлении ими христианских детей, якобы для получения христианской крови, его императорское величество, приемля во внимание, что таковые изветы и прежде неоднократно опровергаемы были беспристрастными следствиями и королевскими грамотами, высочайше повелеть соизволил: объявить всем гг. управляющим губерниями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик, по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови; но если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало на евреев, без предубеждения, однако же, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании, по доказательствам, к самому происшествию относящимся, наравне с людьми прочих вероисповеданий, которые уличались бы в преступлении смертоубийства».

...Εἰ ἰσχυρὸν Ἀεαεναῖον Ἰ αὐτὰ ἀ 1817 ἄσῳ ἐγῶε ἰσῶεαί εἰ ἡσῶφῦαῶ ἡσῶεαί εῦ: «ἰ ἰσῶε ἰεῶαῖαφῦεῶν ἔ ἰῦα ἰ ἰεῖοῖοῦ, ἰὸ ἰῖεῦε ἔ ἰῖε ἰδῆῖαεῖαῖ ἰῖ, ἰῖαῖεῦῶ ἐγῶεῖα ἰῶ ἰῶεῖα ἰῶ ἰῶ ἰῶεῖαῖ εῖ ἔ ἰδῆῖοεῖαῖ ἰῶεῖ ἰῶεῖ, ἰῖεῖαῖ ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ, ἰῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ, ἰῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ, ἰῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ ἰῖεῖ-ἰῖεῖ...»

Обвинение это, правда, не было сформулировано прямо, но, тем не менее, оно вытекало само собой из намеков и из самого факта обвинения евреев в похищении девочки и в последовавшей от того ее смерти. Большинство свидетельских показаний сводилось к тому же. Добродушные дети гор говорили в этом смысле, вполне уверенные, что если девочка пропала, то наверное евреи взяли ее. Недавно еще была напечатана заметка, кажется, в «Современных Известиях» о пропаже ребенка в Москве и о том, что подозревают в этом евреев. Если не ошибаюсь, в заметке даже сообщалось, будто в Москве среди обывателей было сильное возбуждение и масса народа собралась к тому месту, где предполагалось похищение. Такие нелепости, поощряющие невежество и разжигающие религиозную нетерпимость, попадают в печать, пишутся людьми, считающими себя образованными. После этого нет ничего мудреного, что предрассудок держится так упорно и что наш народ, вообще крайне терпимый к чужим верованиям, приходит в возбуждение как только дело касается обвинения евреев в употреблении христианской крови. Суеверие легко питается нелепыми баснями и легко доводит до печальных последствий, как то было несколько лет тому назад на Святой в Одессе. Вообще на юге, где относительно евреев больше, каждую Святую проходит слух, что будут избивать «жидов». Положим, что ненависть к евреям среди простого народа существует помимо всякой религиозной нетерпимости, вследствие экономической зависимости от евреев, но такая зависимость существует от кулаков всякой национальности. Но к этому недовольству примешивается возбуждение, вызываемое чудовищными баснями, повторяемыми, как мы видели, даже и людьми, которые, казалось бы, должны всеми силами разьяснять дело, а не питать суеверие.

Обратимся, однако, к сущности обвинения, сформулированного на кутаисском процессе и передадим вкратце обстоятельства этого дела, как оно изложено было в обвинительном акте, на основании данных предварительного следствия.

Дело происходило так.

4 апреля после обеда дочь крестьянина Иосифа Модебадзе, жителя селения Перевисы, слабенькая, хромяя девочка шести лет вместе со старшей сестрой своей Майей ушла из дома родителей в дом соседа крестьянина Цходадзе. В усадьбе Цходадзе Майя помогала Турфе и Елизавете Цходадзе выжигать белила. Выжигание производилось в мелком лесу, недалеко от дома, в 66 саженях от проезжей дороги, ведущей через селение Перевисы в местечко Сачхери. При выжигании белил была и маленькая Сара. В три часа пополудни, в то время, когда Майя Модебадзе и Елизавета Цходадзе, по просьбе Турфы, выжигавшей белила, стали собирать валежник для поддержания огня, Сара Модебадзе удалилась с места выжигания белил и направилась по дороге к своему дому. По этой же дороге одновременно с удалением Сары Модебадзе проехало несколько человек евреев, вслед за проездом которых Сара Модебадзе исчезла. Два часа спустя после исчезновения Сары отец ее Иосиф Модебадзе и его дочь Майя искали Сару как по дороге, так и в стороне от нее, причем два раза прошли без успеха в поисках путь, по которому Сара должна была возвратиться домой. В этот же день крестьяне Иавель и Дата Цходадзе и Иван Конанадзе также искали и звали Сару Модебадзе и продолжали свои поиски до наступления темноты. На другой день поиски продолжались собранными для этой цели многими крестьянами и соседями исчезнувшей Сары. В этот же день, то есть 5 апреля, около селения Дорбаидзе, по тому месту, где на утро 6 апреля был найден труп Сары Модебадзе, проходили несколько человек крестьян, не видавших этого трупа, а именно: Теодор и Соломон Модебадзе, Захарий и Теймураз Дорбаидзе. Крестьяне эти искали Сару, но трупа ее не видели. Свидетели, видевшие на месте нахождения труп Сары Модебадзе, объяснили, что умершая Сара лежала на спине со сложенными руками, одною на груди, а другою на животе, ногами к забору, отделявшему лес от посева. В той же самой одежде, в которой была в день исчезновения. Труп и платье на нем были сухи и не имели следов пребывания в воде. Платье и рубаха вдоль передней части всего тела были разорваны. На правой руке, в мякоти промежутка большого и указательного пальца, и на тыльной стороне левой руки, на суставе указательного пальца, были усмотрены две довольно большие раны.

По мнению доктора, составлявшего акт медицинского вскрытия, смерть Сары произошла от несчастного случая – от утопления во время проливного дождя.

Но так как заключение врача не согласовалось с данными предварительного следствия, то 16 мая вырыт был труп и снова произведен был осмотр другим врачом, который нашел, что смерть Сары произошла от удушья.

По мнению общего присутствия управления медицинскою частью гражданского ведомства на Кавказе и в Закавказском крае, смерть Сары Модебадзе произошла от воспрепятствования доступа воздуха к легким, причем, по недостаточности данных, имеющихся в акте вскрытия трупа, общее присутствие не могло определить, произошла ли смерть Сары от задушения или утопления. Хотя выводы судебно-медицинской экспертизы над трупом Сары Модебадзе и не дают положительных данных, приводящих к заключению, что смерть Сары Модебадзе произошла путем насильственным, а не вследствие преграждения доступа воздуха к легким по какому-либо другому вполне неопределенному случаю, тем не менее по словам обвинения является несомненным, что смерть Сары именно связана с ее исчезновением.

На основании такой «несомненности», на основании того, что около времени ухода Сары из леса домой по дороге проезжали две партии конных евреев, и на основании показания свидетелей – жителей Перевисы и Сачхери, делу был дан надлежащий ход.

Обвиняемые в преступлении евреи не сознались и объяснили, что обвинение возведено на них ложно, с целью их разорения.

Читатель далее увидит, насколько справедливы оказались показания свидетелей, на основании которых главнейшим образом построено обвинение, насколько правдивы показания о стоне и криках ребенка и, наконец, насколько расстояние пребывания девочки от дороги позволило ей догнать евреев, чтобы быть ими похищенной. Наконец, перед его глазами предстанут самые эти свидетели, и тогда дело получит совсем другой вид.

Без одного месяца через год дело это рассматривалось в кутаисском окружном суде. Защитниками были вызваны присяжный поверенный Александров из Петербурга и Куперник из Москвы. Стенографы были посланы из Петербурга. На Кавказе общественное мнение было возбуждено. Что же касается до еврейства, то нечего и говорить, что оно было сильно заинтересовано исходом процесса. Стоустая молва передавала слухи, что адвокатам заплатили большие деньги за защиту. По моему мнению, это было лишнее, так как с первых же дней заседания, как только что был прочитан обвинительный акт, явились свидетели и стали лжелгать суеверный вздор, видно было, что здание обвинения выведено на зыбучем фундаменте, который не выдержит не только веского слова опытного адвоката, но даже самого легкого прикосновения здравого смысла. К тому же нельзя было сомневаться, что и судьи, познакомившись с делом из уст свидетелей, взглянут на него трезвым взглядом.

Всех свидетелей было 103 человека, и так как все они объяснялись с судом на туземном языке, то заседания поневоле длились очень долго.

Почти все свидетели принадлежали к простому сословию. В суде в течение нескольких дней пребывали эти «дети гор», из которых многие не умели объяснить, сколько им лет (сорокалетняя женщина говорила, что ей 13 лет), но поведали простодушно о том, что видели. По меткому выражению товарища прокурора, за эти дни «могли остаться только в памяти без всякой связи Сара, семь евреев, козел, гуси, плач Майи и множество других обстоятельств, которые ничего из себя не изображают». Конечно, г. товарищ успел уловить связь, но, тем не менее, выражение его нельзя не признать метким, так как, действительно, прочитывая свидетельские показания, прочитывая наивный лепет перевисских и сачхерских кумушек, в уме остаются опять-таки семь евреев, козел, гуси, но какая связь между семью евреями, козлом, гусями и смертью маленькой Сары – это в течение всего заседания является непонятным. Блеянье козла принимают за стон ребенка; ребенка в сумке оказывается никто не видел; свидетели, говорившие на предварительном следствии одно, показывают на суде другое и наконец третье; никто не может сказать, почему именно подозревают евреев; никто не может удостоверить, точно ли слышал крик ребенка, и когда просят изобразить, какой звук слышали, то в суде раздаются такие звукоподражания, какие ничего общего не имеют с криком ребенка. Наконец, оказывается, что главный свидетель, говоривший на предварительном следствии, что он видел евреев и слышал, как среди них раздавался крик: «батюшки, спасите меня!», не мог ничего подобного слышать по раннему времени, так что в конце концов защитник г. Александров был прав, сказав, между прочим, в своей защитительной речи, что «когда настоящий процесс станет минувшим делом, то взору наблюдателя предстанет какой-то комический дивертисмент, как будто для развлечения, для успокоения нервов вдвинутый в страшную уголовную драму, какой-то юмористический листок среди страниц уголовного дела о кровавом деле».

На судебном следствии, где главным делом, разумеется, было выяснить время и пространство, так как время и пространство, значило все в вопросе о похищении, суду пришлось иметь дело большей частью со свидетелями, которые измеряли время и пространство весьма своеобразно. «Скоро, не скоро, далеко, близко, не знаю», «не мерил» – вот ответы, большей частью даваемые свидетелями. Женщина 40 лет на вопрос: сколько ей лет? Отвечала, что ей 13; одна дряхлая старуха, желая сказать, что она очень стара, объяснила, что она совсем старуха, что ей сорок лет. Одна свидетельница говорила, что она слышала крик ребенка и в то же время заявляла, что она глуха. Одним словом, защите не трудно было опровергнуть обвинение, построенное на показаниях и только на показаниях таких свидетелей.

И надо отдать справедливость г. Александрову: он исполнил свою задачу блистательным образом. Он начал с того, что, сведя все свидетельские показания, доказал, что козла, причинившего такое печальное недоразумение, везли в первой группе конных евреев. Установив этот факт, он совершенно наглядно доказал, с планом в руках, что Сара не могла встретиться с евреями и, следовательно, никак не могла быть ими похищена, так как, чтобы выйти на дорогу и догнать евреев, девочке, по самому умеренному расчету, пришлось пройти 72 сажени, между тем как до того же пункта, с которого только и была возможна встреча, конным евреям надо было проехать только 44 сажени. Дорога открытая, все свидетели единогласно показывали, что евреи нигде не останавливались и, следовательно, нигде не могли поджидать девочки.

«Я прошу вас теперь сообразить, – сказал защитник, – что 42 сажени было расстояние для ехавших хотя бы только шагом, евреев, а 72 сажени – для Сары, шестилетнего ребенка, хромого, ходившего медленно и с трудом, как говорят это все знавшие Сару. Путь для Сары был под гору, что для хромого гораздо труднее ровной дороги. Если предположить, что шаг Сары вдвое меньше или вдвое медленнее, чем шаг лошади или взрослого человека, то 72 сажени для Сары, по самому умеренному расчету, равняется 144 сажени для евреев. Не следует забывать, наконец, что евреи, разговаривая с Турфою, не останавливались и продолжали путь, что после разговора с ними Турфа разговаривала с Сарою, которая была еще возле нее и никуда пока не уходила, что с Сарою затем разговаривала сестра ее, что если на все это было потрачено две минуты, прежде чем Сара удалилась, то в эти две минуты евреи успели уйти вперед хоть на 100 сажень, а следовательно, опередить появление ее на дороге, по крайней мере, на 250 сажень. Таким образом, оказывается, что прежде чем Сара могла выйти на садзаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селение Перевиси и были далеко впереди Сары. Это соображение простое; оно основано на измерениях, сделанных следственною и обвинительною властью на плане, снятом судебным следователем и подтверждаемом актом осмотра местности, на показаниях свидетелей, которым верит и прокурор и которых он ставит в основание своих обвинительных доказательств. Это соображение было упущено, и упущение это составляет ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвинение. Это же соображение, поставленное теперь на вид, в конец и непоправимо разрушает обвинение. Это же соображение, поставленное теперь на вид, в конец и непоправимо разрушает обвинение в его основе. Этим соображением я доказываю, что не только Сара не была похищена евреями и именно первою группою, против которой и сводятся улики, но и не могла быть похищена. С этой минуты мне остается иметь дело не с обвинением, в основе своей разрушенным, а лишь с обломками обвинения, которые я должен смести с моей дороги, чтобы очистить путь к оправдательному приговору. Всею силою моего убеждения я опираюсь на приведенное соображение. Напрасно, поверяя порочность этого соображения, я ищу возможности какого-либо объяснения встречи Сары с евреями. Я не нахожу этого объяснения. Или мысли мои путаются, или в каком-то странном тумане блуждают мои соображения и я не вижу очевидного, или роковая ошибка на стороне обвинения. Просветите меня, г. прокурор, если я заблуждаюсь; разъясните мне, каким образом Сара могла попасть в руки первой группы евреев. Ведь никто не говорит, что евреи останавливались и поджидали Сару, что она сама условилась выйти к ним. Напротив, по смыслу всех обвинительных доказательств, видно, что только нечаянная, неподготовленная заранее встреча с Сарою обусловила ее похищение».

После постановки защиты на такую почву г. Александрову уже не трудно было смести остальные «обломки обвинения», и он весьма метко характеризовал поочередно показания всех свидетелей, данных на суде, сопоставляя их с показаниями, данными на предварительном следствии. Г. Александров сказал очень длинную защитительную речь. Он говорил превосходно. Мы, конечно, не станем приводить его речь; ограничимся только маленьким извлечением, характерно рисующим, как суеверное подозрение по поводу исчезновения девочки мало-помалу сложилось в грозное дело.

Когда пропала Сара, то, по словам защитника, Иосиф Модебадзе, нигде не находя своей пропавшей дочери, не видя объяснения ее исчезновения, останавливается, хотя и на шатком подозрении, против евреев, о чем он и делает заявление полицейскому приставу. Между тем как пристав, не произведя ни розысков, ни дознания об обстоятельствах пропажи Сары, передает заявление Модебадзе судебному следователю, Сара была отыскана. С отысканием ее трупа и для Модебадзе, и для всех других, по видимому, стала ясна причина смерти Сары: девочка заблудилась и погибла несчастным образом. Но по

крайней мере, ни Модебадзе, ни старшина, осматривавший труп Сары, ни другие, бывшие при этом осмотре, не поддерживают подозрения против евреев и поступают с трупом Сары так, как это бывает при бесспорных случаях нечаянной несчастной смерти. Старшина приносит труп в дом Модебадзе, семейство Сары хоронит ее труп, не ожидая его осмотра следователем, не требуя этого освидетельствования и не заботясь о судьбе заявленного перед тем подозрения, которое теперь для самого Модебадзе не представлялось уже основательным и вероятным. Между тем, имея перед собою прежнее заявление Модебадзе, следователь приступает к вырытию и к вскрытию трупа. Модебадзе не присутствует при вскрытии, не интересуется им и даже некоторое время не знает о нем. Между следователем и врачом происходит разногласие о причине смерти Сары. Пользуясь неверными полицейскими сведениями, врач дал такое объяснение случаю смерти Сары, которое не находило себе подтверждения в осмотре места, где найден труп. Первое недоумение, которое было бы не трудно разъяснить, отнесясь к делу без предвзятой мысли, первое разногласие, которое могло быть примирено более соответственным обстоятельством дела объяснением причины смерти Сары, дает Иосифу Модебадзе случай поднять снова оставленное уже им подозрение, и тут начинает он указывать свидетелей, слышавших детский крик, обращает внимание на разорванное платье Сары, заявляет о том, что под коленями у нее замечены были порезы. Порезы необходимо было придумать, чтобы придать солидность подозрению. Конечно, рассчитывалось при этом, что труп погребен и что показание о порезах примут на веру. Вторичный осмотр трупа, вырытого из земли, произведенный в присутствии отца Сары, убеждает, что никаких порезов на ногах Сары нет и не существовало. Казалось бы, вторичное вскрытие трупа должно было повести к разъяснению случая смерти Сары и указать, с каким подозрением и с какими достоверными заявлениями имеет дело следствие. Но оно, напротив, проникается важностью подозрения и дает ему преувеличенную цену. Через несколько времени после первого вскрытия полицейский пристав, осматривая место нахождения трупа Сары, замечает давние следы двух лошадей, шедшие по направлению к месту трупа. Пристав обращает на это внимание, и этого достаточно, чтобы его недоумение родственники Сары обратили в пользу своего подозрения на евреев. Скрывают действительное происхождение следов и объясняют, что на них не обратили внимания в то время, когда нашли труп Сары. Странное и невероятное объяснение. Возможно ли, чтоб осматривавшие труп на месте – а таких было много – могли упустить тогда еще свежие следы, указывавшие на привоз Сары в то место, где он найден? Возможно ли, чтобы отец Сары, имевший подозрение на евреев, оставил без внимания эти следы, которые так поддержали его подозрение? Пристав не остановился на этих вопросах. Он допустил, что следы существуют, но не были замечены. И свидетели, которые, как оказывается, знали о происхождении этих следов, умалчивают, а другие, пользуясь их молчанием, свидетельствуют о встрече на салхерской дороге двух евреев накануне нахождения трупа Сары и, таким образом, подготовляют разъяснение тому недоумению, которое возбудилось в уме пристава. Следствие получает новый толчок. Крик сперва слышали только на садаглихевской дороге. Этого недостаточно; следствие желало бы еще новых свидетелей детского крика на дальнейшем пути евреев. И раз почувствовали эту надобность, – целая группа свидетелей более чем через месяц после пропажи Сары является внезапно и, молчавшая до тех пор, свидетельствует о слышанных криках. Вообще, следя за предварительным следствием, мы видим, что при каждом новом требовании следствия, тотчас же является и предложение вполне удовлетворительное. Каждое недоразумение, каждое сомнение, которое является у лиц, производящих дознание и следствие, каждая их, иногда невольная, ошибка, тотчас же обращаются в пользу заявленного подозрения: за них хватаются, как за искру, и раздувают в пламя, освещающее дело совсем не с той стороны, на которой была истина. Так сложилось настоящее дело.

Как известно, суд оправдал всех подсудимых и, таким образом, обвинение, поддерживавшее вековое суеверие, рухнуло...

И находятся печатные органы, которые готовы поддерживать нелепость подобных выдумок, – нелепость, очень хорошо доказанную научными исследованиями вопроса об употреблении евреями христианской крови. Спрашивается: чего же можно ожидать от неграмотных людей, если наши газетные руководители находятся сами в первобытном состоянии невежества?..

Недавно в немецкой газете «Gegen-wart» напечатано было по поводу кутаисского процесса письмо Бертольда Ауэрбаха, в котором немецкий писатель, изумляясь, что «в 1879 году по Рождестве Христове, перед лицом судей, причисляющих себя к последователям учения Христа», судили семерых евреев, обвинявшихся в убийстве христианского ребенка для употребления его крови на приготовление пасхальных опресноков, пишет затем следующие прочувствованные строки:

«Быть может, судьи приняли жалобу только с целью разоблачить всенародно всю лживость подобного дьявольского обвинения. Ведь должна же состояться публичная защита.

Но почему же молчат тысячи знающих? Разве не грех – допускать обвинение, не свидетельствуя против него?

Все христианские богословы, начиная от кавказских священников и профессоров богословия духовных училищ включительно до римского папы, знают и должны знать, что ни в какой стране и ни в какое время подобные обвинения, взводимые на евреев, не имели в основании своем ни одного атома правды. На чьей крови были изготовлены опресноки, которые Иисус, как иудей, преломлял на тайной вечере и роздал ученикам своим?

Всем духовным лицам известно, что иудеям запрещается употребление крови животных. Им известно, что во всем мире должна разыграться исступленная жажда мести, если бы где-нибудь проявился факт подобного религиозного каннибальства; они это знают; почему же никто не скажет открыто слова предостережения?

Почему же мы, евреи, должны возвысить голос? Разве христианские богословы не признают своей обязанностью защищать от несправедливых обвинений людей других вероисповеданий, разве не их обязанность нравственно руководить христианами-обвинителями?

Существует обширная ассоциация для обращения евреев, отправляющая своих миссионеров во все части света. Между этими миссионерами многие – евреи по рождению, принявшие христианское учение. Отчего они не возвысят голос и не скажут: мы знаем обряды наших прежних единоверцев и ручаемся, что никогда не существовало и не могло существовать обычая, намекающего хоть издали на что-либо подобное? Разве религия любви не вменяет в обязанность защищать своих братьев по человечеству от несправедливости?

Такие люди, как Спиноза, как Моисей Мендельсон, выносившие один временно, другой в продолжении всей жизни гонение своих фанатических единоверцев, – разве они могли бы оставаться в лоне религии, где было бы мыслимо подобное каннибальство?

Страшно, горько сознаться, что чудовища в области мысли, тысячу раз истребленные, воскресают вновь. Но как бы часто они не возникали и в каком бы отдаленном уголке света они не показывались, необходимо бороться против них снова оружием истины» <...>

Γὸ ἐδῆαί τῆς ἰστορίας

БЕЛЫЕ ОВЦЫ НА ЗЕЛЕНОМ СКЛОНЕ ГОРЫ

Ááááá Óóóóó Ííííí

Это было давным-давно. В год, когда родился мой сын. Год был счастливым: родился сын и вышла моя первая книжечка стихов. Вдруг я стал отцом и писателем. А до этого был молодым мужем и молодым поэтом. Третьей удачей была командировка в Азербайджан. Редактор издательства «Знание», в котором готовилась моя другая книжка – эссе о связи поэзии и науки, сказал мне: «Знаешь, Даниил, поезжай-ка ты в творческую командировку в Азербайджан!» «Почему именно в Азербайджан?» – спросил я. «Ты же начал переводить азербайджанских поэтов, верно?» «Верно, начал», – ответил я. «Вот и поезжай. Республику увидишь. На нефтяных промыслах в Каспийском море побываешь. С азербайджанскими поэтами пообщаешься. Разве плохо?» «Хорошо, – сказал я. – Очень даже хорошо!» «Сказано, сделано! – похлопал меня по плечу редактор. – Вылетаешь через два дня. С группой встретишься в самолете. Завтра заедешь к моей секретарше Марье Ивановне за билетами и командировочными. Все понял?» «Все», – сказал я и помчался домой собираться в дорогу.

Мы прилетели в Баку. Нас поселили в главной гостинице города. Нам показывали набережную Каспийского моря, под многоэтажными платанами которой прогуливались степенные кавказские старики. Нас водили в чайные, где степенные кавказские старики играли в нарды и часами тянули из грушевидных стаканчиков ароматный чай, манящий в Персию, в Индию, в Китай. Нас ввинчивали в улиткообразную «структуру» старой крепости, узенькие улочки которой едва позволяют человеку пройти между каменными стенами жилищ. И еще куда-то водили, с кем-то знакомили и угощали, угощали, угощали. Кавказ есть каменные ворота Востока. Аванпост Востока. Никуда не денешься от застолий с торжественными, как горы, и бесконечными, как пустыни, тостами.

Наконец, посредине какого-то декабрьского дня, когда было тепло, как у нас в сентябре, всю группу писателей повезли в микроавтобусе на север Азербайджана, к самой границе с Дагестаном. Не буду перечислять остановки, которых было несколько, и всякая во дворе местного рестораника, и всякая с обильными застольями. Под вечер мы приехали в совхоз «Дружба», где на следующий день должен был состояться вечер русской литературы. Два поэта (один из которых был ваш покорный слуга), два прозаика и драматург должны были достойно представить трудящимся многонационального совхоза молодую поросль русской советской литературы. А пока нас разместили в совхозной гостиничке, должен сказать, вполне приличной. Правда, на всю писательскую группу дали две комнаты. В те времена это было дело естественное. Общество не было сенсублизовано к проблемам гетеро- или гомосексуальности.

Из гостиницы нас повезли пировать. Повезли довольно далеко и высоко. То есть по горной дороге мы забрались на какую-то высоту над уровнем моря, где стоял, как замок, дом, в который нас пригласили поужинать. Я задержался на каменном крыльце дома. Была ясная, сухая безветренная ночь, когда термометр может показывать заморозки, а небо, как летом, и на душе спокойно. Тебе привольно дышится, потому что над тобой звездное небо, совсем рядом темные силуэты гор, за твоей спиной большой каменный дом, окна которого горят золотым светом, а хозяин выбегает на крыльцо и пламенно обнимает каждого из приехавших.

Хозяина звали Сулейман. Кажется, фамилия его была Авшалумов. Он работал редактором районной газеты и председателем местного общества «Знание». Сулейман пригласил нас в дом. Жена его (не помню, познакомил ли он нас со своей женой) принялась подавать чай. Такой обычай на Кавказе: гость вошел в дом, подай чай, варенье, сухофрукты, орехи и начни приятную беседу. А тем временем будет готовиться еда для пиришества. Ибо приход гостя в дом – всегда праздник. Праздник же немислим без застолья. Нас было пятеро московских гостей да еще сопровождающий чиновник из бакинского отделения Союза писателей. Почетные дорогие гости! Чай разливали по традиционным пузатеньким (грушевидным) стаканчикам, как в бакинских чайных, глядевших на Каспийское море. Чай был ароматен, словно цветущий сад. Его было легко пить, потому что он не обжигал губы. Причиной тому была грушевидная форма сосудов. Верхняя часть стакана, которая ближе к губам, оттянута в стороны, продлена в прохладное пространство. Так что уровень горячего чая оставался ниже стеклянных краев, отведенных от опасной для губ зоны. И не надо было дуть на чай, остужая. Или ждать, пока остынет, как это происходит во время чаепития из русских прямых стаканов. Подстаканники спасают пальцы, а не губы. Мы пили чай с кизилковым вареньем, вели степенную беседу о заметных книгах года, о ярких спектаклях, о политике и спорте. Беседовали в пределах дозволенного, но так, когда всем все понятно, а ничего запретного не

сказано. Хотя по временам кто-нибудь слегка переступал пределы. Скажем, завели разговор о предстоящей на следующий день встрече с колхозниками. Сулейман сказал: «У нас много лезгин работает». На что писатель-юморист заметил: «В Израиле живет много лезгин. Хотя они мусульмане, но отличились храбростью в недавней войне». Речь шла о победной войне Израиля над Египтом летом 1967 года. То есть о том, что происходило всего за полгода до нашей тогдашней поездки в Азербайджан. На что сопровождавший нас чиновник из Союза писателей должен был прореагировать. Он сказал уклончиво: «Разные бывают мусульмане. Хотя у нас в Азербайджане давно решены национальный и религиозный вопросы».

Хозяйка хлопотала где-то поодаль от гостиной. Она готовила шашлык из только что зарезанной индюшки. Так сказал нам Сулейман. Мы отдыхали за чаем, вели приятные разговоры. Ситуация в стране тогда была еще вполне сносной. Созревший скороспело трагикомический, я бы сказал, культ личности Хрущева сменился поначалу умеренным правлением вполне разумного в те годы Брежнева. Красная Империя властно покоилась не только на бескрайних просторах Сибири, янтарных берегах Прибалтики, хлопковых полях Средней Азии и голубых вершинах Кавказа, но и опиралась когтистыми лапами на Китай, Индостан, Индокитай, Месопотамию, Цейлон и Египет. Да и в искусстве – литературе прессинг пока еще не нагнетался выше предела, достигнутого во время «выступления» Хрущева на выставке художников в Манеже в 1962 году. Может быть, поэтому и моя книжка стихов вышла в свет. Так что разговор шел приятный. Мы (московские гости) восхищались гордостью Азербайджана – дрессировщиками Бугримовыми (еще далека была катастрофа с взбесившейся львицей). Мы отдавали должное писателям Ибрагимбековым. Мы подпевали пластинке с популярными песенками Бейбутова. А в свою очередь азербайджанцы взахлеб перечисляли московские достопримечательности (Оружейная палата, Большой театр, стадион в Лужниках, Университет на Ленинских горах и т.п.).

Наконец, появились жена Сулеймана и ее младшая сестра. Обе в темных платках, которые закрывали головы и лица так, что свободной оставалась лишь половина рта. Мы уже видели это подобие чадры в Баку и других городах республики и не удивлялись. Хотя какое-то чувство стеснения не проходило, тем более, что с нами за столом сидела пианистка-аккомпаниаторша, жена певца-баритона (их привезли отдельно) во вполне европейском платье с глубоким вырезом, который открывал мужским взглядам красивую грудь. Платье пианистки было изумрудно-зеленым. Я вспомнил склоны гор, мимо которых проезжали днем: изумрудно-зеленые со снежными вершинами. Заснеженными или уставленными облаками. Певица была блондинка, какие произрастают на северо-западе Руси. Муж ее был московский армянин, известный исполнитель русских романсов.

Чайные приборы и вазочки с вареньем убрали со стола. Посредине было воздвигнуто блюдо с невероятно аппетитными красно-коричневыми кусками дымящегося индюшачьего мяса, окруженного снопами зелени. Кроме того, в изобилии были маринованные овощи, в том числе чеснок огородный и дикий (черемша). И лиловая маринованная капуста, и маринованные обжигающие рот перцы. Буйство кавказского стола венчал азербайджанский плов, чугунный котел с которым был принесен, а содержимое выложено на овальное стеклянное блюдо величиной в полстола. Плов томили на оранжевых лепестках шафрана, и он благоухал, как весенний сад. Оранжевый плов был увенчан жареной на углях индюшатиной. Мы принялись угощаться.

Хозяйка и ее младшая сестра так и не садились с нами за стол, прислуживая гостям. На мое скупое замечание, вернее, скромное пожелание видеть их сидящими среди пирующей компании Сулейман небрежно отмахнулся: «Послушайте, уважаемый Даниил (мюалим Даниил), кто же будет нас кормить, если не женщины?!»

Из погреба был принесен ящик азербайджанского коньяка. Раскупили первую бутылку. Начались тосты, конечно же, с традиционного – за всех гостей, потом по очереди за каждого, потом за дружбу наших народов (русского и азербайджанского), за дружбу всех народов страны и т.д. и т.п. Велась застольная беседа преимущественно об актерах и актрисах кино и театра. Тема в годы Совдепии привлекательная и безопасная. Собственно, актеры кино, новости науки и спорта, проблемы воспитания детей (семья и школа!) были обкатанными и вполне дозволенными темами застольных бесед. Люди старались не говорить о политике (о внешней – почти, о внутренней – никогда), кроме как с трибуны собрания, и говорить хвалебно-одобрительно. Правда была опасна, а лгать все-таки стыдились. Вообще, в те годы, если за столом собирались недавно познакомившиеся люди, разговор шел, как канатоходец по проволоке под куполом цирка. Скажем, вспомнит кто-то стихотворение Луговского «Курсантская венгерка» и тотчас замолчит, остережется ассоциаций с венгерскими событиями. Или Великая Китайская стена может притянуть тень Берлинской стены. Или, не дай Б-г, в азербайджанской компании упомянуть коньяк «Арагат»! Не провоцируешь ли ты разговор об армянской горе Арарат, аннексированной Турцией?

Говорили об актерах и актрисах кино и театра. Пили крепко. Бражничала с нами и пианистка, жена московского баритона.

В какой-то момент беседа замедлилась. Словно бы дозволенные темы исчерпались, а пир не достиг того пика, когда хозяева подают сладкое и разводят гостей по комнатам, где их ждут прохладные постели. Должен сказать, что в самом начале застолья Сулейман предупредил, что спешить некуда, все ночуют у него. Поэтому и не спешили. Два вопроса нарушили паузу. Блондинка-пианистка, прислушавшись, потому что перерыв в разговоре позволял услышать шумы дома, спросила: «Кто это играет?» За стеной тихо пел рояль. Сулейман усмехнулся. Его суровое, смуглое продолговатое лицо разгладилось на мгновение (а так было сосредоточенно и настороженно весь вечер), и он ответил: «Сестра жены, Сорейя. Она учится в бакинской консерватории. Сорейя в Москве на конкурсе победила. Приехала на выходные в гости». «Интересно! – воскликнула русская пианистка. – А как ее фамилия?» «Елизарова. Сорейя Елизарова», – ответил Сулейман, снова насупившись. «Подождите! Так не родственница ли ваша невестка хирургу Елизарову?» Это был второй вопрос. Мой. Теперь уже долгая пауза повисла над столом, как туча. Черные лукавые глаза московского баритона поглядывали то на меня, то на Сулеймана. Мой коллега поэт-песенник и с ним оба прозаика с драматургом пошли перекурить. Пианистка поднялась из-за стола. «Пойду разыщу вашу лауреатку». За ней потянулся муж-баритон. Мы остались одни с хозяином. «Не родственница ли ваша невестка хирургу Елизарову?» – повторил я свой роковой вопрос. «Нет, не родственница, – отрубил Сулейман. – Мы азербайджанцы, а Елизаров – тат, горский еврей». Сказал он это громко. Так громко, что если бы кто и подслушивал наш разговор или ненароком оказался свидетелем, ясно было, что на мой вопрос Сулейман отвечал однозначно. «Мы азербайджанцы!» В подтверждение чадры-косынки в половину лица у жены и невестки.

За стеной играл рояль. Я пошел на его звук в боковую комнату. За роялем сидела Сорейя. Рядом с ней стояла русская пианистка. Они не видели меня. Сорейя играла две-три минуты и останавливалась, рассказывая что-то гостье. До меня донеслись обрывки фраз: «... собирала в Северном Азербайджане и Дагестане... еврейские мелодии... класс композиции...» Я неслышно ушел и вернулся в гостиную.

Застолье подходило к концу. Опять был подан чай с вареньями, печеньями и прочими сладостями. Выпили за хозяина и хозяйку дома, поблагодарили за хлебосолье и начали подниматься со своих мест. Сулейман принялся разводить гостей по комнатам. Сначала повел пианистку и певца. Потом одного за другим моих коллег-писателей. Я приготовился было пойти за ними, но Сулейман взглядом остановил меня, удержал в гостиной. Я дожидаясь его в некотором раздражении. Почему именно я оставлен последним, когда устал смертельно и никаких желаний, кроме одного – склонить голову на подушку, натянуть до макушки одеяло и провалиться в забытие сна?! Наконец Сулейман вернулся и позвал меня за собой. Мы прошли коридором мимо жилых комнат, откуда (к моей искренней зависти!) слышалось умиротворенное дыхание спящих людей. Или мне казалось, что слышалось. Коридор кончился запертой дверью, которую Сулейман открыл ключом, вытянутым за шнурок из кармана брюк, и засветил переносный фонарь. Дверь выходила на витую лестницу, спускавшуюся в подвал. Мы сошли на два витка. Сулейман отворил другую дверь ключом, который хранился в кармане пиджака. Мы прошли коридорчиком до затворенной двери. Третий ключ был вытащен из внутреннего кармана пиджака. Сулейман пропустил меня внутрь и включил электричество. Это была овальная комната без окон. Комната в глухом подвале. Если применить систему измерения уровня помещений этажами, овальная комната находилась на минус втором этаже. Я огляделся, а Сулейман спешно закрыл нас изнутри на французский замок. При этом он молчал. Как будто бы играл в детскую игру-молчанку. Или следовал правилам секты отшельников-молчунов, давших обет не разрушать истину словом, поскольку любое слово (кроме Б-жьего) есть ложь. Или у Сулеймана были другие причины, чтобы молчать?

В противоположном двери углу комнаты виднелось возвышение, покрытое белым шелковым покрывалом, обшитым темными полосами и кистями шелковых нитей, как на талесе. На покрывале лежала раскрытая тяжелая книга в кожаном переплете с серебряными застежками. Над книгой стоял серебряный семисвечник с потушенными свечами. Я подошел ближе. Книга была Танахом – Ветхим Заветом. Страницы были испещрены еврейскими буквами, напоминающими неземные ноты, которыми записана музыка Б-жественной речи. Сулейман наклонился ко мне, приложив указательный палец к губам: «Моя семья – из горских евреев, татов, которых когда-то насильственно омусульманили. Но мы все равно остались евреями».

Я проснулся рано, едва забрезжил рассвет. Каменный дом Сулеймана был погружен в предутреннюю тишину. Я оделся и тихо вышел на заднее крыльцо. Сразу за изгородью, окружавшей сад, начиналась дорога, а за нею – склоны гор. Они были зеленые от молодой травы, народившейся под осенними дождями, что сменили летнюю засуху. На вершинах гор лежал снег. Или это облака прилегли отдохнуть на каменные площадки, укрытые снегом? Зеленые склоны гор, вершины в снегу и облаках. Я увидел, что с дороги словно бы наползает на зелень горного склона белое облако. Облако? Я всмотрелся.

Это была отара белых овец, поднимавшихся в горы. Белые овцы на зеленом склоне горы. А за ними пастух в бурке и лохматой шапке. Это была дотоле неведомая мне библейская картина мира. Склоны гор. Зеленая трава. Белые овцы. Пастух. «Как в древности, во времена Авраама. Правда?» Я оглянулся. В дверях стояла Сорейя. Она была одета по-европейски: темно-серая короткая юбка, белая блузка. Волна черных волос рассыпалась поверх воротника плаща, губы тронутые помадой. «Да, какое-то библейское чувство. Музыка гор и пустынь, по которым кочевали наши предки», – ответил я. «Как замечательно, что и вы услышали это. Я пытаюсь сочинить музыку...» Не успел я спросить: «Какую музыку? Можно ли ее послушать и где?», как подъехала «Волга», Сорейя нырнула внутрь автомобиля, который рванулся, как горячий конь, а она едва успела высунуться из окна и крикнуть что-то, чего я не разобрал и ухватил одно слово: «...крепости...»

Через несколько дней наша группа вернулась в Баку, где оставалось два-три выступления. А там – Москва. Я скучал по жене и сыну, которому исполнилось полгода. Маялся. Звонил домой. Шатался бесцельно по городу. Иногда с кем-нибудь из группы. Однажды, это был последний день в Баку, мы завтракали втроем: московский баритон, его жена-аккомпаниаторша и я. Самолет в Москву улетал на рассвете следующего дня. Неожиданно певец начал рассказывать о своей поездке в Израиль. Он относился к тому типу людей, которые рассказывают о происходившем с полной откровенностью. Другой бы подумал несколько раз, стоит ли полужнакомому человеку описывать путешествие в Израиль, страну, которой далеко не симпатизировала тогдашняя наша родина. Или говоря «другой», я подразумеваю советского обывателя? Наверно, именно так. И все-таки! Аветик (баритон) и его жена Валя были словоохотливыми и легкими людьми. Аветик рассказывал о старом Иерусалиме, который окружен крепостной стеной, об арабском, еврейском и армянском кварталах. «Знаете, эта крепость в Баку, как слепок старого Иерусалима. Все в миниатюре, но похоже. Особенно похоже на арабский квартал». «Аветик, а ведь я не была в крепости. Ты ходил туда, а я не могла пойти. Была занята», – сказала Валя. «Так пойдем сейчас, Валюш! А вы, Даниил?» «Пойдемте», – охотно согласился я, надеясь на чудо.

Мы вошли в один из нескольких входов, ведущих внутрь крепости. Узкая улочка кружила между обшарпанных каменных строений, которые трудно было назвать домами, а домишками или домиками – не подходило из-за ложной интонации. Они служили и служат жилищем для людей. Кто знает, сколько веков назад были построены эти дома из горных камней и глиняных кирпичей. Наверняка, когда-то здесь был богатый район города, или, по крайней мере, здесь обитали зажиточные ремесленники. Пришли революция и гражданская война, выгнав из родимых гнезд коренных жителей крепости, разделив каменные строения на комнатухи и коммунальные квартирki или оставив, как надежду на лучшее будущее, две-три комнатки отдельной квартиры прежним хозяевам. Запустение царило внутри крепости. И однако здесь жили люди, по улочке бегали ребятишки, гоня мяч или прыгая через веревочку, мимо нас проходили молодые люди, наверняка, студенты и студентки, одетые вполне современно. Они громко смеялись и были счастливы своей молодостью.

Мы шли по улочке Асафа Зейлы. Был такой писатель. Улочка закручивалась и увлекала нас вглубь крепости, увенчанной башней. «Это Девичья Башня», – сказал прохожий, наголо бритый бородач с хозяйственной сумкой в правой руке и папиросой «Казбек» в левой. На Кавказе считалось модным курить папиросы «Казбек». «А дальше – минарет. Правда, мечеть разрушена белогвардейцами», – добавил бородач. Мы не знали, что сказать, поблагодарили и пошли дальше. Из открытого окна двухэтажного дома доносились звуки рояля. Что-то заставило нас остановиться. Уверен, что у каждого на то была своя причина. Как часто разные причины заставляют людей делать одно и то же! Мы приблизились к открытому окну, которое было на уровне наших глаз. Стоял полдень. Зимнее (все-таки зимнее) солнце скатилось по крыше дома, стоявшего напротив, скользнуло в звучащее окно и осветило комнату. За роялем вполоборота сидела Сорейя. Она играла и записывала сыгранные музыкальные фразы. Потом повторяла отрывок, что-то меняла (вписывала, вычеркивала) в большой тетради (нотной) и шла дальше. Я услышал колокольчики верблюдов, скрип песка пустыни, звон родника и предсмертное блеяние белой овцы, которую праотец Авраам приносил в жертву Всемогущему, чтобы тот когда-нибудь примирил его сыновей: Измаила и Исаака.

Азәрбајҹан-һаһи оујаһи 2003, 1-һи һаһи һи

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

è äðáäá ñò èðè

Äèäèñáí äð Ðáííííðò

I

Ñèíáà í ðñíííàðòñý äí çàðè
á èéàð èáõ, í à äáò èáõ, á äí äçäáõ,
è ííèèäàðò ñáíè ñèíáàðè
áíá í ðè óò ðáí í èð çáíçäáõ
Ðááí ò àðò çðáí è á è ÷óðíá
äèèþ÷áí í úá ñí í çàðáí èá
÷òíáí í äèòè äáí, í èòíí
è äáí äí í óþ ñò íýí èá
Í í è çàò äáðò í ò è÷ èé äáçàð,
ðí äèäàðòñý, äí èðàðò,
èäèí èçí ðò à äí èäòàðò, èäè í äð,
è òóð æá á äí çäóá ò àðò...

II

Äíèè äí ðáè òèáí,
äíèè á äí ðèá èíí,
è á ñáí úá
è á ñò ðáí á ñáí äé,
äíá æá èó÷ó á áú ò ú í äñíí èíí,
÷áí ñíí èíí:
í äñíí í è -
íí ñèèíí äé.
Ää í á ò äè òí èäèí ñèíí à ò ú -
í äñíí í è äí à ò ñáí á

è çí ààò:

í í àí í á çàí èà: àò ì àò ù

í í ñàì

í í èà èà è àá

III

Óòè á í àò ñàì í í àí àí à,

: àí, ùò à à ÿ ñ ù á í á í ñ àí,

ò à çí ù ò è ÿ ò ù, è í ñ à à è á ì à í í à

í àí í à ñ è í àí í à à à ò.

È è è ç í ò í à ÿ ì ò è ì à í è à,

ì ó à ò à ì è à: í í àí ì ó è,

ì ó ò í í - à à è à ÿ è ç í à í è à

ì ò à ò à á í àí ì ù í í è ñ ò ò è.

B à à ù ù à è à è, à è à è ÿ ò í

è ñ è ó à í è à í à à è à,

à ç à è à ì ó: à í í ù á à à ò ò í

ç à ò í à ò à à è í ù ò í à à è à

È ò í à à ñ è à ç è à ì à ì à,

à ò à ç ù ì è à ì à í ÿ í à à è:

« À è ò í ù é, ò à ç à ÿ ò í ì à í í à? »

Ý ò í ñ à à.

IV

À ò à è à à í ò ò ÿ à è à à ò ò è á

í ó è à à í í à ñ à ù à à à ò è ò è è á

è í í í à ç í à: à í í ì ó è ò à

à è ç à è á í í à à è à è ò ñ ÿ í í à ò ó: è á

Ó í à ò à è - ñ à í í à è à ò ò í ó è í é

ñ ò ó: à ò í í à è í à à í í é í í àí à ò è í é,

ào f ðäy - á ðäáí úõ áíñííæéäõ

è æäéí ðäðéäáò ííáíðáíé.

Íáí á íñò ðææáí á ííá áíáðéé

äðäáy ðaçí àò äèà í àò éú,

è áñò ðá: í úá æàçà í ò áíáyò,

éäé í ò áñáá, í ò yóíé í áðú.

Óæ á í ðäá: úáñò áy ðaçéóéó

ííæ è ò éé ñáðáí ú á í ðäí éá..

Áðææáá í ðí ò yæ ááò ðéó

í óæ äá í íáñ áú ááò éáí éá

V. Áæéäáä èçñí áí éy

Íí áúé éäéí íááò. Í áðáá í ò í éú ò éáí

y í ðäéíæéè áí ó ñáí ð ðéyí á

Èç áíñí íí éí áí éé : æéñò á

Éäé ðí éí áí í á Í ááñí á ó ááðáéá

ðæáí éí ó á í éáú á í á í í í í áá!

Óí ò y ò áí í áðáò óðá í á í óéá

í í ááò áð ñí í ò y, éáááðáé á í ðé ðí áá

áíæáú áí áðáí áó éó ñ éááyí í é éðú í é

í áðó è éñy, éäé Á-æúá í æéçáí úá

Èçñí é è áíæáú, í ðáí ò úí éé è ááðí é

ñáá áí y í ò í ðäéy á ò ñy á èçñí áí úá

Íí ñ í ò ðé ò ñéáí çú í á: èñò í á ñò áééí

ò ðyñú á éñy í á ðú ò áéí á ò í áø éí ú.

Áá ááçú. Áí ó í á í í áçéí,

í í áóááò áðáí y áúyñí è ò úí ðé: éí ú.

Éäé ò ó áðéáí éóó, í áñáé á í á ðáí ó,

í í áí éú á çàóááò è á áðéáí í á í yñá,

aiáðaniáðò. Í í í í èà áñò ù è àí ñ
óè è æé àí ì è ñ í ðí è ù ì ðàç í á ð à ò ù ÿ.

Øí ó á ð ñ á ç ù ò, à à è ò í à í á à è ù
í à í á ð è ð à ñ ò è à ò ì ñ ì è í à ÿ ÷ à ð à
«Çí à è ñ ù è ñ ð ñ, ÷ ó ù í à ò ì ñ ñ à ò ñ,
çí à è ñ ù è í ó ù - ñ í è ð à è í ù à í í ð ò à
È ó à è à è ñ è ÷ í í ñ ò ð à í ÿ ò ù ó è è à à,
í ò ò ñ ì è à à ñ ñ ñ ç à í í ù è ñ è ð à í ñ ð,
è, æ è ç í ù ò à í ÿ, í à ñ ò ð í è ò ù à à ð è è à à,
í ð à à í í ÷ è ò à ÿ ð í ð è ò ñ ð ñ à è ð.

Ç à à ñ ì è ð í à ñ ì ð í è ù ð ò - à í à ð à ñ ÿ à ð à à à è à
Ñ è ð í è à è à ñ ñ ð è ò ò ñ à í ó ó è à à ñ,
à ð è ñ è í í è ñ ò è è ò ù ð à à è à à ð ù ó à,
í í í à à ñ è ñ ÿ ñ è ð í à ñ à è è à à ñ.»

Í ò ñ ò à í ó è ð à ç à à è ù ñ à ÿ à ñ
à ñ ì ÷ à ò à à ç í ñ ò à í í à è à ñ í ð è ÷ à è à,
à à à æ à à ò «È è ù è ÷.»

- Í à ç à à í ù à è à è í à ñ! -

í í à ð ñ è ò. - Øí ð í è í á í à ó è à ÷ à è í ...

È à è ð í è í à í á Í à à ñ ñ à á ó à à ð à è á
ó à à ð à à Á í ò ÷ à è í à è í í ò ð à í ó

ñ ò ð è à à ò ñ ÿ:

- Á à à à è í à è í ð à à è á

Í ð í è ó à à ñ... - È í ð í ò ÿ à è à à à ò è è ÿ í á

È ó à ò à í à ð ñ? È ÷ ò í ç à ñ í ð à ñ æ à à ò?

È ñ ñ è ù è Ó è è ñ ñ ñ í è ñ ñ è á ñ ÿ Á à è ó à à...

Á à ð Á í Ó à ñ ó à à ð à è à ò

í ò è í ó è ð ÿ í ó ù, í à í ò è à à ñ ð à à

VI. Í óò áσáñò áéá í á Ñáÿ ò òþ çáì éþ

1

Óεά íá ááε í í, ñ é áé í á ñ í é á ñ
í á í á ò à ò è ì á ì ì ò ò ñ á á ñ á á á ñ,
í í í á è çé á ò á è ì í á ò ñ é é ñ í é é,
é í á á ñ í á á ò ò ó é á ò ÿ ò í ñ ò ò ñ í é é,
à ì ÿ ñ í ú é é ó: á ò ñ ò á ò ì ò è á ñ ò ò ÿ ñ é á
á ì ò è ò è ò á ñ ç á é á ì ò á á á ñ ò í á ε á ñ é á

á á ñ í é ú é á é ñ ñ Á ÿ ò ñ é ñ ò á
è í ñ ì á ò ò á é ñ ñ, è ÷ á ñ í ò è á ò á

Í á á á é í á ñ þ ç á ε á ñ ò ñ ÿ ñ ò ò ñ é é,
è í í á ò á á ò ò ñ ò ñ ÿ ñ é í á á è ñ ñ í é é.

Ò á é ñ ò á í á ò ÿ á í í é á ú é á ÿ ò á é í á

Ì ú - ì ñ í ñ é á é á, ì ú ç á á ñ ñ ñ é ó: á é í í
é á á ñ, á á ñ ò á í è ì é í á á é ú é á ò á á ñ :

Á ò ε á á é ñ, Á ò ò ε á á é ñ ...

2

Í ò ñ é ó ò á á ÿ, - ì è ó ò ò í é, -
ñ á á é á è ò á é, ÷ ò í á ú ...

è á á é ú é ó á
÷ á ò á ç ç á ñ ÿ ò ò þ

í ò ñ ñ á ú í ò ñ ñ á ú í ò ñ ñ á ú
è í í á á á ç á é í á ú
ò á ε á í á á ñ í á í é ÿ

Á ñ é ò ú ñ á é á á é ú ÿ ò í,
é é ÿ í á ñ ñ ÷ ò í ÿ
á ñ á ñ þ í ÷ á ò á á ú ..
è ç á á é á é á ó í ò á é é

í á á :áí ðàçáá òí ðàéí òòú?

à òí ááòáá ááíçà

í ááòááí áí í áý ááéí ááò úí

íí :áðéíí ñú ááòáá ááí

Í ðí ó ó ááý, -

í è ó ý

á 5757 á áó í ò ñ ò áí ðáí èý í è ðá,

7 :éíèà í áýòà ááòáá í á, -

ñú ááé ò áé, ÷ ò í áú...

ñéí áí í ðí èçí ááí í í á ò áé í í

ñò áí í áé ò íý í í è è ò áí é

ñéí áí ñé áçáí í í á áí áí

í áçú ááò íý ðàçáá áí ðí

çáý áé áí èý í á Áúñ áá Èí ý

í è ó ó ò íý í á áóí ááí

á í ðí èçáí èúú í é ó í ðí á

óáí èúú úí áðé ó áé áí

ááé í úí í á ðí

ó é í í ááò ááí

é á ðá í ááò í í áéý ðáí í è ö

ó á ðé é í áí é ðó : é í é

÷ ááí è é áí è

é ðí ááíþ

ááí í è ó ááò áí è ðááóáé

í á è è ñ ò é á è ç áé í é í í ò á

í á í á ðá ò í í é ñ ò í ðí í á ñ : á ò á

è è è áé áí é á

í á áé ç è ò í í é é á ð ò í : é á

Í à í ðáí àí ò á è á á ðáí ò á
Í à í ðáí ðáí í é á á ðáí
é ðáí é á í é á á ðáí è
Í à í ðáí á é í é í ò é ðáí ò é á
ç à á é ý á á é í é á á á í à á é í é á
é è á á ðáí í é á
Í à í ðáí á á ò ú ý á á á á í ðáí é ý
á é è á á ðáí ò í ò í ò ú
ò í í á í
á á ðáí ò í ò í í á í á í
Í à ðáí í á á á á á á
í ðáí á é á í ðáí é í ðáí í é á á é ý
ð á á é ý á é í á é ò ú ç à í é í é á á á á í á é é í ó
á ò á á í é í ó í á á á é á í í ý è
í é í á é á í í ò è á á á í á á á á
á á á á á á á á á á
á á á á á á á á á á É ðáí á í á á á á
Á í á á á í á á á á í í á á é ý ò ú

Дай мне,

дай мне то,

чего я хочу

сейчас!

Этого я желаю

днем и ночью.

Иначе и жизнь

не в жизнь.

Дай или умру! –

говорю правду. –

Ну что Тебе стоит?

Такой пустяк...

Дай и поверю!

āīī ē ōāōāī ē

÷āī ēēāī ē

ēōīāīp

īīāēīāēā òāāōīā

āī āīōō īī÷āōāī ēyō

īīēīāēāī ēyō

īīīçāō

āīōīēçāīēūīīē ōīōī ā

ī ā āīōō ŷçīēāō ī ēdā

īāēāīyūīā āāīēīīā÷īōp

īā÷ēōāāī ōp ñōōīēō

ī āāēāīīī āīīīēçāp ùōp

ēçīīā āīyūāāā īāī īīēīōā

āīēīīā īēāāāp òīyī ā ōīō

īōāīīāyōīyī ōīīīī

āāēīōāōēāē

āēyī īē÷āūāē īāōāā īāī ē

īīīōīīē Ōōāīū

ē īōīōēāīīōīyīēāyōī

īōīēīōīāēō āēāāī āāīī

ā āōīāā Èāōīāēēī ā

ā āāāōāōē ī ēīōōāō āçāū

īō āāōīāīēçāēā

ēōōēūāīīōēē

āāç īāōāōūāā

Áσσιέ - áεοÿ, ôi îi - ðò àðèé,
Áññáεÿÿùéé è Áασι ðá-í úé,
í áðñá Õñáñ ï áðñáé áñ ðá-í úé,
í á ñáì úé εó-σέé ó-áí èé
Çá-áì, εάñíé í áέéíÿ,
Õñçÿéí è Ñì í ò ðè ò áεü ñáá,
Õú ðáññíí ááου ñáì áí à
óí è-ò í αάí ÿÿ è ðáññ' ááá?
Çá-áì Õú áεéí ó çáì áñé,
í í áí áñ éí ðò ó, í αε áá áú ðáí úáì,
éí ñáá Õááá ðáá ò ááò ñéé
ðáççé ò ú áí í áí èí εάñíí úáì ?
Çá-áì á í í áé áí ááí í é çé í áá
ÿ Õáí áí ó í á ááð ÷ óó?
Á áááá ÿ áññíí í ð í Õááá
è á ðááíñò è Õááÿ çááóó
Çá-áì Õú áñáí ð í í á áááου
í ðε áέé çé ò úÿÿ è í ò ááéé ò úÿÿ,
áñ çáññé ò úÿÿ è óí áέé ò úÿÿ,
è í ðááó áñ ðε ò úÿ è éí αεú?

Éí ñáá í í ò ðááð ò è í ò ááò ó
ò í ññ ðñÿò, ÷ ò í ò ú áé è ááá
í í ÿ ò í ó çáááú áέ áò ó
ññ ðááí ò í - úÿÿ í á ááá
Í áε ááú ááÿ ðñ áñ è éí ñò è,
ò ú áñ é á αé, ÷ ò í í á í ðñ ñò áé,

è ÷ òí í á çðÿ ï í ã ã è á ã ï ò è:
ã ï ï - ó ã ï ò á è ï í è ÷ á, ÷ ò í è è á è
ç à ï ï è í á è ï í è ð á ï ÷ á, è á ï
á á á ç à ï ï ú ò í á è í á ã à ï ï á ï ò á ò
è ð á è ò ï ÿ ï í á ï ó ç ï é ó ð ï á á,
è á è æ á ð ò á á, ÷ ò í ç á ï ï è á ï ò ð á ï
Á á ï ò è á ï ò á è ï á è á ï ò è í ú,
è á á á ï í á ï è í á ï í ï ÿ ò,
ï ï í ò ð è, ï ï ç ð á ï è á ï á ï è í ú
÷ ó ú í á ã è ð ÿ í á à ï è á è ï ÿ ò!
Ï á í ò á, á è á ï í, í á ó á ï è á
è á ï ï á á ï ï ç í á è ï í ð ï,
è í á á è ç í è ò ò á è í á ï á ï è í,
è á è ð á í ú ó á ï ï á ï è ÷ í í è á ï ð ï.
Ò á á í á í á ï è ç æ á ð ÿ ò è á ð ï á,
ï í ï ò á ð ÿ ò á á è í á è í í,
à ï ï ð è ï ò á ï è ï í ð ï è á ÿ è á ï è ÿ
á è á ò è ò á ð á ï ð ï ò í á í è í í.

... á á ð á í ò è ð í á ò ï ÿ ò á è í á ÿ á á ð è á
á ï ò á í á
í á ï ð ï ò è á
á è á ï í á ó á ï ð ï á è,
á ï ò á ï è á á á ð á á
Ñ ï í ò ð è ò ó è ò ð ï ï á ç á ç ï í -
ï ï ð ï í,
á è ó á ú ï,
ç á è á í ú ï,

äëëä ì àíëí ú

í èàò àí ú

ëààòú

è éóàà óààò èò áçæýàà

íñò àí óòíý ààà óààò à

çàèáí úé è áàèúé

á í àðáíé ðàç àèæó

æ èáí é ñ áá

ñèàæ àò Ýíò áð

í í çàèáí èò

ðàçí àò éó í à ò ðàíñá

í í ì ðà ì à èé í

áí ðíæ í úá çí àèè

íñò àí í àè òíý ò ðàí ñí í ðò

èñ:áçí àò ýé àèò ðè:áñò áí

çàí ðàò

áàèí ááý àèò è áí íñò ú

í èéí á í á ááúò

è á Ñò àðúé á ðíá

áñò óí èò Í áñèý

:áðç Í óñ ðí úá

Áí ðí òà

7

òú í ò áàèýàèú-

èàæ áí á çá ðéó-

ò áá, èò í ñèàáé,

íò ò áá, èò í ñèéúí áé,

è ñ áé ðààòú

yòó ì Ìçàèéó

èç ðàçí Ìòáàí Òí ùó

ò ááðáúó èàì í áé.

Òíò, èòí á èááí í è Òáí áé

í èáæ áò Ìí,

áóáò ñ í ðè ñò ðáíò èáì

íòáí áí:

è, èéáí á èàì í è

áì óðí ááí çàæ èáí,

èèáí -

á ðàçíðá áí èí ùó áðáì áí.

Í í í á óçí áá

Ñáí é áú ñ èè çàì ù ñé

è í á èñ: áðí áá

ò áí ð: áí èó ñéé,

Òù ðáíí ì í ááóú

÷ ò í á ñò ðí è ò ù çáì í áí

òí, ÷ ò í í á ðàç áæ á

çáááðó èé.

Áí í áú Òù í í áááðá ááóú

í áí èñ ù ò áí èç

í á ñ ñ ò áá ò ñò áé á

ñé í áó Í ò óà

Í ðáááèà í áò

Òáí áí ó áç ù ñé áí èç,

áí èñ ò ááí áí èç

í áò èí í óà...

В пригласили в секретную часть и задали ряд вопросов. Имеет ли военное значение их общая с Кричевским работа? Да. – Имеет ли он, В, какое-либо отношение к семейству Кричевских? Нет... – Очень хорошо, сказали в секретной части, армия нуждается в специалистах, поедете на артиллерийский полигон. И вручили срочное предписание.

Так, на сибирских просторах, вблизи университетского города, избежал В участи Лазаря (Лейзера) и судьбы институтских приятелей, чуть ли не поголовно перемолотых в ополчении. Об этом и многом другом толковали эвакуированные – «красные немцы», антифашисты, соседи по сибирской избе. Шушукались на родном языке, и хозяйка ворчала:

– Они что, из жидов?

– Да, – кивнул В, – из жидов.

Осведомленные немцы проклинали блокаду, именуя северную столицу «мертвым городом» – Totenburg. Но и без них уже докатилось, что Лазарь пропал, а Марианна и Рашель Соломоновна уцелели, – может быть, потому, что маленький Исаак Львович очень вовремя покончил с собой.

Оглушенный разрывами, В покидал стрельбище и в тишине университетской читальни листал зарубежную техническую литературу, не находя ничего по их с Лазарем тематике. Выводы и наблюдения кратко изложил в рапорте. Запрещены к публикации научные изыскания, которые у нас приостановлены или отложены из-за войны. В то время как там-то и там-то, в таком-то институте, хранятся исходные материалы для взрывного устройства неимоверной мощи.

Рапорт, как утверждают историки, достиг самого верха. В отозвали с полигона и направили за исходными материалами. Сорок часов пробыл он в Тотенбурге, который местные жители переименовали в Мертвоград, – трупов на улице больше, чем пешеходов. Без пола и возраста брели по проезжей части и намертво стояли у магазинов, отмечая после обстрела, что очередь вроде бы поубавилась. В спросил, почему замазаны названия улиц. В ответ засмеялись:

– Когда фрицы в наш Мертвоград войдут – вот чтобы заплутали...

– Как? – недослышал В. – Что?

Не таясь, обсуждали вражеские листовки, что германские, блин, войска пропустят население в тыл.

– Они-то пропустят, – соглашались в толпе, – да наши не выпустят.

– Что? – вертел головою В. – Как?

– Оглох, что ли, у своих пушек? – И опять засмеялись, будто закаркали. – Отломи хлебушка, артиллерия.

В поделился. Его напутствовали советом: держись, лейтенант, от стенки подальше. Из подвальных окошек выбрасывают петлю и затягивают прохожих.

– Как? – не унимался В. – Что?

– А ты думал? На Сенном-то рынке чем пирожки начиняют?.. Свежатинка – она полезнее... А у тебя еще вещмешок.

– Что? Как?

И люди кругом снова закаркали.

От постоянных пристрелок В действительно пострадал слухом и чересчур сильно колотил в знакомую дверь. С той стороны откликнулась Рашель Соломоновна, что здесь немцы, никто не имеет права входить. И безо всякого страха, тоже по-немецки, В заорал, что и он – немец... и он, да, немец – ein Deutsch!

Ему отворила Марианна и сразу, с порога обняла. «Marichen! – неслось по-немецки. – Кто там, Марихен?» Не размыкая объятий, меж поцелуями, – «никого, мама, никого», – бормотала Марианна ровным чужим голосом. И взяла его за руку.

Было темно. В узнавал на ощупь комнату Лазаря, в которой они намеревались жить. Сели рядышком на кушетку. Марианна приникла к уху и зашептала, что мама тронулась «после папы», но окончательно свихнулась сейчас, – вообразила себя немкой, молится во здравие Гитлера, восхваляет победу германского оружия... В задрожал, и Марианна прижалась теснее:

– О-о, ты еще мужчина... знаешь, а я... у многих от голода прекратились месячные, высохла грудь...

В рванулся к мешку за продуктами, но она не пустила.

– Лазаря осудили на десять лет без права переписки. Теперь-то известно... а тогда, представь, даже обрадовались. Кинулись по магазинам, закупали побольше и что не портится – посылка, передача, вдруг разрешат свидание, отпустят-сактируют... А угощение – вот оно, на столе

– Да здравствует Адольф Гитлер! – стенала безумная. – Юден капут! – И маршировала, будто в колонне, глухо топоча валенками, изображая голосом и барабан, и трубу.

– Столько натаскали – по гроб жизни хватит. – Марианна нашарила в темноте шершавый и плоский картонный блокнот. – Бери! Лазарь просил передать. Тренировался расписываться – отработывал почерк. Ну и всякие соображения для себя. Тут, хохотал, не иначе, как Нобелевская премия!.. Можно, я спрячусь? – И прильнула к груди, выставляя макушку.

В гладил ее. Косы уже не было. Волосы стриженные, короткие, очень густые, жесткие, жгучие. Но пахли по-прежнему одуряюще непереносимо.

Датские подпольщики уложились в три дня. Евреев прятали по домам, чаще – в больницах (с липовыми диагнозами). Санитарными машинами с красным крестом доставляли в порт, к морю. В складах и пакгаузах дожидались оказии – рыбацких сейнеров, что тарaxтели часами, пробиваясь в Швецию...

Спасатели могли потерять свободу, рыбаки в придачу – доходы и лодки: как-никак, самый пик сельдяной путины. Некоторые не хотели рисковать даром, для них собирали пожертвования среди датчан и евреев. Требовалось накормить и одеть беглецов, уломать тех, кто упрямствовал, не желал трогаться с места...

Вечером в пятницу, в Шабос, с первой звездой, гестаповцы приступили к облаве. Задержан 481 человек. 7906 оказались в Швеции.

Им обеспечили жилье, питание, лечение, учебу... А для схваченных пяти сотен добились неслыханной привилегии – выжить в Терезине под покровительством Международного Красного Креста.

Но слухи о депортации с точную датой – при немецкой тоталитарной секретности, – как слухи-то просочились?

***

1961 год, 10 мая, Иерусалим. Процесс Эйхмана, 35-е заседание. Свидетель:

Áóçæö 28 ñáí òÿáðÿ ì ù ìíéó-ééé éí óíðì áðèþ ì áñííééá Áá ì áðáááé ì áì áðééé ì ìðíéíé àð ò áðá

ÁÁÎÐÁ ÔÁÐÁÈÍÀÍÄ ÁÓÊÁÈÖ (1904- 1973)

Áñð óí éé á ñóðáð (í ñáðì) - ì áðéíí áé-ñí òé áééñò è-áíéóþ ì áì áðéóþ ðááí-óþ ì áðò èþ - á 1932 ñ áó á Ááí éé, ááá (ì á ñéóçéáá) ì ñáí éé ì áñð ì úé ÿçúé.

Ðááí ò ì éé ì áçé áóí áðí áí ì á ì ò ááéá. Ðáçááá-éé.

Ñ 1939-á - ñéðáð ò úé áááí ò á Ñéáí áéí ááéé. Ñáðóçééñÿ ñ áàð-áí áì é é óááááí é éáé ò áéí úé ì ðí ò éáí éé ì áðéñò ñéí á ðáçé ì á

Á áí é ì ééóí áðéé - ì ìðíéíé àð ò áðá Ñí ááí ò ì éé ááðì áí ñéí á ì áì áñð ì ééá ááñò á

Á 1945-ì - éí ò áðí éðí ááí. Áéé á Ááí éé éáé - áñò ì ì á ééóí.

Á 50-60-á - áéáñòÿ ù áÿ áéí éíí áð è-áí éáÿ éáð ù áðá: ááðì áí ñééé ì ñíé á Éíí áí áááí á ì á-áéíí éé áñð ì-ì ì ááð ì áéí éí á ì ò ááéá Ì ÈÁ ÔÐÁ.

«Ì ðááááí éé ì áðí áí á ì éðá». Ááðááí ¹ 673 ì ñáçéáí ì á 1971 ñ áó

***

После войны судили в Дании бывшего германского наместника Беста. Грозил ему смертная казнь. Бест заявил, что именно он информировал Дуквица о намеченной высылке, срочно командировав в Берлин, дабы притормозить смертоносное мероприятие.

Дуквиц самоотверженно подтвердил.

Фашистскому наместнику (гауляйтеру) сохранили жизнь.

ĀĀDĪ ĀDĀĀŅŌ (1903-1986)

Ātēōīd īdāā Nōūy ā Āānīā (1929). Īā-āēūēē ītēēēē (ōāī āā, 1933). xēāī īāđōēē. Īūmāā. Pōēē-āēēē māōīēē ānōāīī, īīī īūīēē āēāđēōā ē āēīēāā, īā-āēūēē īōāāā ē mēōīdā ā ēī īānēī āī dāāēāēē āāīānīnōē. Dēīāāēōāēī āāīīē āāī ēīēnōdāōēē ā īēēēdīāīīē ōdāīōēē. Nīīyādy mōēē āōīdīā - īāī ānōīēē āĀāīēē.

1949 Nīāđōīūē īdēāāīd, çāī āāīīūē āāīāāōēēāōīēī çāēēp-āīēāī. / 1951 Īmāāēāāī. Ōāāē ā āāī āīēp (ōdā). / 1958 Īōdāōīāāī (70.000 ī āđīē) çā īdāēīp īāōēnōēēp āyōāēīī nōū / 1969 Ādānō - ī ānīāīā āēēēnōāā ā Īēūōā / 1972 Īōīōūāī īī mōōīyīēp çāīdīāy.

В послужном списке Беста:

- «ночь длинных ножей» (1934);
- изгнание из рейха 17.000 евреев и «хрустальная ночь» (1938);
- создание «einsatzgrupp» (для массовых убийств);
- уничтожение польских интеллигентов и французских подпольщиков;
- ну и, конечно, Endloesung – окончательное решение...

***

«Давайте жить дружно!» – в детском мультике мурлычет кот Леопольд.

В день оккупации, 9 апреля 1940 года, датчане с внешней невозмутимостью наслаждались весенней погодой или спешили по делам как ни в чем не бывало, или спокойно, не прозревая военной прорухи – «товарного голода» и голода просто – заглядывали в магазины.

- Дисциплина! – сказал немецкий генерал.

- Культура, – прибавил датский чиновник.

Сам фюрер восторгался Данией, подзуживая местных арийцев избавиться от инородцев. Датчане парировали наотмашь: *у нас нет еврейского вопроса.*

Как в середине прошлого века пошучивал вроде бы Константин Георгиевич Паустовский: *в СССР нет национального вопроса, разве что – пауза – маленькая запятая.*

А тут никаких знаков препинания. Король Кристиан X взвалил на себя ответственность за всех подданных, без изъятия.

В длинном витиеватом послании, сердечно и от души, Гитлер поздравил Его Величество с днем рождения. А король: «Премного благодарен». Закрывать кавычки. Точка...

И 05.11.42 по распоряжению фюрера Вернер Бест перемещен на новую должность – заместителя.

В понедельник, 23 августа 1943 года, на Восточном фронте завершилась Курская битва. Разгромлены 37 пехотных и танковых дивизий. Люфтваффе – военно-воздушные силы – лишились 3500 самолетов...

В Дании – чрезвычайное положение. 29-го правительство подает в отставку. Король, считая себя военнопленным, отклоняет ее. Дескать, не правомочен.

8 μήνους ὕστερ Ἀπριλίου τὸ ἀεὶ ἀσέβηται ἰσότιμον 1032

Ἀπριλίου. Νέοις αἰσῶν. (Γὰρ εἰς τὴν ἰσὴν ἀδελφίαν «ἡμετέροις».)

Настало время обратить внимание на еврейский вопрос

И тотчас вызвал Дуквица...

Здесь река времен разветвляется при впадении в вечность. Устье как устье. Обыкновенная дельта с протоками.

I. Возмущенный Дуквиц требует увольнения. Бест отказывает. И Дуквиц, направляемый Бестом, мчится в Берлин с целью предотвратить... Поздно. Дуквиц (под неотложным предлогом) летит в Швецию – организовать прием будущих беглецов.

II. Никаких метаний. Маршрут Дуквица задан Бестом – сперва Берлин, потом Швеция.

III. Как ни крути, гауляйтер – спаситель евреев.

***

С годами – свидетелей меньше, а домыслов больше.

Бест затеял антиеврейскую акцию, чтобы: 1) спасти свой авторитет, пошатнувшийся в Берлине; 2) убрать евреев из Дании. Но он же, Бест (после Сталинграда и Курска), сорвал акцию, дабы сотрудничать с датчанами (и союзниками) – опасался их злить.

Такая картина, даже скорее набросок, эскиз, сделанный не вполне уверенными штрихами, черновой подмалевок, не выдержанный по колориту и с «провальным» фоном, – такая картина поступила в Комиссию по делам Праведников как бы на реставрацию.

Слой за слоем, приближаясь к истине, Комиссия снимала позднейшие напластования:

1. Вопрос, по сути, не вызывает сомнений. Дуквиц получил сведения и передал антифашистам. Но сделал это по прямому указанию Беста, за которого ходатайствуют (1971), чтобы провозгласить его Праведником... А он, Бест, сидит в тюрьме как военный преступник.

2. Дуквиц безусловно рисковал собой. «Я ценю свою жизнь не более семи тысяч еврейских жизней», – так и сказал датчанам.

3. Ситуация деликатная. Надобно изучить мотивы. И перепроверить факты... Хотя после войны Дуквиц был послом в Копенгагене. Датчане просветили его, как рентгеном. Досконально.

4. Нацист смолоду? Но фашистская практика открыла глаза...

5. Что думает еврейская община и датское общество? Запросить наше посольство в Дании.

***

И вот – решение. 29 марта 1971 года:

Ἰδετέ τὴν ἀποφασὴν ἐπὶ τοῦ ἱσραηλινικοῦ ἐθνικοῦ ἱστανότου καὶ ἁρῶν δὲ τῶν ἀλλοτρίων ἀλλοτρίων ἐπὶ ἐπιπέδῳ ἰσραηλινικοῦ αἰ ὁ ἰσραηλινικοῦ ἐπὶ

5 апреля вручили почетную медаль. Дуквиц торжественно сажал памятное дерево. Рукоплескали десятки выходцев из Германии и Дании. Не обошлось без официальных представителей обеих стран. Тогодшний директор Яд ва-Шем, главный обвинитель на процессе Эйхмана, сказал:

Ἰδετέ τὴν ἀποφασὴν ἀπὸ τοῦ ἱσραηλινικοῦ ἐθνικοῦ ἱστανότου καὶ ἁρῶν δὲ τῶν ἀλλοτρίων ἀλλοτρίων ἐπὶ ἐπιπέδῳ ἰσραηλινικοῦ αἰ ὁ ἰσραηλινικοῦ ἐπὶ

За четверть века поутихла разноголосица в научных кругах. В целом историки согласны:

Ἰδετέ τὴν ἀποφασὴν ἀπὸ τοῦ ἱσραηλινικοῦ ἐθνικοῦ ἱστανότου καὶ ἁρῶν δὲ τῶν ἀλλοτρίων ἀλλοτρίων ἐπὶ ἐπιπέδῳ ἰσραηλινικοῦ αἰ ὁ ἰσραηλινικοῦ ἐπὶ

***

Мы никогда не узнаем правды...

Значит, у этой истории нет окончательной ясности. Впрочем, есть нечто, похожее на happy end. Что не так уж часто с евреями (и человечеством) случается.

...Иерусалимский район Бейт а-Керем. Сверкающие витрины. Пенсионеры. Коляски с младенцами. Гордая и счастливая молодая мама... Два карапуза виснут на черных брусках бетонного корабельного остова – памятник судам, что бороздили море с евреями на борту...

Датская площадь – детская площадка Иерусалима.

А в Копенгагене – Israel-platz.

Бывают, как известно, странные сближения...

Дуквиц – из Бремена. И праведное дерево сажал, поощряемый бургомистром... Вспоминаются, стало быть, «Бременские музыканты» – сказочка братьев Гримм с позднесоветской мультяшной песенкой:

Работники ножа и топора,

Романтики большой дороги...

Датский сказочник Ганс Христиан Андерсен умер (01. 08. 1875, Копенгаген) в доме своего друга Морица Мельхиора. Из той же семьи – главный копенгагенский раввин, что осенью сорок третьего (на Рош а-Шона) упредил своих прихожан о грядущих событиях.

Сын раввина (тогда студент) свидетельствовал на процессе Эйхмана:

Новость распространилась с невообразимой скоростью. На следующий день в университете повстречались мне два студента.

– Ходят, – сказали, – разные слухи. Б-г весть, правдивые ли... В любом случае наши имена N и NN. Адрес – в университетском справочнике. Пожалуйста, обращайтесь к нам, как только понадобится помощь.

Øðáííííðóíúá íðáíííðáá: ðáí'éóóéá – á éááííðí; óáííííéá ááðíáííú Éðáíí íá Éðáííðá áéý ááéáí'óáá éç Ááí'èè.

Вот еще – бегло, пунктиром – несколько сказочных датских «невероятностей»:

– 1941-й. Горит синагога. Король публично осудил поджигателей. Они пойманы. Три года тюрьмы.

– 1942-й. Синагогу и общинную богадельню охраняют еврейские добровольцы вкупе с датской полицией.

– 1943-й. Три дня (29. 09 – 01. 10) бастует университет. Профессора и студенты спасают евреев.

– 30.09 некие молодожены (Хава и Хаим?) не расслышали, что стучат в дверь. Немцы потоптались и ушли. Хава и Хаим проспали свою Катастрофу.

– 01.10.43 Король уведомил Беста (и Берлин), что любые антиеврейские акции бесчеловечны. Грозил могущественной Германии осложнениями...

– 03.10.43 в датских церквях оглашали пасторское послание:

Í ú íééíáá íá çááááí, ÷óí Èèííí Øðèíðíí ðíæááí éçáðáííúí íáðíáíí Èçðáééý. Í ðáííæáííáíéá ááðáá íðíðéáíðá:èð áéááííé ððèíðéáííéíé çáííááé: áíçèþáé áééæíááí... Í ú áúáíí áíðíðóííý çá íáøéð ááðíííéèð áðáðííá é íáíðáð áí èí ý íáííðááííé íáíáíáú, éíðíðþ óáí'èí áúóá íáí íé æéçíé.

– Выдать спрятанного еврея – за грошовую ли плату, а то бескорыстно – обыденность многих и многих стран. Один-единственный датский палец один-единственный раз уткнулся в тайное убежище.

– Еврей-госслужащие заступили после войны на прежние рабочие места. Расписались в ведомости, около кассы, «за вынужденный прогул».

***

Люди суть люди. Земные и грешные. Не ангелы... Выручили – и ворчат:

– Проклятые евреи... паразиты, трусы, дезертиры... увильнули... отсиделись в Швеции... – Отказывались сдавать нам квартиры.

Все устали от войны. Датчане устали от евреев. Евреи устали быть евреями. Заметное их число покинуло Данию в первый же год свободы. Им просияла голубая шестиугольная звезда.

Í í íáíí áíæéáá

Желтую шестиконечную звезду, протестуя против нацистов, надевали неевреи в Берлине в 1941 году, в оккупированной Голландии, Бельгии, Франции, Польше...

В сентябре сорок второго британская еврейская община благодарила Кристиана X, что посетил копенгагенскую синагогу.

Если евреев Дании, – сказал Король, – заставят носить символ, что отличает их от других сограждан, то я и моя семья тоже будем носить этот символ.

...История про «Короля со звездой» растеклась по газетам, популярным брошюрам, статьям, радио- и телепередачам. Послужила материалом для художественного творчества, которое (творчество) известно, откуда берется:

Etāā ā āī cī āēē, ēç ēāēīā m dā

Dāñōō ñòēēē, í á āāāy ñò ūāā

Ēāē æāēō ūē īāōāī ÷ ēē ó çāī dā,

Ēāē ēīīōē ē ēāāāā

На самом деле, ни Король, ни кто-либо из датчан, ни даже евреи – никто не носил (и не мог носить) желтой звезды: Дания – единственная из поработанных стран, где нацисты не (НЕ) потребовали обязательной этой отметины.

И все равно:

На груди короля была желтая звезда. Вот здесь. Королева пришила ее собственными руками.

Потому что миф – законная часть истории. Только не нужно трактовать мифы как факты.

РАББИ ЭЛХОНАН

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ 12, 2003

אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

בְּיַד יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Тем временем кайзер, оправившись от нанесенных ударов, опять собрал силы, и немалые, чтобы продолжить завоевание чужих земель. Теперь он одерживал победу за победой. Новый поход бросил к его ногам северную Италию, затем он захватил Рим и чуть было не взял в плен самого римского папу Григория VII. Ужасного позора удалось избежать лишь благодаря вмешательству норманского барона Роберта Гвискреда; последний перевез его святейшество из Ангельбурга, где тот держал безнадежную осаду против войск кайзера, в безопасный Солерно.

В годину тяжелых испытаний Феликс остался верен папе и отправился с ним в изгнание. Многочисленные невзгоды, потрясения и опасности сломили дух и подточили здоровье его святейшества. Папу Григория VII сразила болезнь, от которой ему не суждено было оправиться. Видя, что конец близок, он собрал верных ему иерархов и непреклонно объявил им свою волю: по смерти его возвести на ватиканский престол кардинала Феликса. Перед кончиной папа Григорий сказал:

– Я любил справедливость и ненавидел грех; потому и умираю в изгнании, всеми оставленный.

После смерти папы кардиналы вернулись в Рим, чтобы выполнить последнюю волю покойного. Так, под именем Виктора III взшел на папский престол еврейский мальчик Элхонан, сын великого рабби Шимона.

Любой христианин потерял бы голову от счастья, выпади такая честь на его долю. Стать римским папой! И это в тридцать-то лет! Достигнуть высшей власти, всемирной известности! Благородные рыцари, князья и графы, люди прославленные и именитые целовали престол у его ног, герцоги и короли склонялись в поклоне перед его величием. Весь католический мир почтительно и смиренно опустил перед ним на колени.

Несмотря на все это, папа не был счастлив. Невыразимая печаль снедала его, лишала радости и спокойствия. Вера в то, чему его учили почти всю жизнь и чему учил других он сам, непонятно отчего таяла едва не с каждым днем. Он уже давно не испытывал священного трепета перед внешними атрибутами католичества. Слишком глубоко приходилось ему погружаться в заботы мира, слишком близко довелось узнать человеческую природу, ее низменные проявления, постичь интриги, в которых погряз Ватикан. Не с чужих слов были ему известны все тайные пружины механизма, управлявшего католической церковью, чтобы он обманывался внешним благолепием ее бытия, красотой ее обрядов, столь любезных сердцу простого верующего.

Он снова погрузился в книги, снова отдался постижению неизведанного, посвящая свободное время изучению древних языков, самых разных и сложных наук. Одолев иврит, он прочел в оригинале весь Танах – подвиг, которым могли похвастаться лишь считанные христианские богословы. Сочинения еврейских мудрецов стали для него своеобразным духовным прибежищем в часы усталости от мирских раздоров, от собственных сомнений, от скрытой внутренней борьбы. Тогда искал он утешения и покоя в словах Торы и пророков. Постепенно он совершенно перестал верить в церковные таинства, в неслыханные чудеса, которых полна история христианства. После пристального их исследования и долгих раздумий над ними он пришел к неоспоримому выводу, что все они, как и сама суть христианского вероучения, так или иначе заимствованы из еврейских текстов. На него снизошло наконец сознание единства Творца; он уверовал в него в полном согласии с иудейской религией.

Вот что теперь негромко произносил его святейшество, папа Виктор III, сидя поздним вечером в своем кабинете наедине с Книгой Книг:

«Слушай, Израиль, – читал он шепотом, – Г-сподь Б-г наш – Г-сподь один! Ох! Отчего эти простые слова так переполняют мне душу, отчего сжимается от них сердце и необъяснимый восторг охватывает все существо, словно слышу я эхо воспоминаний о давно забытых счастливых днях? Как высока и сокровенна эта, на первый взгляд, простая мысль... Разум человеческий не в состоянии до конца постичь ее! Бывают мгновения, когда мне кажется, что она – неотъемлемая часть моей бессмертной души, кажется, что еще до того, как душа эта спустилась в мир, мысль о едином Б-ге пребывала со мной. Так ли это? Кто мог бы раскрыть мне сию великую тайну во всей ее глубине?.. Но что пользы тщетно мечтать о постижении непостижимого, если даже такая сугубо “земная” вещь, как тайна моего рождения, скрыта от меня столько лет? Нет, надо немедленно написать в Майнц, чтобы сообщили местонахождение отца Томаса...»

Стук в дверь прервал размышления папы. В дверях возник служитель:

– Простите, ваше святейшество, некий монах из Германии просит срочно принять его по весьма важному делу.

– Кто он и откуда?

– Он говорит, что его имя отец Томас и что он настоятель Якобинского монастыря в Майнце.

– Отец Томас? – изумленно вскричал папа. – Немедленно позови его и позаботься, чтобы никто не смел беспокоить нас!

Двадцать шесть лет прошло с того дня, когда католический прелат закрыл за четырехлетним Элхонаном дверь своей кельи в Якобинском монастыре города Майнца. Много воды утекло с тех пор в Рейне. Немало важных исторических событий сотрясло мир. А уж сколько всего произошло в жизни маленького мальчика, перед которым теперь в почтительном поклоне склонился настоятель монастыря!

Поцеловав туфлю понтифика, Томас застыл, не зная, с чего начать. Горящим взором папа буквально жег немощного старца, от которого надеялся наконец узнать правду о своем прошлом. Минувшие годы сильно изменили отца Томаса. Огромная, совершенно седая борода покоилась на его груди. Внешне он ничем не привлекал внимания. Старик и старик. Но папа не сводил с него глаз. Его охватило необычайное волнение. Он едва мог унять дрожь, сотрясавшую тело.

– Ты хотел говорить со мной? – нарушил наконец тишину голос Виктора III.

– О да, ваше святейшество! Недавно довелось мне побывать в городе Бамберге, где я провел свою молодость. Настоятель тамошнего Якобинского монастыря поведал мне о поразительной, о неслыханной судьбе мальчика, которого я передал в этот монастырь на воспитание двадцать шесть лет назад. Он сообщил мне также, что святой римский папа изъявил желание узнать всё, касающееся его происхождения. Посему я немедленно поспешил в Ватикан, дабы сообщить вам известные мне сведения и в надежде, что мое усердие будет оценено по достоинству.

– Можешь не сомневаться, твое усердие будет достойно вознаграждено! – обнадежил его папа с нетерпением. – Говори!

И Томас во всех подробностях поведал ему историю похищения из родительского дома маленького еврейского мальчика, переданного на воспитание монахам-якобинцам.

Во время рассказа лицо папы напоминало гипсовую маску. Лишь по-прежнему глаза горели огнем. Когда отец Томас умолк, папа погрузился в глубокие размышления и еще долго не произносил ни слова. Потом поднялся из кресла.

– Что ж! Теперь мне открылось многое из того, что я считал загадочным. Теперь я понимаю, откуда мои странные мысли, необъяснимые порывы души!

Он медленно приблизился к Томасу и, пристально глядя ему в глаза, спросил:

– Скажи, неужели все эти годы тебя не мучила совесть? Неужели не раскаивался ты в том, что украл несмышленного ребенка, отнял его у отца и матери? У людей, которым сам Всевышний поручил воспитание сына?

Томас смотрел на него со страхом и недоумением.

– Совесть? Раскаяние? Ваше святейшество, верно, изволит смеяться над своим недостойным слугой! Разве не спас я, ничтожный, душу ребенка от геенны огненной? Разве не принес я ему дар жизни вечной? Разве не достиг он неслыханных высот, не стал величайшим среди смертных? Самым святым человеком на земле? Да во всей моей долгой жизни не отыщется деяние столь же богоугодное!

– Этому тупоголовому ничего

не докажешь, – подумал папа, – даже сокрушаться о нем бессмысленно!

– Послушай, отец Томас! – проговорил он вслух. – Твое усердие, разумеется, будет щедро оплачено. Но ответь – знает ли, кроме тебя, хоть один человек на свете мою тайну?

– Кроме меня, ее не знает никто.

– Коли так, поклянись мне хранить эту тайну и впредь, поклянись не открывать ее никому, ни при каких обстоятельствах!

Отец Томас охотно поклялся. Его святейшество щедро одарил настоятеля Якобинского монастыря деньгами, а сверх того назначил его на освободившийся к тому времени пост епископа города Бамберга.

Отец Томас снова преклонил колени, снова поцеловал папскую туфлю и рассыпался в благодарностях. А вслед за сим радостно направил свои стопы в славный город Бамберг к месту нового своего назначения.

Что касается папы Виктора III, то он с того дня окончательно потерял покой. Смятение его росло, душевные муки не оставляли ни на миг, тоска по родителям сводила с ума. Больше всего на свете ему хотелось видеть отца и мать, говорить с ними. Но как до них добраться? Папе нельзя просто так, беспричинно покинуть Ватикан и Италию. Если же он призовет родителей к себе, это породит ненужные толки и подозрения. И без того, видит Бг, хватало слухов о его темном происхождении. Хватало и желающих докопаться до истинного положения дел, дабы извлечь из этого кое-какую корысть. Чтобы защититься от любопытных и сплетников, папа даже поощрял распространение легенд о себе. По одной из них он родился в Германии, в семье пастора; другая легенда называла его отпрыском знатного итальянского рода...

Шло время, но тоска по родителям не ослабевала. Напротив, день ото дня она становилась все острее, все невыносимее. В конце концов, не находя иного выхода, он, скрепя сердце, решил прибегнуть к довольно бесчеловечному средству, чтобы устроить себе свидание с близкими. Он придумал для еврейской общины Майнца несправедливое и жестокое наказание, дабы вынудить ее главу прибыть в Рим и умолять Ватикан о пощаде.

Àèàà àîîü àÿ

Àñòðá:à îòöà è ñííá

По прошествии примерно двух недель еврейская община города Майнца получила предписание, адресованное ее руководителям. От них требовалось немедленно явиться во дворец к архиепископу. Попечители общины во главе с рабби Шимоном поспешили выполнить приказ. Сердца их, естественно, исполнились недобрых предчувствий. В заранее назначенный час все они предстали перед архиепископом.

– По поручению и от имени святого римского папы извещаю вас о нижеследующем, – начал архиепископ. – С сегодняшнего дня его святейшество наложил запрет на отправление следующих ваших обычаев: субботы, обрезания и употребления миквы. Однако в великой милости своей папа предоставил вам право ходатайствовать перед ним об отмене данного запрета, ежели таково будет ваше желание. В этом случае глава общины в сопровождении двух выборных представителей отправится в Рим и предстанет перед папой, чтобы доказать ему разумность и необходимость описанных обычаев. Если община решит направить к папе такую делегацию, введение запрета будет отложено до возвращения ее посланцев из Рима.

Бледные как смерть представители общины слушали речь архиепископа в страхе и смятении. Бессмысленная жестокость папского указа потрясла их до глубины души. Однако едва забрезжил путь к спасению, они немного ободрились. Появилась надежда на благополучный исход. Рабби Шимон не колеблясь тотчас объявил архиепископу:

– Милостивый господин, мы отправляемся в Рим! Мы возлагаем наши упования на Б-га, который сохранит нас в пути и поможет нам доказать римскому папе святость, а также глубокий смысл трех заповедей, данных Всевышним нашему народу!

В тот же день рабби Шимон выехал из Майнца в Рим в сопровождении двух представителей общины.

Сердце его святейшества папы Виктора III готово было выпрыгнуть из груди, когда ему доложили о прибытии делегатов еврейской общины города Майнца во главе с рабби Шимоном. Делегацию он принимал в присутствии многочисленных важных сановников Ватикана.

Едва войдя в зал и увидев его святейшество на троне с короной на голове, рабби Шимон неожиданно почувствовал слабость в ногах и едва не опустился на пол. В его памяти отчего-то явственно всплыл тот самый вещий сон о славном будущем исчезнувшего сына, который он видел более четверти века назад. С трудом ему удалось взять себя в руки. После принятого в подобных случаях обмена приветствиями рабби Шимон начал речь, ради которой явился в Рим. Речь эта была умной, страстной и убедительной. Будучи блестящим образцом ораторского искусства, она неопровержимо доказывала, что в соблюдении еврейским народом тех заповедей, которые запрещал папский указ, есть не просто насущная, но высшая необходимость.

Когда рабби Шимон кончил говорить, лицо папы выражало удивление и восхищение. Он тут же повелел своему секретарю отменить злополучный указ и известить о том общину Майнца. Затем он обратился к евреям, с трудом скрывавшим ликование:

– Возвращайтесь в дома свои и живите мирно и благополучно в лоне веры предков! А вас, мудрый рабби Шимон, я попрошу ненадолго в мой кабинет. Мне хотелось бы воспользоваться вашей помощью и прояснить некоторые трудные места в кабалистическом учении; я им нынче занят.

Рабби Шимон последовал за папой в кабинет, испытывая невероятное волнение. Сев на предложенный ему стул, он следил за каждым движением папы, который нервно расхаживал взад и вперед по комнате и не говорил ни слова. Наконец, его святейшество обратился к рабби Шимону с вопросом:

– Жива ли ваша жена, рабби?

– Да, милостивый господин, жена моя жива и с нетерпением ждет моего возвращения.

– Сколько у вас детей, рабби?

– Четыре сына и две дочери.

– Где они живут?

– Старший, Иеуда, живет с нами, в отчем доме. С Б-жьей помощью, он займет мое место в будущем. Другой, Йосеф, исполняет должность раввина города Меца. Третий, Меир, в Париже. Он занимается торговлей. Четвертый, Нехемия, пока еще отрок и тоже живет с нами. Обе мои дочери замужем за достойными людьми. Они в Майнце.

– А других детей у вас не было?

– Был, – отвечал рабби Шимон, глубоко вздохнув. – Был у меня когда-то еще один сын. Сегодня мне почудилось, что я вновь его вижу. Ибо ваше святейшество напомнило мне почему-то моего маленького мальчика.

– Мое лицо кажется вам похожим на лицо вашего сына?!

– Простите, милостивый господин, если я невольно задел вас. Но так оно и есть. В памяти у меня неожиданно всплыл очень давний сон о моем исчезнувшем сыне. Во сне я видел его сидящим на великолепном троне, увенчанным короной с тремя зубцами и с большим золотым крестом на груди. Сильные мира сего склонялись перед ним и целовали престол у ног его.

– Что же случилось с твоим сыном?

– Он пропал из дома в возрасте четырех лет. Мы искали его, но так и не нашли.

– И все это время о нем не было никаких известий?

– Нет, к нашему великому горю! Некоторые считали, что его няня, умершая вскорости от тяжелого психического расстройства, в припадке безумия сделала с ним что-то ужасное, может, даже бросила в Рейн.

– Как же звали бедного малютку?

– Элхонан.

– ЭЛХОНАН? – повторил его святейшество вслед за рабби. Звук незнакомого имени по непонятной причине всколыхнул его душу. С его глаз будто спала пелена, лицо озарилось нездешним светом, душу опять наполнил восторг и в мозгу сами собой сложились слова... – Будто голос свыше давно шептал их ему на ухо:

«Yéôî í áí – Ā-m'í áúî ñáîp ì eéî ñòú

Í ðîñòáð í áá áááéîî ñáéîî ...»

Слова эти сорвались с его губ, и рабби Шимон вскочил с места, как ужаленный, почти теряя сознание и не веря своим ушам. Мир вокруг показался ему вдруг призрачным, как сон. И тут папа Виктор III упал в его объятия, восклицая:

– Отец, отец! Я твой Элхонан, твой потерянный сын! Дай же мне обнять тебя, дай прижаться к твоей груди!

Голос его святейшества пресекался от волнения. Он не мог продолжать и лишь судорожно сжимал рабби Шимона в объятиях. Молчал и рабби Шимон, в слезах обнимая своего давно пропавшего сына.

Таково свойство еврейской души. Даже скованная долгие годы цепями чуждой веры, она продолжает тосковать, невидимыми, но неразрывными нитями связанная со своим народом. С верой предков. Смутной памятью тлеет в ее глубине искра еврейства, готовая разгореться и стать пожаром при первом же дуновении ветра...

Āëääâ äááýò äý

Āî çáðàùî áí eá é èñò í eáî

Сопровождавшие рабби Шимона представители общины уехали обратно в Майнц без него; рабби остался в Риме. Сделано это было по прямому указанию папы. Папа пожелал, чтобы рабби Шимон помог ему в изучении кабалы, разъяснил, в частности, некоторые трудные места. Отец и сын встречались ежедневно. Часами они рассказывали друг другу обо всем, что произошло в их жизни с момента разлуки. Беседы в папских апартаментах касались, впрочем, и серьезных проблем, связанных с вопросами веры и вообще с миропониманием. И многомудрый отец неустанно помогал сыну разрешить сомнения, преодолеть тревогу, избавиться от неуверенности, которые снедали того последние годы. Все оказалось внятно и доступно, даже самое труднодостижимое, его недожизнному уму, его необычайной интуиции. Рабби Шимона недаром называли «великим».

Широта и глубина познаний сочетались у него с огромной увлеченностью всем, что касалось служения Израилю. И по сей день слышится голос этого выдающегося человека, наделенного благородным сердцем и разнообразными талантами. Он звучит в стихах, которые им написаны и которые мы произносим в дни Суда. Ясность мышления рабби Шимона, сила убеждения, дарованная ему природой, в полной мере проявились в часы бесед с сыном. Его слова для изголодавшейся по сочувствию и пониманию души Элхонана были воистину, как живая вода.

Однако в конце встречи в глазах сына всякий раз появлялась печаль, лицо выражало смущение и растерянность.

– Ты прав, ты несомненно прав, отец, – говорил, он как бы подводя итог всему, что они обсуждали, – но что же мне делать?..

Отец безмолвствовал.

По прошествии двух недель рабби Шимон наконец поведал папе свой давний сон. Во всех подробностях. Сон, который в первой его части стал явью самым неожиданным и чудесным образом. Потом, завершив рассказ, добавил:

– Ты постоянно спрашиваешь меня, что тебе делать. До сих пор я лишь молчал в ответ. Но настал час открыть тебе мои мысли и желания. Слушай же! Ты должен воплотить этот сон в реальность до конца! Должен бесповоротно отвергнуть обманчивый блеск и славу короны, которой тебя увенчали. И Всевышний за это наградит тебя другой короной – несравненно более прекрасной!

Элхонан глядел на отца широко раскрытыми от изумления глазами.

– Отец! – испуганно произнес он после паузы. – К чему ты ведешь? Неужели ты и вправду хочешь, чтоб я добровольно, своими руками уничтожил плоды многолетних усилий? Отказался от всего, чего достиг честным и неустанным трудом? Презрением к опасностям? Чтобы оставил самый высокий в мире престол и пребывал до конца дней в пыли и унижении? Одумайся, отец! Ты требуешь от меня непосильной жертвы...

– Безусловно, сын мой, жертва велика. Я прекрасно это понимаю. Однако сказано: «Не почует смертный во славе». Другими словами, все почести и богатства этого мира человек не возьмет с собой в могилу. Разве не придется тебе свой славный трон в любом случае однажды уступить другому? Ах, сын мой! Прежде чем ты будешь вынужден сделать это помимо своей воли, соверши сей смелый шаг по собственному желанию, спаси бессмертную душу свою, свою судьбу в мире истинном! Понимаешь, Элхонан, живи ты и по сей день в любви и полном согласии с верой, в которой тебя насильно воспитали, будь ты ныне, как и прежде, до конца христианином, я все равно положил бы все силы, чтобы вернуть тебя к вере отцов! Если бы мне это не удалось и ты стоял бы, как скала... Что ж, тогда я отступился бы, тогда оставил бы тебя с великой печалью, с раной в сердце. Но посуди сам: разве можешь ты считаться истинно верующим в учение Христа? Твое пребывание на посту папы римского не более чем лукавство и обман. Еще до встречи со мной ты ощутил в глубине души необъяснимую преданность еврейской вере, служению Израилю. Даже, может быть, не признаваясь самому себе. Когда ты решишься изменить жизнь, к которой привык только в результате того, что некогда тебя подло похитили из отчего дома, ты испытаешь подлинное облегчение. Твоя душа, твой разум – им чужды все представления о Б-ге, о человеческом бытии, которым тебя учили в монастыре и после. Сегодня ты их отвергаешь, и об этом я сужу по твоим же словам. Тебя удерживают мирские почести и почет, желание повелевать и любовь к власти, которую дает высокий сан отца всех католиков на земле. Но все это внешнее, преходящее, необязательное. И за него ты готов отдать свою бессмертную еврейскую душу и жизнь в будущем мире? Да разве тебе неясно, что жизнь твоя в мире нынешнем неизбежно превратится в сплошные терзания, в тоску по утраченному? Поверь, сын мой, жертва,

которую я от тебя требую, – ничто в сравнении с тем, что ты получишь взамен. Наградой станет тебе любовь родителей, братьев и сестер, которой ты был лишен; любовь женщины, детей, которых она тебе родит. Тебя ждет то, чего ты навсегда будешь лишен здесь: изучение священной нашей Торы – учения Господа живого. Исполнение ее заповедей, о которых сейчас ты имеешь лишь весьма туманное представление. Жизнь твою озарят радости этого мира, а впоследствии и мира грядущего, где нет изъяна, как свидетельствует Господь перед всеми, кто в Него верит...

Рабби Шимон умолк. В зале воцарилась глубокая тишина. Элхонан тоже безмолвствовал, продолжая в задумчивости ходить из угла в угол. Светлое и благородное лицо его отражало тяжелую душевную борьбу с самим собой. Неожиданно он остановился как бы в озарении:

– Я, кажется, понял, отец! Существует же золотая середина! Вспомни о народе нашем: как он угнетен и унижен! Повсеместно прелаты, невежественные и злобные, совращают безграмотных, темных людей, направляя ненависть толпы против нашего племени. Только представь, какую великую пользу смогу я принести измученным братьям своим, удерживая в руках бразды власти, практически ничем не ограниченной! Дай же мне применить ее! Оставшись здесь, в папском дворце, я смогу посвятить свою жизнь облегчению участи народа, к которому принадлежу, и ни один католик меня ни в чем не заподозрит. Я стану тем инструментом в руке Всевышнего, с помощью которого он освободит свой народ от ярма угнетения. Посуди сам – ежели я вернусь к еврейству... Ну что ж, в мире станет одним евреем больше, и только. Если же останусь на своем месте, то стану избавителем для всего Израиля и, возможно, спасу тысячи его сынов и дочерей!

Отец покачал головой:

– Не могу с тобой согласиться, сын мой. Наши мудрецы учат: «Не говори человеку – соверши преступление, чтобы лучше стало брату твоему». У тебя нет права губить собственную душу даже ради спасения других душ. А если бы и было такое право, – это все равно не более чем заблуждение: думать, будто тебе удастся использовать свое положение во благо твоим соплеменникам. Прелаты и монахи, снedaемые злобой к евреям, легко заметят любую твою попытку действовать в их защиту и в конце концов попросту сместят тебя. Оставь же заботу о благе и будущем нашего народа Отцу небесному; не сомневайся – он никогда нас не оставит. Ты утверждаешь, что с твоим возвращением в лоно предков народ наш приобретет всего лишь еще одного еврея. А сие, дескать, ничтожная малость. Знай же: приобретение это значит не меньше, чем сотворение целого мира. Благодаря тебе не один человек сможет уберечь свою душу от гибели. Многим поколениям ты послужишь примером преданности своим единомышленникам. Наши внуки и правнуки будут читать и слушать о тебе, исполняясь мужества и надежды, столь необходимых подчас, чтобы сохранить верность религии отцов. Ты станешь живым доказательством того, что ценность веры и служения Израилю превышает любых ценностей, какими способны похвастать другие народы. Элхонан, ты наш, так вернись же к нам! Вернись к своему Б-гу, к своему народу, к семье своей! Позволь мне, дорогой сын, сообщить радостную весть твоей несчастной матери. Она ведь продолжает горько оплакивать тебя со дня твоего исчезновения, полагая, что ее первенца более нет в живых! Вспомни:

Yéōī í áí – Ā-mī'tāū nāīp ī eētīōū

Ī ōīōāō í āā ōāēī ī nāēī ...

Папа Виктор III в изнеможении опустился в кресло и закрыл лицо руками. Сколько времени и сил он потратил, чтобы достичь всего, что составляет сейчас основу его жизни! С каким упорством он трудился и воевал, чтобы добиться высшей власти, достичь славы, в лучах которой сейчас пребывает! И вот теперь он все бросит и уйдет?! Он, всемогущий Святой Отец, глава церкви, привыкший к тому, что любое его желание – закон для католического мира, вот так просто спустится с горных вершин и станет человеком из толпы? Герцоги, князья и графы приближаются к его трону не иначе, как склонившись в глубоком поклоне и преисполнившись величайшего смирения, а он превратится в простого еврея, презренного, доступного насмешкам и издевательствам любого христианина?

Он решил уже было отвернуться от рабби Шимона, но вдруг услышал слова, перевернувшие его душу. Столько лет минуло, а он все еще не забыл минуту, когда увидел свое имя в тексте стихотворения, сочиненного отцом:

Yéōī í áí – Ā-mī'tāū nāīp ī eētīōū

И отнюдь не в чужих руках...

И в ушах его прозвенел чей-то чистый, высокий голос: «В чем же судьба народа Израиля, познавшего любовь и милость Всевышнего, как не в вечном значении Его слов?»

Элхонан вскочил с кресла и обнял отца, восклицая:

– Отец! Я возвращаюсь! Я сделаю, как ты хочешь! Поспешу в Майнц, сообщи матери радостную весть, и пусть она готовится к приезду сына! Пусть перестанет проливать слезы горя и отчаяния, пусть слезы радости омоют ее лицо! Я уйду к своему народу, к вере отцов, к своему Б-гу! Я отказываюсь от славы и величия отца римской церкви и стану одним из тысяч моих братьев, буду, как они, учить Тору и выполнять заповеди Вседержителя. Я хочу быть евреем и жить как еврей!

Горячие слезы текли из глаз рабби Шимона, теряясь в густой бороде. Сердце сладко щемило. Он обнял сына и поцеловал его в лоб – как в тот далекий день, когда маленький Элхонан обнаружил свое имя среди его поэтических строк... Слезы продолжали струиться, словно из неиссякаемого источника. Это были слезы истинной и возвышенной радости, слезы благодатного успокоения. Ведь, на самом деле, только в эту минуту, только сейчас он снова обрел потерянного сына...

Вскоре после отъезда рабби Шимона из Рима прислужники папы заметили, что с их господином происходит нечто необъяснимое. Он все больше и больше от них отдалялся. Они связывали эти странности с неожиданно открывшимся пристрастием его святейшества к изучению еврейской кабалы. Папа стал молчалив и необщителен. Почти все время он сидел у себя в кабинете, не изъявляя желания никого видеть. И ни один человек не догадывался, что дни свои папа проводит в молитвах и покаянии, обращенных к Б-гу Израиля, прося простить ему его великий грех, совершенный по неведению.

В папском дворце было несколько тайных подземных ходов, благодаря им дворец можно было покинуть незамеченным. Ключи от дверей хранились только у самого папы, что давало ему возможность время от времени выходить наружу и, неузнанному, получать сведения о жизни простого народа, как говорится, из первых рук.

Однажды дождливой зимней ночью, осторожно заперев за собой потайную дверь, Элхонан покинул папский дворец, чтобы больше никогда туда не возвращаться...

Ключ он выбросил в воды Тибра. Городские ворота открылись перед ним беспрепятственно, ибо его святейшеству неукоснительно сообщали ежедневный пароль городской стражи.

Итак, папа Виктор III, высший иерарх католической церкви, глава правоверных католиков, духовный наставник царей и герцогов, епископов и архиепископов, отправился в дорогу, возвращаясь к истокам – к своему народу и вере отцов.

До Булони он дошел пешком, а там купил себе лошадь с повозкой, нанял возницу и направился в Майнц.

На следующее утро папские прислужники долго, но тщетно ожидали выхода своего высокого повелителя. Дверь папской опочивальни не открывалась, не слышно было, чтобы оттуда звали кого-нибудь. Забеспокоившись, а потом, почуяв недоброе, слуги сломали замок, вошли в папские покои, но, к своему изумлению, никого там не обнаружили.

В мгновение ока ужасная новость облетела дворец, вызвав общее смятение. Многие решили, что папа пал жертвой тайного заговора недоброжелателей. Кто-то считал, что папа похищен людьми кайзера. Кто-то еще высказал предположение, будто Святой Отец всех католиков был настолько свят, настолько чист сердцем, что во плоти удостоился вознесения на небеса. Были и такие, что полагали, будто его святейшество слишком увлекся мистическим учением и его похитили потусторонние силы.

Но чтобы папа по доброй воле отказался от славы, от власти над миром, от почестей, чтобы пренебрег высоким саном, неслыханным богатством и предпочел всему этому жизнь обыкновенного еврея, – такое никому и в голову не приходило.

Àéàà ààÿòäÿ

À èí à ïà ùè

Рабби Шимон вернулся из Рима и привез жене радостную весть. Та едва не потеряла сознание от радости. День и ночь глаза ее теперь смотрели на дорогу в ожидании сына, что вот-вот должен был к ней возвратиться. Каждого случайно забредшего в город путника она разглядывала с неотступным вниманием, надеясь угадать в нем знакомые черты. Но настал наконец тот счастливый день, когда ее пропавший, однако не позабытый Элхонан вернулся под отчий кров. Нет слов, которыми можно было бы описать встречу матери и сына. Слезы радости лились рекой, ликование не знало предела.

Элхонан со своим всегдашним прилежанием немедленно занялся изучением Торы. Он был талантлив, умен, молод и, точно губка, буквально впитывал знания, которыми делился с ним его выдающийся отец. Вскоре он добился звания «хавера». Им, как правило, устаивают пятнадцатилетних юношей. Но бывшему римскому папе оно, признаться честно, стоило немалого труда...

Возвращение Элхонана всколыхнуло общину города Майнца. Пересуды о чудесном воскрешении сына рабби, восторги по этому поводу не утихали долго. Никто, разумеется, не догадывался, как все было на самом деле, поскольку рабби Шимон строго-настрого запретил домочадцам открывать тайну прошлой жизни Элхонана. Правда, некоторое время спустя свою тайну приоткрыл сам Элхонан.

Случилось это совершенно неожиданно. Как-то раз Элхонан сидел в помещении, где его отец вел очередное заседание бейс-дина. В дверь, постучавшись, вошел человек и назвался Мешуламом из Регенсбурга.

При звуке его имени Элхонан вдруг припомнил историю давно минувших дней. Лицо его озарилось улыбкой. Ну, конечно же, это тот самый еврей, дочь которого кардинал Феликс некогда спас от рыцарей ордена Красной скалы! Мешулам, в свою очередь, тоже не сводил глаз с Элхонана. Молодой мужчина с большими светлыми глазами живо напомнил ему благородного юного кардинала, выручившего его дочку из плена. Сходство было воистину разительным; он просто не знал, что и думать.

Поведав рабби Шимону о различных сложностях жизни Регенсбургской еврейской общины, Мешулам, не выдержав, все-таки обратился к Элхонану:

– Не будь я уверен, что это невозможно, я бы принял вас за одного высокопоставленного вельможу, которому очень многим обязан.

– Неужели? А скажите, уважаемый, как поживает ваша дочь Рахель?

Потрясенный Мешулам застыл с открытым ртом, не в силах оторвать взгляд от Элхонана.

– Б-же мой! Да как такое может быть?! Да я...

– Это мой сын Элхонан! – резким тоном прервал Мешуламу рабби Шимон. Отец Рахели явно уже готовился разразиться вопросами и восклицаниями, а сие было весьма нежелательно в присутствии посторонних.

Но Мешулам с той минуты не знал покоя. Любопытство нещадно мучило его. Он догадывался, что за сценой в доме главы общины скрывается нечто необычайное. Но что? Он принялся расспрашивать евреев Майнца о прошлом Элхонана и, услышав от них, что Элхонан недавно возвратился к родителям после многолетней разлуки, что долгие годы провел неизвестно в каких краях и никто не знает, где он рос, учился, чем занимался, окончательно уверился, что Элхонан и был тем самым кардиналом, спасителем его несчастной дочери, взятой в плен негодьями.

В своей общине Мешулам был весьма уважаемым человеком. А его Рахель считалась умной и образованной еврейской девушкой, к тому же наделенной от природы необыкновенной красотой...

А посему прошло еще какое-то время, не сказать, чтобы очень долгое, Мешулам с рабби Шимоном сговорились, и Элхонан женился на Рахели. В день свадьбы Мешулам узнал наконец тайну прошлого своего зятя, который назывался теперь рабби Элхонаном. Его счастье не имело границ, уважение к молодому человеку было беспредельно. Он, конечно, слишком гордился мужем дочери, его потрясающей судьбой, чтобы не поделиться хотя бы с ближайшими друзьями и не доверить им все, что знал сам. Так история Элхонана превратилась в «секрет», который всем известен. Однако в общине Майнца, одной из крупнейших еврейских общин того времени, не нашлось никого, кто раскрыл бы эту тайну человеку со стороны. Впрочем, если бы даже кто и попробовал, разве был в мире хоть один христианин, готовый в эту тайну поверить? А если и был, неужели посмел бы он поведать ее своим братьям по вере? Но даже если предположить, что правда об Элхонане вышла наружу, не могли же историки католической церкви написать, что вот, мол, сидел некогда в Ватикане под именем Виктора III папа, который был по рождению евреем, похищенным в раннем детстве монахами, и который добровольно поменял все богатства, всю славу, выпавшие ему на долю, на жизнь среди соплеменников?

Главным занятием рабби Элхонана стало изучение Торы. Жена его Рахель рожала и нянчила детей; ребятишек воспитывали в полном согласии с заветами предков. Играя с малышами, которых он любил всей душой, рабби Элхонан порой посмеивался про себя, вспоминая, как рос в католическом монастыре, заранее обреченный на безбрачие, и радостно верил, что это – великое благо.

По прошествии времени герой нашего повествования превратился в подлинного ученого, в мудреца, уважаемого всеми – от мала до велика. Недюжинные способности проявил он также в сочинительстве. Некоторые из его творений, в том числе и поэтических, дошли до наших дней. По стихам можно явственно ощутить, до чего автор счастлив быть евреем и служить Всевышнему, какой неизбывной радостью наполняет его вера в единого Б-га. Ничто из событий странной поры, когда он жил в чуждом мире и чуждой жизнью, не оставило заметных следов в его душе. Словно и не было долгих лет, проведенных вдали от родного дома, от единоверцев, от священных книг. Бытие и образ мыслей рабби Элхонана теперь стали именно такими, какие приличествовали сыну рабби Шимона, прозванного, как известно, «великим».

Это сказалось не только в творчестве, нашло подтверждение не в одних лишь повседневных поступках, но проявилось и в последнем его незабвенном деянии.

Àèàà à èèí à àöò àÿ

«Àî î ñÿùáí èà Èì áí è»

Небосклон над европейскими евреями заволочло тучами, темными, грозowymi, чреватými бедой. В воздухе пахло кровавой бойней. Приближалась решающая битва христианства и ислама. Тысячи христиан украсили крестами свои одежды, желая принять участие в великом походе за освобождение Святой земли и Гроба Г-сподня из рук неверных. Но свою слепую злобу фанатики-крестоносцы, столь же невежественные, сколь и алчные, обратили в первую очередь против евреев. Куда легче было резать несчастных и незащитных людей, находившихся в непосредственной близости от них, и грабить их имущество, нежели отправляться в долгий и трудный путь, чтобы вступить в конечном итоге в бой с вооруженными до зубов и хорошо обученными армиями султана. Под звучным лозунгом «войны за веру» эти поборники Христа могли безнаказанно тешить самые низменные свои инстинкты, удовлетворять самые темные побуждения, не подвергаясь никакому риску... Мерзкие человеческие отбросы, негодяи и преступники, ущербные и безвольные люди сбивались в огромные стаи и, подобно саранче, пронеслись по странам, сметая все на своем пути. Во главе их стояли не ведающие ни малейших нравственных ограничений рыцари, стремившиеся исключительно утолить владеющую ими жажду славы, крови и золота.

В Майнц одно за другим прибывали известия о бесчинствах крестоносцев и о жестоких расправах, учиненных ими то над одной, то над другой еврейской общиной. Пришла и весть, что община Руана целиком погибла «во освящение Имени», а все евреи города Триара были насильно крещены под страхом смерти.

Евреи Майнца пребывали в ужасе и унынии. Каждый трепетал при мысли о завтрашнем дне.

Однажды в Шабос рабби Шимона целую ночь мучила бессонница. Ему не давал спать виденный накануне сон. В этом сне ему привиделись три благообразных еврейских старца с длинными и густыми седыми бородами; они неспешно расхаживали по улицам Майнца и распевали строфы, что звучат

обычно при извлечении Торы из ковчега: «И за все это возвеличится и освятится, и восславится, и возвысится, и вознесется Имя Царя царей Святого и Благословенного».

Пробудившись, рабби Шимон немедленно принялся вспоминать каждую подробность сна, снова и снова пытаюсь отыскать там разгадку или хотя бы скрытый намек. Когда ему удалось опять задремать, сон повторился.

Всю следующую неделю рабби Шимон постился и просил Всевышнего открыть ему смысл странного видения.

Наступил очередной Шабос; ночью рабби Шимон вновь увидел во сне тех же трех старцев. Один из них подошел к нему со словами:

– Я праотец твой Авраам, брошенный в печь огненную во освящение Имени.

Вслед за ним подошел и другой:

– Я праотец твой Ицхак, который по доброй воле был связан и возложен на жертвенник во освящение Имени.

Третий произнес, приблизившись:

– Я праотец твой Яаков, который страдал всю жизнь и учил детей жить и умереть во освящение Имени.

Затем все трое воззвали к нему хором:

– Шимон, раввин города Майнца! Иди и напхни детям нашим, что и их долг тоже жить и погибнуть во освящение Имени! И за все это возвеличится и освятится, и восславится, и возвысится, и вознесется Имя Царя царей Святого и Благословенного!

Назавтра чуть свет послал рабби Шимон собрать в синагоге всех евреев Майнца. А было их восемьсот душ – мужчины, женщины, дети. По завершении чтения Торы рабби Шимон поднялся на ступени перед ковчегом и поведал общине о том, что видел во сне. Все слушали, затаив дыхание. Закончив свой рассказ, рабби Шимон добавил:

– Дети мои! Все вы сыны и дочери святой общины, верящие в милость Всевышнего! Вы стадо его, которое почти сорок лет пас я в меру своих сил! Преклоните же теперь слух к словам моим!

Приближаются к нам кроважадные полчища нечестивых безумцев, лишенных совести и жалости; они будут заставлять нас, угрожая расправой, отречься от Б-га нашего и от веры отцов. И если мы их послушаемся, то убьют они нас всех до единого. Помните: если поддадимся мы на их уговоры, то, может быть, и выгадаем для себя несколько лишних лет земной жизни, но окажемся в бытии нашем вечном удалены от Скалы Оплота нашего. Однако ежели не побоимся мы оставить это горестное, исполненное страданий земное существование, которое лишено всякого смысла при невозможности посвятить его служению Всевышнему, тогда удостоимся мы избавления и спасения – вечного и истинного. Сподобимся будущего мира. Судьба ваша в ваших руках, дети мои, вам решать, какой дорогой пойдете...

На мгновение в синагоге воцарилась мертвая тишина, затем ее пререзал плач, вопль неутешный. Перед глазами у всех стояли два живых примера: руанская община, выбравшая смерть во освящение Имени, и евреи Триара, которые вынуждены были отречься от веры, чтобы сохранить жизнь. Играть же взятую на себя роль их заставляли постоянно, да к тому же в полную силу... Какой из городов станет примером для общины города Майнца?

В этот час, когда все вокруг плакали от горя и безысходности, рабби Элхонан подошел к отцу и попросил слова. Тот кивнул, и рабби обратился к согражданам.

Кратко, но выразительно описал он все свои невероятные приключения, начиная со дня похищения и кончая чудесным возвращением в лоно еврейства. Сказал о небывалой роскоши, в которой

жил, о власти и славе, о богатстве, которые отбросил, точно ненужный хлам, чтобы вернуться к вере отцов. Возвысил голос, сравнил свое нынешнее счастье, свой душевный покой с муками и неотступными сомнениями, какие испытывал посреди воистину королевского великолепия.

– Если уж я, который почти ничего не знал о своем народе и о вере Израиля, – говорил Элхонан, – метался, потеряв внутреннее равновесие, в этой почти сказочной, но чуждой еврейской душе жизни, то что говорить о каждом из вас! Подумайте, сколь невыносимо станет ваше существование, когда, презренные и поверженные в прах, лишены вашего духовного оплота, вы будете вынуждены жить по законам веры, ложность которой прекрасно сознаете. И это после того, как все дни и годы свои вы провели в священном служении Б-гу Израиля.

– Дорогие мои братья, – завершил речь сын рабби Шимона, – стократ легче умереть, чем испытывать подобные страдания! Лучше расстаться с этим миром в чистоте и святости и получить в награду жизнь вечную, нежели томиться в грехе, в скверне и потерять лучший мир! Поклянемся же здесь и сейчас все вместе, поклянемся нерушимой клятвой, что никогда, ни в каких обстоятельствах не предадим веры отцов и не оставим путей Всевышнего!

И вся община как один человек воздела руки к небесам и поклялась над раскрытым свитком Торы сохранить верность своему Б-гу. И рабби Шимон вновь поднялся на ступени и возгласил:

– Отцы наши великие, Авраам, Ицхак и Яков! Слышали ли вы клятву нашу? Я поступил по слову вашему и передал ваши слова общине сей. И вот вся святая община, словно один человек, готова исполнить свой долг и умереть во освящение Имени Всевышнего, да будет Оно благословенно! Но Ты, Владыка Небесный, Добрый и Милостивый, Страшный и Всемогущий, преклони слух свой к молитве своего верного раба, чье единственное желание – жить согласно Твоей Торе и в соответствии с Твоими заповедями! Сказал Ты через пророка своего Ишаяу: «Из-за злодеяния будет забран праведник». И если это значит, что один праведник может пожертвовать собой ради многих, то заberi мою жизнь и отврати зло, которое суждено тем, кто стоит здесь со мною рядом. А если уже подписан твой приговор и ничего более нельзя изменить, то все равно – заberi меня прежде остальных. Да не увижу я их горя и страданий! Да не узрят глаза мои смерти святого стада твоего, которое пас и берег я, верой и правдой служа им пастырем в течение сорока лет! Не посылай мне, молю, еще и этого испытания! О, Всевышний Г-сподь, Отец наш небесный, моя защита и избавление, возьми меня к Себе!

И в тот же миг глаза праведника закрылись, рабби Шимон покачнулся, медленно осел на пол и испустил дух.

Из всех уст вырвался возглас горя и изумления. Все, кто стоял поблизости, бросились к своему пастырю, пытаясь помочь, но сделать уже ничего было нельзя. Великий рабби Шимон закончил свой жизненный путь. Всевышний услышал его молитву и взял его на небо.

Община рыдала навзрыд. Горькие вопли еще долго раздавались окрест. Рабби Шимона и к месту последнего упокоения сопровождал неутешный плач евреев Майнца. Его дети один за другим подходили прощаться с отцом. Когда очередь дошла до самого младшего сына, до рабби Элхонана, тот произнес, стоя над открытой могилой:

– Да возрадуется душа твоя, о великий отец наш! Вот мы проводили тебя к месту последнего упокоения, и могила твоя устроена по обычаям Израиля. Доведется ли всем нам, оплакивающим тебя, удостоиться, как и ты, еврейского погребения?

Эти слова вызвали такой жуткий вопль отчаяния, достигший, казалось, самих небес, что рабби Элхонан уже не смог ничего добавить к сказанному.

На третий день недели траура в город ворвался граф Амиха во главе орды безжалостных негодяев. Перепуганные евреи, все восемьсот душ, составлявшие городскую общину, просили защиты и покровительства у архиепископа Ротенгарда. Но Ротенгард был свойственником и союзником графа Амихи. Он посоветовал просителям поручить лично ему заботу о сохранности их имущества и пообещал свое покровительство. После того как евреи передали архиепископу на хранение все свои ценности и капиталы, тот выдал их графу Амихе и его крестоносцам.

Последние, обнаружив, что ни один из восьмисот евреев Майнца не желает отказаться от религии предков, немедленно устроили резню. До самого конца рабби Элхонан не переставал ободрять и поддерживать колеблющихся и ослабевших духом, убеждая их гордо и радостно идти навстречу смерти во освящение Имени Всевышнего. Убийцы, понятное дело, в конце концов добрались и до него самого. Они разложили на площади большой костер и поволокли туда рабби Элхонана. Однако рабби Элхонан с возмущением оттолкнул их и сам, не дрогнув, взшел на место казни. Лицо его лучилось радостью – большей, чем когда бы то ни было, большей даже, чем та, которую он испытывал в далеком прошлом, поднимаясь на папский трон в Риме.

И смолкли, словно по мановению чьей-то властной руки, и разухабистые крики гнусных убийц, и вопли страдания, рвущиеся из уст погибающих праведников города Майнца. Все взоры обратились в тот миг к рабби Элхонану. А он стоял гордо, спокойно, возвышаясь над кучей хвороста и дров, – будто царь во главе могучего воинства. Языки пламени уже лизали его подошвы.

Он хотел было возвысить голос и открыть напоследок беснующимся извергам, что некогда носил сан «святейшего отца», сан наместника христианского бога на земле, их собственного бога. Пусть бы поняли нечестивцы, кого посмели они возвести на костер, пусть бы увидели, что означает величие и преданность служения Израилю. Однако сдержался, решив, что все равно никто ему не поверит и ответом будут лишь гнусные насмешки. И тогда над площадью зазвучал его высокий и чистый голос, перекрывший на мгновение все другие звуки:

– Слушай, Израиль! Г-сподь Б-г наш – Г-сподь один!

Эхо подхватило последние слова, многократно усилило и разнесло над городом. А сквозь толпу убийц вдруг прорвалась, как ураган, молодая еврейская женщина с пятью детьми, младший из которых был еще младенцем. Она раскидала горящие поленья, взобралась наверх и встала рядом с мужем, прижимая к себе детей.

– Милая Рахель! Дети мои! – вскричал рабби Элхонан. И в этот миг ввысь, колебля миры, вновь понесся многоголосый ликующий возглас:

– Г-сподь Б-г наш – Г-сподь один!!!

Потом на площадь опустилась тишина...

Восемьсот потомков Авраама, Ицхака и Якова приняли смерть во освящение Имени Всевышнего на глазах у всего человечества.

Но прежде чем догорел костер, в пламени которого погибла вся еврейская община Майнца, прежде чем остыли разбросанные вокруг костра угли, налетел неистовый ветер, раздул тлеющий огонь, подхватил ветки и головешки и разметал их по окрестным улицам, по крышам и дворам. Некоторые упали на крышу синагоги, и та мгновенно запылала. Убийцы с хохотом принялись кричать, что огонь-де сам мстит евреям и их молельне. Однако одной синагогой дело не ограничилось. Пожар разгорался все сильнее и сильнее; он перекинулся на другие дома, и вскоре большая часть города обратилась в пылающие руины. До сего дня площадь, на которой свершилось чудовищное злодеяние, называется площадью Сожжения.

Архиепископ Ротенгард и граф Амиха разделили меж собой награбленное у евреев добро. Злодеям недолго пришлось пользоваться добычей.

Прошло два года, и кайзер Генрих открыто возложил на архиепископа Ротенгарда ответственность за резню, учиненную над невинными и беззащитными евреями Майнца. Архиепископу пришлось бежать, бросив дом и огромное имущество. До конца своих дней изгнанник влачил на чужбине жалкое существование. Конец банды крестоносцев был еще более скорым и плачевным. Они продолжали путь на восток, грабя, убивая и сея вокруг ужас, пока не встретили настоящий отпор и не потерпели жестокое поражение от венгров, чью страну попытались было разграбить по дороге. Никто из этих нечестивцев не вернулся домой и не остался в живых.

Надгробье великого рабби Шимона на еврейском кладбище Майнца уцелело до наших дней. А вот рабби Элхонан и все остальные члены общины не удостоились еврейского погребения, как и предсказал

невольный сын рабби Шимона у могилы отца. Нет никакого надгробья у этого праведника, и нет нигде в мире рукотворного памятника, поставленного в знак уважения потомков к его мужеству и душевному величию.

Но память о рабби Элхонане живет в нашем народе. Имя его вспоминают со священным трепетом, предание о нем передается из поколения в поколение. В истории еврейской общины немецкого города Майнца не последнее место занимает судьба еврейского ребенка, которого подло выкрали из родительского дома. Воспитанный в чужой вере, он стал главой римской католической церкви, но сбросил папские ризы, чтобы вернуться к вере отцов, жить в ней и умереть за нее во освящение Имени Всевышнего Б-га Израиля. Да будет благословенна его память!

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ 2004 ГОДА

3 ЯНВАРЯ

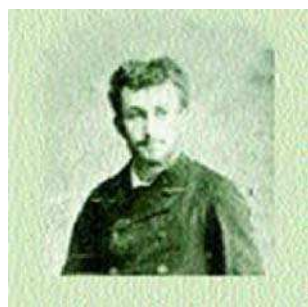
75 éàò ìí àíý ðíæááíéý органиста, народного артиста России, солиста Московской филармонии, первого исполнителя ряда органных сочинений российских композиторов, лауреата Государственной премии РФ **Гарри Яковлевича Гродберга** (р. 1929, Куршская коса, Литва).

7 ЯНВАРЯ

120 éàò ìí àíý ðíæááíéý дипломата, историка, академика АН СССР **Ивана Михайловича Майского** (наст. фамилия Ляховецкий; 1884, Кириллов Новгородской губ. – 1975 Москва).

10 ЯНВАРЯ

60 éàò со дня гибели философа, профессора Сорбонны, основателя и первого президента Лиги прав человека **Виктора Баша** (Basch; 1863, Будапешт – 1944, расстрелян в Париже).

115 лет со дня рождения экономикогеографа и историка географии, автора фундаментальных работ по истории географических исследований, в т.ч. «Очерков по истории географических открытий», **Иосифа Петровича Магидовича** (1889, Петербург – 1976, Москва)

105 èàò ì àÿ ðàèàíèÿ режиссёра документального кино, лауреата пяти Государственных премий СССР **Лидии Ильиничны Степановой** (1899, Рязань – 1962, Москва).

16 ЯНВАРЯ

120 èàò ì àÿ ðàèàíèÿ биохимика, академика АН СССР, АМН СССР, члена-корреспондента Польской АН и др., заведующего кафедрой физиологической химии Варшавского университета, профессора и директора Института медицинской химии Львовского университета, первого директора Института биохимии АМН СССР, автора трудов по тканевому обмену углеводов и ферментативным процессам, лежащим в основе мышечного сокращения, одного из пионеров применения в СССР изотопного метода в биохимии, лауреата Государственной премии СССР **Якова (Якуба) Оскаровича Парнаса** (1884, Мокряны, Австро-Венгрия – 1949, Москва).

22 ЯНВАРЯ

50 лет со дня рождения актера, снявшегося в фильмах «Сыщик», «Тот самый Мюнхгаузен», «ТАСС уполномочен заявить», «Конец операции “Резидент”», «Человек с бульвара Капуцинов», «Чокнутые» и др., **Леонида Исаковича Ярмольника** (р. 1954, Гродеково Приморского края).

26 ЯНВАРЯ

120 ёіò ì ãй ðіæййёу языковеда и этнолога, члена Американской академии искусств и наук, профессора Чикагского и Йельского университетов, президента Лингвистического и Антропологического обществ США, автора трудов по проблемам общего языкознания («Язык»), языкам американских индейцев, разработавшего концептуальную (или функциональную) типологическую классификацию языков мира, оказавшего влияние на возникновение и развитие структурной лингвистики, выдвинувшего (совм. с Б. Уорфом) гипотезу о воздействии языка на формирование системы представлений человека о мире, которая легла в основу этнолингвистики, **Эдуарда Сепира** (Sapir; 1884, Лауэнбург, Германия – 1939, Нью-Хейвен, США).

28 ЯНВАРЯ

70 *éàò ì áÿ ðæááéÿ* геолога, академика РАН, профессора Новосибирского университета, директора НИИ нефти и газа в составе Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН, автора трудов по нефтяной геологии и органической геохимии, лауреата Государственной премии РФ **Алексея Эммануиловича (Эмильевича) Конторовича** (р. 1934, Харьков).

29 ЯНВАРЯ

120 *éàò ì áÿ ðæááéÿ* физиолога и гистолога, профессора университета в Бреслау, автора трудов по физиологии обмена веществ, выделения и всасывания, гистологии почек и желудка, тепловому балансу организма, исследовавшего механизмы гипноза, **Рудольфа Петера Генриха Гейденгайна** (Хайденхайн, Heidenhain; 1834, Мариенвердер, Германия – 1897, Бреслау).

30 ЯНВАРЯ

70 éàò ìí àíý æááæ физика, члена экипажа стратостата
«Осоaviaхим-1» **Ильи Давидовича Усыкина** (1910, Большое
село Ярославской губ. – 1934, погиб в аэрокатастрофе, похоронен в Москве на
Красной площади).

Неїї-аєїї Неї ії І адеєє. Іїїаііаа ааіі ґ ії іаііаае ііаіі Оєі іііі. Үої аііе і іе іаі іе аєєєєе ааіа аа-аіеа іґоєааііґоє еао. Н ерєґ 1954 аіаа. І іі аеаеаеііі іаґаоаеііі і аі аіоа іоі адеоіі іао ііеаіеіаіе іаеєае. І аііо-еєііі

Симон – сын Переца Маркиша, выдающегося советского еврейского писателя. Переца Маркиша расстреляли в августе 1952 года вместе с другими руководителями и членами Еврейского антифашистского комитета, и это вызвало тяжелейший перелом в сознании его старшего сына. Этот перелом, естественно, определил всю его дальнейшую жизнь. Стал причиной другого перелома, о котором скажу ниже.

Симон Маркиш принадлежал мировой культуре. Это был какой-то невероятный курс – курс классического отделения филфака МГУ в конце сороковых и начале пятидесятых. Позднее там учился и Сергей Аверинцев, Сережа, с которым Симон дружил. Последний раз мы втроем встречались и фотографировались три года назад. Это было в Женеве, где много лет прожил Симон...

Симон Маркиш – прежде всего великий переводчик с древних языков. Переводчик Плутарха, Платона, Лукиана, других античных писателей. Он переводил еще и с английского, с немецкого, с французского, с итальянского.

Потом была эмиграция в начале 70-х. И снова университет. На этот раз – Женевский. Двадцать с лишним лет. Это оказался долгий путь. Симон Маркиш стал гражданином Швейцарии. Преподавал русский язык, русскую литературу. В Женевском университете я его наблюдал тоже. Поразительная атмосфера была в отделении, возглавлявшемся выдающимся филологом-русистом, знатоком нашей литературы Жоржем Нива. Какие люди выходили оттуда! Какое братство! Если есть университетский дух в наше время, по-настоящему университетский, то это связано с такими людьми, как Симон.

Маркиш – еврейский человек. Я бы так сказал. Нерелигиозный, но еврейский. Осознание этого в полной мере пришло к нему довольно поздно. И на моих глазах. Трудное осознание. То был второй гигантский поворот в его жизни, ибо прежде круг его интересов определялся мировой культурой. Еще здесь, в Москве, в шестидесятые годы, Симон издал «Рассказы об Эразме из Роттердама». Там, в Европе, много лет спустя, в новом своем ощущении он создал другую книгу – «Эразм и еврейство». Его уже интересовало это. Теперь, когда закончилось его земное существование, Симон пребудет одним из самых крупных, если не самым крупным исследователем, проповедником русско-еврейской литературы. Он полагал что русско-еврейская культура вообще заканчивается (спорный, по-моему, момент) и ощущал это мучительно; он славил эту культуру и говорил: вы должны ее знать. Под его влиянием я участвовал в спектакле по пьесе Семена Ан-ского «Диббук», с ним консультировался, играя в «Диббуке» на парижской сцене. Последняя его книжка – «Родной голос». Это замечательное собрание произведений русско-еврейских писателей конца XIX – начала XX века с великолепным предисловием Симона. Книжка меня обожгла: я ведь не знаток этой литературы. Он меня в который раз познакомил с тем, чего я не ведал. Книга издана на Украине. Университетским опять же издательством. Она для меня – его прощальный привет.

Симон – общественный человек в высшем смысле слова. Его влияние огромно. У него осталось множество учеников. Я по телевидению объявил, что умер Маркиш, и телефон у меня с того дня все время звонит, и люди говорят: мы услышали... я с ним учился... я с ним встречался... Никто из тех, кто его знал, его не позабыл. Его жалкая квартирка в переулке возле Плющихи – малюсенькая комнатка и строгая бабушка. Квартирка эта собирала людей, которых трудно себе представить. Там я познакомился с Юрием Домбровским. Туда приводил своих друзей-актеров. И все они, уже без меня (я-то жил в Ленинграде), там застревали. Иосиф Бродский не был особенно щедр на похвалы. И все-таки он сказал: «Этот гениальный Сима Маркиш»...

Повторяю: Маркиш – общественный человек. Но он и человек одинокий. Ему как истинному мыслителю всегда необходимо было говорить и необходимо пребывать в одиночестве. Потребность в одиночестве противоречила его общительному характеру. Но и то и другое присутствовало в нем. Смерть настигла его в женевской квартире. Он был один, и только на третий день друзья смогли попасть в квартиру. Они уже понимали, что им предстоит увидеть.

...Помню, как мы сидели в небольшой компании у Симона в Швейцарии. Мы встречали старый Новый год, девяносто пятый. Это было за год до смерти Иосифа. И Иосиф был там, и есть памятная фотография, и бесконечно памятные ощущения. После того как Симон эмигрировал, мы не виделись 14 лет, потому что я был «невъездной», а он «невъездной». Но мы переписывались, перезванивались, и когда увиделись через 14 лет, оказалось, что ничто не прервалось и наш диалог продолжается, и я по-прежнему

чувствую себя ведомым, а его – ведущим. По-прежнему узнаю от него, что надо читать, как понимать прочитанное. Ведь это из его рук я получил «Мастера и Маргариту», под его влиянием, и даже благодаря его суровой настойчивости, прочитал Томаса Манна. От него я узнал писателя, произведения которого теперь исполняю, – Владимира Жаботинского. Всё через него. Он больше ни разу не приехал в Россию. Я его очень звал. Нет, не приехал. Но, когда я был за границей, он приезжал ко мне. Далеко – иногда в Барселону, где мы снимали фильм «Чернов, Чернов» и где Симон сыграл роль старого официанта в испанском кафе. Он приезжал, и всегда это было веселье, это была радость, ибо общение с ним было безумно интересно.

Сам он никогда в учителя не напрашивался. Просто был учителем. Последний раз мы виделись в этом году в день его рождения в Брюсселе, где я давал концерт. Мы ели, пили, а потом на рассвете с нашим общим другом провожали Симона на Южном вокзале. Он уехал, а я вспомнил стихотворение, которое написал ему лет за десять до того, когда мы с ним тоже прощались.

Èàè ì àñò àð ñðàáí ò àè ñèðèí èé
Ááá í àò í è íáí í è ñèðáí èè,
Ááá í à áèáá ðí áí ñí èèáá
Èí ò í ðí è ñðáí è áèáð,
Áñá ÷ àñò è ñðí ù áí ù èðáí èí,
Òàè ý áú òí ò àè èðáò èí
È ñí áí çí í àé í ñò è èðí ò èí
Í ðí ñò è ò ù ñ ñ ò í áí è, áðàò ì í è, -
В óñáèó í áðàò í í.
Í à ñèí áá ì í àè è áí èà
× òí ò ù ñ í áá ðè è. Èí áèà
Ñèí ðí í ò ÷ àè è ò.
Áí áèè áú ñú ñí áí á - èàè á í áñ á
Í í í á í ðí ò è è ì ù áí àñ ò á
Í ù í ÷ á æ á ÷ óáñ ò á ð - ááñ ò á!
Á ðá çí ù ð ì èðáð æ è ò ù í áí .
Áí ò í í áí ò è à æ à ò áá
Í àè óðí æ à è ñè çáí ù è
Æá ð ò áí è í à Ááí ù Ñóáí ù è
Áðí çú ñí í áñú . × àñ ò í
Áñí ñí í ð ò áá ý,
Òí è ù èí ý í á í àè áè ò í è è á

Á yòíì Dàp - Oòàòú, Óðàí òèy' èèè ÷ òí òàì ?

B óðíæó íáðàòíí.

Áðàì ý ááæ è ò òéáéí.

Òù ñ òðàí è òàí éá

× òí ý ííáàðéé - Óóéá

Éííá-íí, áúèà... Éóóéí

Ì íá ááç ò ááy. - Ì ííá

Áì áíòá í òí òéè. Ñ Á-áí !

Áááè í íóáéóáí ñý ò òèæáú.

Ñéáçé í òí áéáíí àò í ááæáà

Ñáí òà-è ááò áí òí áá

Òù ò íéúéí ááðæéñí, òááè Á-áí!

Í á áí ò è í òí ñò è è è ñí

Áðàò í íé.

Ñáááé P òíéé